

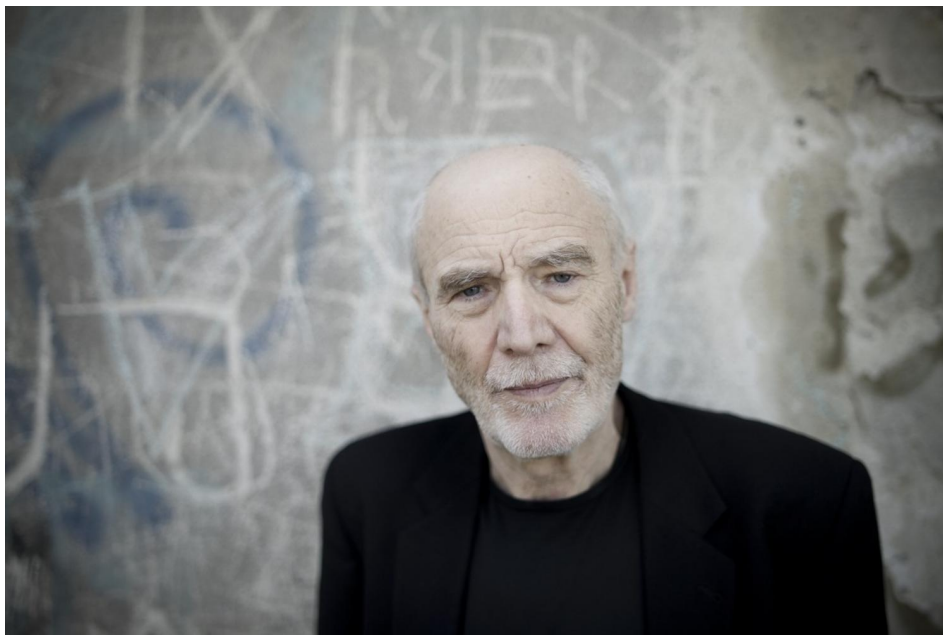

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2018

Выпуск изображений

Рышард Криницкий (1943) является одним из главных современных польских поэтов. Он также переводчик немецкой литературы, в т.ч. Брехта, Готфрида Бенна, Пауля Целана, Райнера Кунце. В 70-е и 80-е годы он был связан с демократической оппозицией. В 1988 году вместе с женой Кристиной основал издательство «а5», публикующее главным образом польскую поэзию. Живет в Кракове. Фото: К. Дубель

«Рышард Криницкий — один из поэтов “поколения 68 го”, сыгравшего важную роль в 1980-е годы. Уже его первая книга “Свидетельство о рождении” (1969) обратила на себя внимание критики, обеспечив поэту — наряду с Рафалом Воячеком и Станиславом Баранчаком — место среди самых значительных дебютантов того времени». Фото: К. Дубель

«Лирику Криницкого относят к тому течению “лингвистической поэзии”, которое сосредоточено не только на языковой игре, а прежде всего занято критикой языка. Причем дело тут не только в критике официального языка, не только в том, чтобы обнажить — как было прежде всего в момент дебюта или после введения военного положения — ложь официальной речи, но и в критике языка как орудия познания». Фото: К. Дубель

«Криницкий пишет редко и осторожно, взвешивая слова, иногда годами дорабатывая свои произведения, создавая их новые варианты». (Лешек Шаруга, Молчание, НП 9/2008). Фото: К. Дубель

Содержание

1. 24 тезиса об искусстве диалога
2. Хроника (некоторых) текущих событий
3. Экономическая жизнь
4. Мифы о евро, или несделанная домашняя работа
5. Март-68, пережитый лично
6. После Марта-68. Стихотворения
7. Культурная хроника
8. Плащ польского солдата
9. Пять стихотворений
10. Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы (Ч.3)
11. Гжегож Яжина
12. Ксения Старосельская в воспоминаниях учеников
13. Полномочный и сердечный посол польской литературы
14. Выписки из культурной периодики
15. Двести два
16. Благодарность

24 тезиса об искусстве диалога

Перевод Ольги Чеховой

1. Настоящий диалог не только предполагает возможность внутренней трансформации его участников, но и на такую трансформацию направлен. Это есть его основное условие. Если после участия в диалоге в нас ничто не изменилось, если мы остались такими, какими были в исходной точке, настоящий диалог не состоялся. Диалог, который не приводит к личностным изменениям участников — не диалог. В основе настоящего диалога лежит установка: я говорю с тобой для того, чтобы тебя изменить и ожидаю, что ты будешь говорить со мной для того, чтобы изменить меня, несмотря на то, что я в равной степени буду и открыт для перемены, и стану ей сопротивляться.
2. Настоящий диалог есть психомахия. Встреча двух индивидуальностей, с интересом взирающих друг на друга и жаждущих контакта с иным мышлением, которые при столкновении с инаковостью другого открываются перемене и одновременно сопротивляются ей. Я говорю с тобой, чтобы убедить тебя в своей правоте, но и ожидаю от тебя того же: чтобы ты говорил со мной с целью убедить меня в том, что именно ты прав. Убеждать собеседника в своей правоте, не будучи внутренне открытым перемене — значит создавать видимость диалога.
3. Диалог, служащий для демонстрации своей позиции — не более чем отправная точка настоящего диалога.
4. Диалог, в котором отсутствуют взаимные вопросы — не диалог, а лишь два параллельно произносимые монолога, обращенные к стене. Все вопросы по своей природе имеют наступательный характер. Задавая вопрос, я захожу в твой мир, чтобы лучше его узнать. Я задаю вопрос, чтобы ты пошел на риск и полнее открылся, отвечая на вопрос, который я тебе задаю. Кто не задает вопросов, тот делает заявление. Диалог не является чистым обменом информацией. Он представляет собой динамичный спор между индивидуальностями. Вопросы динамизируют его, побуждая расширять горизонт открытости, которая суть условие диалога.
5. Настоящий диалог — фехтование на аргументах. Мирное противоборство при помощи аргументов, отвергающее внесущностный императив. Я говорю с тобой, чтобы убедить, что я прав, но от тебя жду того же: постарайся силой своего

аргумента доказать, что я неправ. Настоящий диалог — это обоюдное согласие на поиски истины через мирное противостояние.

6. В настоящем диалоге собеседник не преследует цели уничтожить собеседника, а желает его изменить. Он ожидает, что и собеседник также не преследует цели его уничтожить, а только желает его изменить. Единственной формой давления, служащего изменению, должна быть сила аргументов.

7. Собеседник, который делает вид, что не слышит вопросов и аргументов собеседника, потому что они разрушают стройную картинку его собственного взгляда на проблему, ставит крест на диалоге.

8. Настоящие вопросы, динамизирующие диалог — это неудобные вопросы, на которые собеседнику трудно дать ответ. Если диалог складывается исключительно из вопросов, на которые легко ответить, он перестает быть диалогом. Он сводится к провозглашению готовых штампов, через которое собеседник самоутверждается, декларируя затертые формулировки, давно им используемые.

9. Неудобные вопросы приводят собеседника в смущение. Они обнаруживают зыбкость почвы под его ногами. Участник настоящего диалога соглашается на подобного рода смущение, ибо оно ведет к более глубокому самопознанию. Диалог в «Братьях Карамазовых» — настоящий потому, что Иван Карамазов задает фатально неудобные вопросы. Эти вопросы привели в смущение православных читателей романа Достоевского, помогли им пристальнее всмотреться в собственное мировоззрение.

10. Вопросы, которые задаются в настоящем диалоге, не могут носить характер вопросов следственных и экзаменационных, потому что вопросы следственные и экзаменационные не существуют сами по себе. Не существует объективной поэтики подобных вопросов, за исключением реальной ситуации следствия или экзамена. Тот же, кто допрашивает собеседника в диалоге, не ведет следствие и не принимает экзамен.

Ситуация следствия или экзамена предполагает институциональное неравенство собеседников. Оно проявляется в тот момент, когда один из них обладает над другим властью прокурора, профессора или полицейского. Такая власть устанавливает жесткие модальные границы беседы. В отличие от вопросов, заданных во время следствия или экзамена, например: «Знаком ли ты с Ковальским?», вопросы, заданные в равноправной беседе равноправных партнеров, не являются вопросами следственными или экзаменационными. Таковыми они становятся в тот момент, когда один из собеседников наделяется правами институциональной власти над другим — власти профессора

или следователя. Когда никто из собеседников не имеет подобного рода власти над другим, ни один из вопросов не становится вопросом следственным или экзаменационным, даже если таковым с чисто формальной точки зрения кажется. Тот, кто спрашивает во время беседы: «Что ты подразумеваешь под болезненным индивидуализмом?», не задает следственный вопрос, а только просит уточнить термин. Вопрос: «Что тебе ближе: демократия либеральная или нелиберальная?» не является вопросом экзаменационным или следственным, а только неудобным вопросом, если собеседник не хочет на него отвечать.

11. Игнорирование неудобных вопросов представляет собой не проявление уважения к собеседнику, а только фактический срыв диалога. Оно означает: я не хочу отвечать на вопросы, которые мне не подходят, поскольку, отвечая на них, я должен был бы более ясно продемонстрировать взгляды и убеждения, на которых основывается моя позиция, чего мне по разным причинам не хочется. В такой момент диалог заканчивается. Установка: я буду отвечать только на те вопросы, которые мне подходят, уничтожает диалог в зародыше.

12. Настоящий диалог основывается на уличении собеседника в хитрости и изворотливости, на что собеседник соглашается, зная, что человек склонен к хитрости и изворотливости, поскольку мы по природе своей грешны, что неизбежно проявляется в диалоге. В настоящем диалоге уличение собеседника в хитрости и изворотливости не преследует цели его унижить, а только помогает ему пристальнее взглянуть на свой внутренний мир и ошибки, свойственные его образу мышления. В настоящем диалоге собеседник хочет быть уличенным в хитрости и изворотливости, чтобы больше узнать о себе.

13. Ни один реальный диалог между людьми из крови и плоти никогда не протекает так, как об этом говорилось выше, потому что мы грешны и наша греховность отражается во всяком нашем слове, жесте и интонации. Следовательно, все приведенные выше принципы настоящего диалога утопичны и редко полностью соблюдаются собеседниками в реальной беседе.

14. Реальный диалог, даже если он происходит между двумя людьми в закрытой комнате, всегда разыгрывается перед некой аудиторией. Мы никогда не остаемся с глазу на глаз с собеседником. Нас всегда сопровождает кто-то третий, кто на нас «смотрит» и «слушает» то, что мы говорим. Это может быть кто-то вполне реальный или воображаемый, враг или союзник, один человек или группа, чей пристальный «взгляд» мы чувствуем на себе во время беседы.

15. Реальный диалог редко бывает совместным приближением к

истине. Обычно собеседники ставят себе целью успешно склонить аудиторию на свою сторону, не важно, идет ли речь об аудитории реальной или воображаемой. В реальном диалоге выигрывает тот, кому удастся склонить на свою сторону большинство «слушателей» или вершителей судеб мира.

16. Тот, кто ведет беседу с другим, всегда обращается к третьему. Иногда третий в диалоге сто крат важнее второго. Я говорю тебе то-то и то-то таким образом, чтобы они меня похвалили. Я говорю тебе то-то и то-то, потому что боюсь, что о н и будут меня критиковать. Тот, кто говорит с кем-то, всегда объединяется с ним в общий фронт против третьего или объединяется в общий фронт с третьим против того, с кем разговаривает. Ни один диалог не происходит в социальном вакууме, даже если это диалог двух людей, встретившихся в пустыне. И разговаривая посреди пустыни, мы стараемся расположить несуществующую, но тем не менее вполне реальную третью сторону диалога, то есть аудиторию, чей оценивающий «взгляд» мы чувствуем на себе.

17. Самое трудное в диалоге — обращаться к собеседнику действительно от своего лица. Чтобы этого достичь, необходимо постоянно помнить, что обычно мы говорим от лица тех, с кем чувствуем некую связь, даже если убеждаем себя, что говорим только за себя. Говоря, мы чувствуем за спиной одобрительную или неодобрительную реакцию группы, с которой себя идентифицируем, и которая обычно следит за тем, чтобы мы не сказали то, чего она не хочет слышать, или наоборот: чтобы мы сказали то, чего она от нас ждет.

18. Беседуя с другим человеком, мы обычно видим в нем представителя какой-то группы. В реальном диалоге мы часто с легкостью переходим с «я» на «мы» и с «ты» на «вы», что фальсифицирует диалог в самой его основе, превращая беседу двух индивидуумов в конфронтацию групп. Настоящий диалог начинается тогда, когда нам удастся забыть о том, что тот, с кем мы разговариваем, является представителем некой группы. Тогда это означает нашу способность увидеть в собеседнике отдельную, автономную, независимую личность. Также настоящий диалог начинается в ту минуту, когда нам самим удастся освободиться от безусловной идентификации себя с близкой нам группой, контролирующей нас и оценивающей своим «взглядом».

19. Настоящий диалог начинается в тот момент, когда нам удастся забыть об аудитории, которую мы должны склонить на свою сторону; это очень трудно, а то и вовсе невозможно. В настоящем диалоге мы стараемся искать только истину, вероятно неудобную для группы, с которой мы себя идентифицируем. Следовательно, условием настоящего диалога является обоюдное согласие собеседников предать

группу, из которой они происходят и которая может за такое предательство каждого из нас, участника диалога, покарать. Настоящий диалог зиждется на установке: для меня важнее истина, чем лояльность по отношению к группе, с которой — обращаясь к собеседнику — я чувствую себя связанным. Лишь немногие люди в мире способны повести себя подобным образом и пойти на такой риск. Большинство панически боится отвержения и одиночества, которые есть условия всякого истинного обмена мыслями. Если кого-то во время беседы держит на поводке группа или институция, с которой он чувствует себя связанным, он не участвует в диалоге, то есть не занимается поиском истины, только — обращаясь к своему собеседнику — с большей или меньшей степенью осознанности защищает интересы своей группы или институции, борясь с конкурирующей группой или институцией.

20. Тот, кто уже в исходной точке беседы ставит цель укрепить себя и других в догматах, близких его сердцу и важной для него группе или институции, не способен к настоящему диалогу. Настоящему диалогу неведома категория догмата. Настоящий диалог — это дверь, распахнутая для поисков истины путем спора с использованием рациональных аргументов, то есть противоположение стремлению фанатично отстаивать заранее принятый тезис. Следовательно, диалог немислим в пространстве веры, которая по определению является формой отстаивания утверждений, не подкрепляемых рациональным доказательством. Вера и диалог — два чуждых друг другу материка, где диалог может быть только иллюзией диалога, даже если он обращается к рациональным аргументам. Ибо принцип *credo quia absurdum*^[1] любой диалог прекращает навсегда.

21. В настоящем диалоге никто ничего не принимает на веру. В решающую минуту собеседники всегда произносят фразу: «Я проверю, чего стоят твои аргументы».

22. Если оба собеседника убеждены, что им известна истина, до диалога дело не доходит. Люди, которые беседуют для того, чтобы укрепиться в своих заранее принятых убеждениях, напоминают первооткрывателя, пускающегося в путь с точным знанием, до какого места он хочет добраться.

Отправной точкой всякого настоящего диалога является неизвестное: чувство, что истину только предстоит открыть. Если истина, которую собеседники ищут в аргументированном споре, известна, беседа может быть только иллюзией диалога.

23. Тот, кто диалогом считает наставления собеседнику, расходится с сутью настоящей беседы. В реальном диалоге ни один из собеседников не занимает позицию наставника. Вместо наставления — то есть отношения с позиции

превосходства, — оба собеседника учатся друг у друга, вместе ищут пути к познанию неведомой ни одному из них истины. Такие установки, разумеется, утопичны, потому что мало кто в реальной беседе способен избежать сладкого искушения высокомерно наставлять других.

24. В настоящем диалоге на второй план отходят такие аргументы не по существу, как язык тела, жесты, одежда собеседников, интонация, акцент, пленительная мелодия фраз, устрашение криком или категоричное осуждение оппонента без приведения доказательств ошибочности его суждений. В реальном диалоге, однако, подобные аргументы обычно играют ключевую роль, успешно воздействуя как на собеседника, так и на аудиторию. Настоящая беседа стремится ограничить использование таких «эффектов» в пользу аргументации по существу, несмотря на осознание того, что эстетическая выразительность высказывания будет тем самым значительно ослаблена.

Стефан Хвин — писатель, литературный критик, литературовед, профессор Гданьского университета, живет в Гданьске. Текст впервые опубликован в издании «Квартальник артыстычны» (№ 2, 2017), Быдгощ.

1. Верую, ибо абсурдно (лат.)

Хроника (некоторых) текущих событий

- «В пятницу Сейм внес изменения в закон об Институте национальной памяти. Отныне каждый, кто публично и вопреки фактам возложит на польский народ либо на польское государство ответственность за преступления, совершенные Третьим рейхом, либо за соучастие в этих преступлениях, будет наказан штрафом либо лишением свободы сроком до трех лет. Точно такое же наказание грозит за “явное преуменьшение ответственности реальных виновников этих преступлений”. (...) Посол Израиля Анна Азари во время памятных мероприятий в связи с 73-й годовщиной освобождения Освенцима призвала скорректировать эти изменения. Правительство Израиля считает, что Польша пытается запретить дискуссии о соучастии поляков в Холокосте. (...) К сожалению, во время Второй мировой войны некоторые поляки выдавали евреев немцам либо требовали от скрывающихся евреев выкуп». (Павел Сенницкий, «Польска», 29 янв.)
- «“У нас этот закон рассматривается как попытка запретить говорить правду о Холокосте”, — заявила посол Израиля в Польше Анна Азари во время памятных мероприятий, посвященных 73-й годовщине освобождения Освенцима. (...) Правительство Израиля опасается, что новый закон сделает невозможными дальнейшие исследования таких преступлений, как, например, в Едвабне. (...) Негативная реакция на закон усилилась после высказываний руководителя Института национальной памяти Ярослава Шарека, заявившего, что за преступление в Едвабне несут ответственность исключительно немцы, а поляков просто заставили принимать участие в этой карательной операции. А министр образования Анна Залевская недавно заявила, что она... не в курсе о произошедшем в Едвабне. (...) Пресс-секретарь ПИС Беата Мазурек пообещала, что корректироваться закон уже не будет». («Факт», 29 янв.)
- «Если разговоры представителей парламентского большинства о возможных преследованиях, в частности, Яна Томаша Гросса (автора книги о том, как еврейское население Едвабне было уничтожено польскими соседями — В.К.) окажутся правдой, это значит, что польской прокуратуре придется решать, какая книга может считаться научной

работой, а какая — нет». (Войцех Тумидальский, «Жечпосполита», 30 янв.)

• «Два года назад во время опроса польских старшеклассников, проходившего по всей Польше, почти половина учеников (46%) на вопрос, что случилось в Едвабне, ответили, что немцы убили там поляков, укрывавших евреев. И это не шутка! Это реальные результаты опроса. Еще 26% заявили, что немцы, действовавшие заодно с русскими, расстреляли там польских военнопленных. И только 15% ответили, что в убийстве евреев виноваты поляки, подчеркнув, однако, что расправа происходила при участии немцев», — проф. Ян Грабовский. («Газета wyborча», 5 фев.)

• «Эта норма (статья 55а) не должна находиться в новой редакции закона об Институте национальной памяти. Потому что согласно этой статье наказывается не только злоупотребление термином “польские лагеря смерти”, но и публичные заявления об участии поляков в Холокосте — к примеру, погром в Едвабне — и их соучастии в нацистских преступлениях, когда некоторые поляки шантажировали евреев выдачей немцам либо выдавали их (таких людей в то время в Польше называли “шмальцовниками”). (...) Если новая редакция закона вступит в силу в том виде, в каком ее принял в пятницу Сейм, такие оценки окажутся достаточно широким основанием для применения наказания в виде лишения свободы в отношении уцелевших в Холокосте свидетелей, которые обвиняют польских “шмальцовников”», — Войцех Козловский, инициатор и один из авторов отчета “Поврежденные коды памяти. Защита доброго имени Польши и поляков” юридической фирмы “Dentos”». («Жечпосполита», 30 янв.)

• «Поляки создавали собственные концлагеря. Перед войной — я имею в виду концлагерь в Березе-Картузской. И после войны — для немцев, например (а также для украинцев — В.К.)», — проф. Павел Шпевак, директор Еврейского исторического института в Варшаве. («Польска», 2-4 фев.)

• «Штраф или три года тюрьмы грозят каждому, кто публично затронет тему участия поляков в преступлениях, совершенных во время Второй мировой войны. А ведь существует множество исследований, свидетельств, неопровержимых доказательств, которые указывают, что поляки участвовали в некоторых эпизодах геноцида польских евреев. Новый закон пытается ограничить исследование важных фрагментов столь сложной истории польско-еврейских отношений во время Холокоста. (...) Если кто-то отважится коснуться этих темных страниц польской истории, против него возбудят уголовное дело. (...) Мы знаем, что институт Яд Вашем наградил тысячи поляков почетным титулом Праведников среди народов мира. (...) Но

мы также читали книги о событиях в Едвабне, знаем о погроме в Кельце. Есть современные исследования о евреях, которые, скрываясь, искали убежища у своих польских соседей. К сожалению, нередко это приводило к гибели евреев при непосредственном либо косвенном участии поляков», — профессор Тель-Авивского университета Хави Дрейфус, член Международного совета Освенцима. («Газета выборча», 30 янв.)

• «Тысячи поляков убивали евреев, выдавали их нацистам. Так что многие поляки участвовали в Холокосте. Все это отчетливо зафиксировано авторитетными польскими историками. Этот закон становится еще и попыткой уйти от ответственности. (...) Некоторые вооруженные формирования, запятнавшие себя убийствами евреев, к примеру, Национальные вооруженные силы, считали себя представителями народа... (...) Безусловно, на отношение поляков к евреям во время оккупации также повлиял откровенный антисемитизм таких персонажей, как Роман Дмовский, равно как и позиция католической Церкви. Поэтому многие поляки радовались гибели евреев. Такое отношение, наряду с желанием нагреть руки, присвоив себе имущество евреев, была главной мотивацией людей, совершивших эти преступления. (...) У нас появилась проблема — евреи и поляки. Скажем за это спасибо партии ПИС», — Эфраим Зурофф, директор иерусалимского отделения Центра Симона Визенталя. («Жечпосполита», 2 фев.)

• «По мнению еврейских организаций, количество евреев, ставших во время Второй мировой войны жертвами поляков, составляет 2,5 тыс. человек. Немецкие публицисты, в свою очередь, называют цифру 50–500 тысяч. (...) Пресс-секретарь правительства Иоанна Копцинская заявила, что назад дороги нет — закон об Институте национальной памяти (ИНП) корректировать не будут. Следственный отдел ИНП информирует, что 77 прокуроров отдела готовы проводить следственные действия в соответствии с новым законом». (Петр Фалковский, «Наш дзенник», 30 янв.)

• «В ночь со среды на четверг Сенат одобрил новую редакцию закона об Институте национальной памяти без поправок. Это означает, что вступление закона в силу теперь зависит только от подписи президента». (Кацпер Рогачин, «Польска», 2–4 фев.)

• «Израильский МИД заявил, что Израиль “категорически возражает против решения польского Сената одобрить новую редакцию закона об Институте национальной памяти”. (...) Госдепартамент США в довольно резком тоне призвал повторно проанализировать закон об ИНП перед голосованием в Сенате. (...) После совещания руководства ПИС в ночь со среды на четверг решено быстро принять закон и не реагировать на призывы его скорректировать. (...) Это было решение Ярослава Качинского». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 2 фев.)

- «С очередным официальным заявлением выступило посольство Израиля. “Со всех сторон мы слышим антисемитские высказывания и комментарии, многие из них касаются непосредственно г-жи посла Анны Азари. До сих пор мы воздерживались от реакции, однако не можем больше молчать. Антисемитский дискурс распространен не только в польском интернете, но и в масс-медиа, особенно на «TVP Info»”, — говорится в заявлении». (Анита Горчица, «Газета wyborcza», 3-4 фев.)
- «В понедельник в программе “В теле видения” на канале “TVP Info” Мартин Вольский (руководитель “TVP 2”) и Рафал Земкевич обменивались шутками на тему “польских лагерей смерти”. Земкевич с иронией комментировал: “...если (...) народы принимали участие, то еврейский народ принимал участие в собственном геноциде”. (...) Вольский: “Используя эту терминологию, можно сказать (...), что это не были немецкие или польские лагеря смерти, а еврейские лагеря. В конце концов, кто обслуживал крематории?”. Земкевич: “Да, и кто в них погибал?”. Ранее Земкевич в своем твиттере назвал евреев “пархатыми”, а посла Израиля охарактеризовал как “не слишком сообразительную”». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 31 янв.)
- «Отношение различных политических сил и медиа-кругов к травле, развернутой в отношении Польши, демонстрирует очень серьезный раскол в нашей общественной жизни. Польская политическая сцена все отчетливее делится на два противостоящих лагеря: патриотический и космополитический», — проф. Мечислав Рыба («Наш дзенник», 30 янв.)
- «На вопрос “Что должна сделать Польша в ситуации вокруг нового закона об Институте национальной памяти, предусматривающего наказание в виде штрафа или лишения свободы за возложение на польское государство либо польский народ ответственности за военные преступления, в том числе во время Второй мировой войны?”, 39% респондентов ответили: “Приостановить вступление этого закона в силу в связи с критикой со стороны других стран”. 36% опрошенных считают, что “нужно применять этот закон, не считаясь с критикой со стороны других стран”. 11% участников опроса заявили, что они “не слышали об этой ситуации”, а 14% “затрудились сформулировать свое мнение”. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 1-2 февраля». («Жечпосполита», 5 фев.)
- В среду «вечером комиссия по вопросам антисемитизма Конгресса США призвала президента Анджее Дуду наложить вето на закон об Институте национальной памяти». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 1 фев.)

- «“Закон, принятый поляками — это попытка откреститься от участия Польши в Холокосте (...)”, — заявил министр транспорта и разведки Исраэль Кац. (...) “Польша плюнула Израилю в лицо. Вот в чем смысл этого закона”, — говорит депутат от лево-центристского Сионистского лагеря Ципи Ливни. (...) “Это угроза для свободной дискуссии об участии определенной части польского общества в Холокосте”, — считает институт Яд Вашем». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 2 фев.)
- «Министр образования Израиля Нафтали Бенет заявил: “То, что многие поляки принимали участие в убийствах евреев — исторический факт”. (...) Возмущены даже арабские депутаты в Кнессете. “Многие поляки участвовали в преследовании и убийствах евреев, а еще больше поляков просто молчало”, — заявил депутат Ахмад Тиби». (Роберт Стефанский, «Газета wyborcza», 31 янв.)
- «Вчера около полудня израильские СМИ сообщили, что в среду в Варшаву прибудет министр образования Израиля Нафтали Бенет. (...) Он планировал встретиться с вице-премьером и министром науки и высшего образования Ярославом Говиным, а также с польскими студентами. (...) Однако вице-премьер Ярослав Говин “приостановил” решение о встрече. Поводом стало высказывание Бенета о Польше, процитированное израильскими СМИ». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 6 фев.)
- «Мы решительно осуждаем новый польский закон, который пытается отрицать участие поляков в Холокосте. Холокост был задуман в Германии, однако при этом сотни тысяч евреев погибли не от рук немецких солдат», — Яир Лапид, депутат Кнессета, бывший министр финансов, лидер центристской партии Йеш Атид. («Наш дзенник», 29 янв.)
- «“Сотни тысяч евреев были выданы поляками в руки нацистов. Эта историческая правда отныне запрещена новым польским законом. Но заткнуть рот тем, кто выжил, не получится”, — такой заголовок появился на первой странице популярной газеты “Едиот ахронот” (“Последние известия”))». (Томаш Чухновский, Томаш Белецкий, Михал Вильгоцкий. («Газета wyborcza», 29 янв.)
- «“Националистическое большинство в польских правящих кругах пытается проводить политику исторического ревизионизма и скрыть тот факт, что среди польского народа были и жертвы, и коллаборационисты. Нередко польских евреев убивали их соседи, опережая немецких военных либо делая это после того, как несчастным удавалось выжить в лагере”, — написала левая газета “Гаарец” (“Страна”). “Израиль не столько беспокоит выражение «польские лагеря смерти», сколько закон, который может приостановить

академические исследования, касающиеся роли Польши в Холокосте. Утверждение, что польский народ не имел с этим ничего общего, противоречит историческим фактам”, — подчеркнула правая газета “Иерусалим пост”». (Агатон Козинский, «Польска», 29 янв.)

- «Представленный в Кнессете проект новой редакции закона о так наз. “освенцимской лжи” теперь устанавливает наказание не только за отрицание Холокоста, но и за отрицание того факта, что у нацистов были помощники, а также за преуменьшение их роли в Холокосте. Этот законопроект стал ответом израильских парламентариев (...) на принятые польским Сеймом поправки к закону об Институте национальной памяти», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повшехны», 11 фев.)

- «“Попытка Польши переписать историю заново и заткнуть рот тем, кто уцелел в Холокосте, вызывает шок и представляется совершенно абсурдной”, — заявил депутат лево-центристского Сионистского лагеря Ицик Шмули». (Бартош Т. Велинский, «Газета wyborcza», 1 фев.)

- «Польскому правительству вдруг захотелось обсудить в польском парламенте Вторую мировую войну, причем заткнув при этом рты тысячам пожилых измученных представителей восьмимиллионного народа. Это просто в голове не укладывается. (...) Весь мир придет к простому выводу: Польша хочет наказать тех, кто уцелел в Холокосте и рассказывает о вине некоторых поляков перед евреями, имевшей место 70 лет назад. Надо же было умудриться так бездарно испортить себе репутацию. (...) Перед нами идиотизм чистой воды. (...) Честь Польши запятнана на глазах всего мира. (...) Возможно, кто-то в Польше признается, что поляки совершили глупость, но кого это будет интересовать? Вы опозорились на долгие годы», — Север Плоцкер, публицист и журналист, заместитель главного редактора газеты “Едиот ахронот”. («Газета wyborcza», 30 янв.)

- «Претензии по поводу нового закона высказал также Киев. (...) “Украинцы, как и поляки, стали жертвой двух тоталитарных режимов во время Второй мировой войны, и точно так же самоотверженно сражались за свободу своей родины. В этом контексте огромное беспокойство вызывает попытка представить украинцев исключительно как «кровавых националистов» и «коллорабационистов», сотрудничавших с Третьим рейхом”, — говорится в заявлении украинского МИДа. Украина также считает крайне некорректным использование в законе термина “Восточная Малопольша” применительно к Западной Украине. Руководитель украинского Института национальной памяти Владимир Вятрович полагает, что польский закон “поставит крест на свободном диалоге украинских и польских историков”. (Петр Фалковский, «Наш

дзенник», 29 янв.)

- «Павел Климкин, министр иностранных дел Украины, написал в своем твиттере: “(...) Появление юридического термина «преступления украинских националистов» свидетельствует об односторонних стереотипах и неизбежно вызовет соответствующую реакцию”. (...) По мнению президента Украины Петра Порошенко, оценки, содержащиеся в принятом Сеймом и Сенатом документе, являются “необъективными и абсолютно неприемлемыми”. (...) Ганна Гопко, председатель парламентской комиссии по иностранным делам, (...) написала у себя в фейсбуке: “Может быть, нам стоит напомнить полякам о концлагере для украинцев в польском Явожне? Или в очередной раз напомнить об акции “Висла” и Рижском договоре?”. (...) Секретарь украинской межведомственной комиссии по вопросам увековечивания памяти Святослав Шеремета призвал (...) украинский парламент “принять решение о признании факта польской оккупации земель Западной Украины, польских преступлений, совершенных в отношении украинцев в XX веке, а также ввести уголовную ответственность за отрицание этих преступлений, в том числе польской оккупации”». (Вацлав Радзивинич, «Газета wyborcza», 2 фев.)

- «Польша вводит политический диктат, напоминающий коммунистические времена, когда политики решали, как нужно интерпретировать те или иные исторические события. Без сомнения, закон об Институте национальной памяти навредит польско-украинским отношениям и прервет диалог между польскими и украинскими историками, считает директор украинского Института национальной памяти, проф. Владимир Вятрович». (Руслан Шошин, «Жечпосполита», 1 фев.)

- «В законе содержится курьезное, очень редкое определение преступлений, совершенных украинскими националистами. Период, во время которого они должны были быть совершены — это 1925–50 годы. (...) Время независимой Второй Речи Посполитой приравнено к периоду немецкой и советской оккупации, а также к эпохе ПНР и СССР. Преследовать за деяния, совершенные в отношении независимой Речи Посполитой восемь или девять десятилетий назад — это совершенно абсурдная идея». (Ежи Хашинский, «Жечпосполита», 7 фев.)

- «Перед польскими дипломатическими представительствами на Украине в понедельник прошли акции протеста, организованные националистами из партии “Свобода” и направленные против нового, “антибандеровского” закона об Институте национальной памяти». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 7 фев.)

- «Верховная Рада Украины приняла резолюцию, осуждающую

новый польский закон. (...) По мнению украинских парламентариев, он ударит по их соотечественникам в Польше». («Факт», 7 фев.)

- «Мы имеем дело с последовательной националистической политикой партии “Право и справедливость”. (...) Польша перестала быть стратегическим партнером Украины. Она в открытую угрожает помешать нашей интеграции с Европой. Сегодня в роли адвоката Украины выступает Литва», — Борис Тарасюк, вице-председатель парламентской комиссии иностранных дел. («Газета wyborcza», 2 фев.)

- «Проект новой редакции закона об Институте национальной памяти не должен попасть в Сейм в таком виде. (...) Непродуманная конструкция закона и нежелание считаться со сложившейся кризисной ситуацией сильно осложняет наше положение на стратегических направлениях международной политики. (...) Президент по образованию юрист и лучше, чем кто бы то ни было из участников общественной дискуссии, знает, что этот закон содержит серьезные ошибки и недочеты. (...) Скажем прямо: этот закон — юридическое фиаско. Он не применим на практике. (...) Мы внезапно оказались в ситуации международного конфликта с нашими стратегическими партнерами, причем почти со всеми», — Ян Ольшевский, адвокат, бывший премьер-министр. («Жечпосполита», 6 фев.)

- «Вот уже несколько дней польские дипломаты рассылают в зарубежные СМИ письма, опровергающие участие Польши в Холокосте и критикующие поврежденные коды памяти». («Газета Польска цодзенне», 5 фев.)

- «Те, кто на нас сейчас нападают, просто пытаются фальсифицировать историю. (...) Я глубоко убежден, что президент Дуда не должен сворачивать с заявленного им курса — то есть подписать закон», — заявил Ярослав Качинский. («Супер експресс», 5 фев.)

- «“Снимай ермолку, подписывай закон!”», — скандировали националисты в понедельник перед президентским дворцом (а для большей убедительности еще и развернули транспарант с этим лозунгом — В.К.). Представляющий националистов депутат Роберт Винницкий рассказывал собравшимся о том, что враги хотят обокрасть Польшу и поляков». («Жечпосполита», 7 фев.)

- «Президент Анджей Дуда подписал новую редакцию закона об Институте национальной памяти, однако направил его для рассмотрения в Конституционный трибунал. “Нечеткость некоторых формулировок создает угрозу использования уголовного наказания в отношении уцелевших в Холокосте и их близких”, — говорит Мачей Гутовский, председатель Okręgowego совета адвокатов Познани». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 7 фев.)

- «Это самая настоящая русификация польской общественной жизни. Российское законодательство очень похоже на наше, особенно в контексте отношения к истории Второй мировой войны. В России с 2014 года действует закон, запрещающий упоминать о том, что Советский Союз был союзником нацистской Германии. Это похожая ситуация: все знают, что так было на самом деле, однако боятся сказать об этом вслух, поскольку за такие слова вам грозит тюремное заключение или, как минимум, денежный штраф. (...) Оценить и одобрить действия польских законодателей могут только российские политики», — Тимоти Снайдер. («Политика», 7-13 фев.)
- «Польский парламент направил миру очень опасный сигнал. Вместо того, чтобы заботиться о репутации нашей страны, он заставляет всех вокруг подозревать, что с поляками что-то не так, что мы хотим скрыть правду, а в качестве аргументов использует суд и тюрьму», — проф. Павел Шпевак. («Тыгодник повшехны», 11 фев.)
- «Политической операции правящей партии сопутствует уверенность, что на нашем антисемитизме легко сыграть, так же как в случае с дискуссией относительно мигрантов сыграли на нашем расизме. Форсирование закона, который якобы должен защищать доброе имя поляков, приводит к тому, что поляки теряют это самое доброе имя. Но руководителей этой операции такая перспектива не смущает. Если в результате действий польских властей мир начнет нас презирать, достаточно будет разбудить в людях злобу, тревогу и возмущение, а потому сплотить их вокруг себя». (Томаш Лис, главный редактор, «Ньюсуик Польша», 5-11 фев.)
- «Некоторые идеологические мифы начинают себя потихоньку исчерпывать, стандартный антикоммунизм и призывы к люстрации потеряли свою привлекательность, поэтому ПИС (...) прибегает к националистической риторике. (...) И дело тут не в Холокосте или исторической правде, а в желании заткнуть рты критикам польской исторической политики или хотя бы как следует их запугать. (...) Уже сейчас можно наблюдать попытки запугивания тех, кто пишет об угрозе фашизма и нацизма в Польше. (...) Параллельно с этим исчезли все ограничители, препятствующие распространению антисемитизма в Польше. (...) Манипулирование общественным гневом стало ключевым элементом нынешних политтехнологий. (...) Они овладели искусством манипулирования общественным гневом и всегда могут найти какого-нибудь врага. Сегодня в этом качестве выступают Израиль, Евросоюз, Украина, непокорные судьи и так далее. (...) Все это только подтверждает самые отвратительные стереотипы относительно поляков как народа, который не созрел для демократии, не понимает идей правового государства, остается темным и нетолерантным. Все

эти ужасные стереотипы, с которыми мы постепенно расставались на протяжении последних 25 лет, вновь вернулись», — Яцек Кухарчик, директор Института обществоведения, сооснователь международной ассоциации открытого общества “PASOS”, член совета директоров “European Partnership for Democracy” в Брюсселе. («Пшеглэнд», 5–11 фев.)

• «Идеи реприватизации, откровенно дискриминирующие еврейских наследников, отвратительны с моральной точки зрения, поскольку посягают на имущество жертв нацизма и содержат неконституционные положения. Только кто об этом скажет?», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр юстиции и иностранных дел. («Жечпосполита», 7 фев.)

• «Ключевые положения проекта закона о реприватизации уже подверглись критике со стороны влиятельных еврейских организаций. (...) Еврейские организации критикуют отмену возвращения недвижимости в натуре, размер компенсаций за утраченное имущество и распределение их во времени, ограничение права наследования, на которое теперь могут претендовать только наследники первой линии. Особое возмущение вызвало условие, согласно которому право на получение компенсации имеют только лица в настоящее время являющиеся польскими гражданами и находившиеся на территории Польши в момент перехода их имущества в распоряжение коммунистических властей». (Данута Фрей, «Жечпосполита», 5 фев.)

• «Национализм — это отличная вещь. (...) Я поддерживаю польский национализм, потому что он мне близок и понятен. Это такой христианский национализм, очень католический. (...) Поэтому я каждый год участвую в Марше независимости, который проходит в Варшаве», — Ласло Торочкай, зампреда венгерской националистической партии «Йоббик», мэр приграничного городка Асоттхалом, инициатор строительства «забора против беженцев» на границе Венгрии. («До жечи», 29 янв. — 4 фев.)

• «Оппозиция добивается делегализации зарегистрированной в октябре 2011 г. общественной организации, члены которой, как это явствует из обнародованных “TVN” записей, чествовали Третий рейх. (...) Репортаж, который потряс польскую общественность, был показан в среду. (...) На видеозаписи люди в мундирах Вермахта провозглашают тосты “за Адольфа Гитлера и нашу родину, любимую Польшу”, виден также небольшой “алтарь” в честь Гитлера, а также вафельный торт в форме свастики. Так отмечалась 128-я годовщина со дня рождения лидера нацистской Германии». (Михал Коланко, «Жечпосполита», 23 янв.)

• «В репортаже “TVN” о польских неонацистах видно, что за фестивалем “Орлиное гнездо” стоят деньги, инфраструктура, организационные усилия. А также чувство безнаказанности. Когда премьер-министр Шидло ликвидировала Совет по борьбе с расовой дискриминацией, в неонацистских кругах воцарилась эйфория. Они почувствовали, что у них развязаны руки. (...) Сегодня очень легко с обочины политической жизни переместиться в центр общественного мнения — достаточно, например, публично сжечь куклу, изображающую еврея (как это сделал Петр Рыбак из Вроцлава — В.К.), и вот ты уже выступаешь на одной сцене в компании важного политика (министра юстиции и генерального прокурора Збигнева Зебро — В.К.). (...) Простые, с виду приличные люди пишут потом в интернете, что “беженцам нужно устроить Освенцим”. Геноцид становится для них привлекательной моделью», — проф. Рафал Панковский. («Ньюсуик Польска», 29 янв. — 4 фев.)

• «По распоряжению Гливицкой окружной прокуратуры Агентство внутренней безопасности задержало трех членов организации “Гордость и современность”, в том числе Матеуша С., руководителя организации. Задержанным предъявлены обвинения в пропаганде нацизма — в 2017 году они отмечали 128-ю годовщину со дня рождения Адольфа Гитлера». («Жечпосполита», 24 янв.)

• «В Глубчице под Валбжихом в очередной раз прошел музыкальный фестиваль крайне правого направления “Night of Terror”. На фестивале выступили неонацисты из Германии, Венгрии, Эстонии и Польши». (Пшемислав Витковский, «Пшеглэнд», 29 янв. — 4 фев.)

• «Только в 2015–18 гг. неонацистские сборища проходили во Вроцлаве, в Варшаве, Гданьске, Дзержонюве, Гостыне под Познанью, Компрахчицах под Ополе и в Люблинском воеводстве. В 2015 г. для проведения неонацистского слета фашистов из Польши, Германии и Эстонии организаторы арендовали помещение у фирмы, принадлежащей члену правления партии “Согласие” Ярослава Говина (ныне вице-премьер и министр науки и высшего образования — В.К.). (...) Об описанных нами многочисленных мероприятиях спецслужбы узнавали еще до их начала — если не из “Газеты wyborчей”, то из заявлений, которые каждый раз направляли в полицию неправительственные организации, в частности, “Открытая Речь Посполитая”, фонд “Кламра” (“Скрепа”) и Центр мониторинга расистских и ксенофобских проявлений. Ни одно из этих мероприятий не повлекло за собой не только судебного приговора, но даже и обвинительного заключения». (Яцек Харлукович, «Газета wyborча», 23 янв.)

• По мнению Анджея Барчиковского, бывшего руководителя

Агентства внутренней безопасности, «в Польше действует около десятка группировок, подозреваемых в пропаганде нацизма и тоталитаризма. “В них может состоять несколько тысяч человек, — добавляет он. — Наибольшую опасность представляют организации международного характера, к примеру, “Combat 18”. (...) По данным ассоциации “Никогда больше”, которая вот уже двадцать лет отслеживает случаи расизма и ксенофобии, с середины 2015 г. в Польше резко возросло количество актов насилия и других инцидентов на почве расовой ненависти, главным образом, нападений физического характера. Очень часто злоумышленники остаются безнаказанными». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 26 янв.)

• На вопрос агентства «SW Research» «Несут ли политики ответственность за ксенофобские и расистские эксцессы в Польше?», 54,6% респондентов ответили утвердительно, 22,4% — отрицательно, а 23% не смогли определиться с ответом. «Когда в Варшаве избили 14-летнюю девочку-турчанку, министр внутренних дел Мариуш Блащак осудил этот акт насилия, но в то же время попытался убедить общественность, что этот инцидент лишен расистской подоплеки, поскольку девочка не была темнокожей. (...) Сенатор от ПИС Вальдемар Бонковский с сенатской трибуны рассказал о своих впечатлениях от исламских стран: “Впечатление, как если бы из великосветского салона вы вдруг попали в хлев”». («Ньюсуик Польска», 22-28 янв.)

• «Националисты очень опасны. (...) Идеи и ценности нынешних националистов — это не патриотизм. Это ненависть к людям, которые думают и выглядят иначе. (...) Утверждение, что националисты, неонацисты и расисты — это горстка маргиналов, только позволяет количеству этих маргиналов неуклонно расти. Эти маргиналы сделали Германию нацистской. Эти маргиналы сделали Россию большевистской. (...) Марш Национально-радикального лагеря (...) разрешили не только власти, но и Церковь. (...) Если бы раньше мы более решительно реагировали на выходы НРЛ и “Молодежи всея Польши”, сегодня не было бы этих нацистов, чествующих Гитлера. (...) Легкомысленное отношение к нацистам, которое демонстрирует господин министр Брудзинский, может привести к трагедии. За такие вещи нужно отвечать перед Государственным трибуналом. (...) Весь мир видит, что в Польше нарождаются расизм и фашизм, а правительство умышленно недооценивает масштаб проблемы. (...) В Польше начинает воцаряться удушливая атмосфера. Когда чувствуешь вонь фашизма, расизма, коммунизма и неправильно понятого национализма, нужно говорить об этом вслух. Иначе однажды мы задохнемся. Нельзя молчать. (...)

Польское христианство — это мыльный пузырь. (...)

Мусульмане такие же люди, как и мы. Мы должны уважать их и искать путь к согласию с ними. (...) Да, среди мусульман есть преступники. Но разве их никогда не было среди христиан?», — епископ Тадеуш Перонек, бывший генеральный секретарь Конференции Епископата Польши и ректор Папской теологической академии в Кракове. («Жечпосполита», 29 янв.)

• «Иностранцы, ставшие жертвой нападений на почве расовой ненависти, смогут воспользоваться бесплатной юридической помощью». «Это результат договоренностей между властями Вроцлава и Окружным советом адвокатов. (...) “Во Вроцлавской агломерации в настоящее время проживает более 100 тыс. иностранцев из 120 стран. Вроцлав постепенно становится интернациональным городом, и мы хотим, чтобы это был открытый город. Поэтому мы проводим мероприятия, направленные на защиту иностранцев”, — говорит мэр Вроцлава Рафал Дуткевич. (...) В Варшаве подобные услуги оказывают несколько организаций, в частности, фонд “Наш выбор” совместно с фондом “Спасение”, Хельсинкский фонд по правам человека, Международная организация по делам мигрантов». (Роберт Бискупский, «Жечпосполита», 16 янв.)

• «Новые поправки к уголовному кодексу, которые вскоре вступят в силу, направлены на защиту тех, кто подвергся нападению в своем собственном доме либо на прилегающей к нему территории. (...) Отныне для таких лиц уголовная ответственность не наступит, даже если при самозащите будут превышены пределы необходимой обороны». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 18 янв.)

• «Трудно сегодня найти страну, в которой фальсификация истории принесла бы столько вреда, как в Польше.

Аналогичным образом трудно найти общество, где осознание связанных с этим процессом опасностей было бы столь же слабым. 11 ноября прошлого года 60 тыс. человек прошли по улицам Варшавы в рамках организованного при участии неонацистских организаций Марша независимости. (...)

Изгнание Польши из семьи демократических стран — а именно этот процесс мы наблюдаем сегодня — было бы невозможным, если бы националистические правые круги не прибрали к рукам историю. Самое ужасное, что это произошло при молчаливом попустительстве центристских и левых партий, а также с одобрения общественности. (...) Мы можем сколько угодно ругать управляющих сегодня Польшей демагогов из право-консервативного лагеря, однако это предыдущее правительство и элиты Третьей Речи Посполитой отдали им историю, неуклюже пытаясь понравиться избирателям правых взглядов. Ведь это президент Бронислав Коморовский ввел праздник “проклятых солдат”, а предыдущие министры

культуры вовсю подыгрывали правым, ударяя в националистический бубен», — Ян Грабовский, профессор Оттавского университета. («Газета выборча», 15 янв.)

• «В школах не рассказывают о том, что такое геноцид. О большей части громких преступлений XX века школьники узнали только во время лекций в Освенциме. За редким исключением, почти ни один из учеников не слышал раньше ни о Руанде, ни о Камбодже, ни о Сребренице. Перед занятиями во многих группах даже не было ни одного человека, который мог бы сказать, на каких континентах находятся Камбоджа и Руанда. Единицы слышали о геноциде армян, не зная точно, однако, были ли армяне жертвами геноцида или это армяне осуществляли геноцид в отношении турок. (...) Многие молодые люди после занятий признались, что раньше даже не задумывались над тем, что в интернете полно непроверенных либо лживых источников информации и что благодаря этому людьми так легко манипулировать». (Алиция Бартусь, «Политика», 31 янв.)

• «Главная проблема в том, что в школах учат не столько истории, сколько фактографии. Но это никак не связано с рефлексией относительно коллективной ответственности, проблем этики и гражданской позиции. А кто же будет учить детей критическому отношению к политике, рассказывать о механизмах восприятия скрытой информации в рекламе, о пропаганде и популизме? Кто поможет им вооружиться сознательно принятой на себя ответственностью?», — Петр Цивинский, директор государственного музея в Освенциме. («Жечпосполита», 26 янв.)

• «“В Верховном суде по-прежнему заседают судьи, участвовавшие в вынесении суровых политических приговоров во время военного положения в 80-х годах. Другие их коллеги были секретными информаторами коммунистических служб безопасности. Их неизменное присутствие в высшей государственной судебной инстанции, а также то влияние, которое они оказывают на ее работу, негативным образом отразились на уровне доверия общества к судебной власти, равно как и на поведении младших судей”, — это фрагмент семистраничного документа, который 10 января в Брюсселе премьер-министр Матеуш Моравецкий раздал зарубежным журналистам. Уже в самом этом фрагменте о Верховном суде полно лжи и передергивания. (...) В Верховном суде работает почти сто судей, и из них только Вальдемар Плученник работал во время военного положения. (...) Не говоря уже о том, что этот судья в 2010 г. вынес суровый приговор в отношении сотрудников милиции, которые в период военного положения избивали оппозиционеров, а в 2011 г. выступил за люстрацию прокуроров. (...) А «информаторы коммунистических служб

безопасности»? (...) В Верховном суде нет ни одного агента». (Войцех Чухновский, Томаш Пёнтек, «Газета выборча», 22 янв.)

• «“Приходится констатировать, что премьер-министр польского правительства ведет лживую кампанию против конституционного органа власти Речи Посполитой, каковым является Верховный суд, — говорится в специальном пресс-релизе Верховного суда за подписью его пресс-секретаря Михала Лясковского. (...) — Если господин премьер-министр располагает конкретными данными, прошу представить их публично”. Верховный суд также отрицает информацию о том, что эта судебная структура не прошла переаттестацию после падения ПНР: “Это неправда, что Верховный суд без всяких кадровых чисток перешел из тоталитарных времен коммунизма в эпоху демократии. Хотелось бы напомнить, что в 1990 г. в Верховном суде прошла переаттестация судей. Большинство тогдашних судей (80% судейского состава) не прошло переаттестацию”». (Войцех Чухновский, «Газета выборча», 23 янв.)

• «Как гражданин, хочу заявить: господин премьер-министр, если СМИ говорят правду о том, в каких красках вы представляете за границей польскую систему правосудия, тогда вы поступаете подло. Эта подлость метит не только в судей, но и в саму Польшу. Потому что униженные и оболганные Вами судьи выносят свои решения от имени Речи Посполитой», — Ян Видацкий. («Пшегленд», 29 янв. — 4 фев.)

• «Во вторник 75 судей встретились на заседании Общего собрания судей Верховного суда. По итогам тайного голосования 69 из них поддержали принятие следующей резолюции: “Законы о Верховном суде, Национальном совете правосудия и судах общей юрисдикции были на глазах всего мира приняты и подписаны с нарушениями основных норм права. (...) Многие положения этих законов противоречат польской конституции и нарушают принципы разделения властей, независимости судов, а также независимости и несменяемости судей”. (...) Драматично звучит последний пункт резолюции: “Мы призываем с уважением отнестись к тем судьям, которые под давлением извне примут решение остаться на своих должностях”. (...) “Старшим судьям придется решить, обращаться ли им к президенту за согласием на продление их полномочий. Для многих судей это совершенно неприемлемо, — говорит судья Михал Лясковский, пресс-секретарь Верховного суда. — Молодым судьям, в свою очередь, придется определиться, хотят ли они остаться и защищать ценности правосудия в суде, который будет уже совсем другим, вызывающим наши самые серьезные опасения”». (Лукаш Возницкий, «Газета выборча», 17 янв.)

• «“Чтобы сохранить верность судейской присяге, ни один

судья не должен принимать участие в избрании Сеймом новых членов Национального совета правосудия”, — призывает Национальный совет правосудия. Совет также напоминает, что новые нормы права, дающие Сейму право выбирать членов Национального совета правосудия, нарушают конституцию Польши». («Газета wyborcza», 12 янв.)

- «“Заявляю о своем уходе с поста председателя Национального совета правосудия с 15 января 2018 г., дня, предшествующего вступлению в законную силу новой редакции закона о Национальном совете правосудия. По мнению совета, эта редакция нарушает конституцию Польши”, — написал Дариуш Завистовский, судья и председатель гражданской коллегии Верховного суда, с 2015 г. председатель Национального совета правосудия. Срок его полномочий на посту председателя совета заканчивался в марте». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 13-14 янв.)

- «Вроцлавский окружной суд, ссылаясь на конституционное право граждан открыто выражать свои взгляды, отказал в возбуждении дела в отношении активистов группы “Вроцлав для демократии”. Мартин Нужинский и шестеро других активистов с плакатом “Защитим демократию!” стояли 30 июля 2017 г. на площади Свободы. (...) Наказать активистов требовала полиция». («Газета wyborcza», 8 фев.)

- «Десять экологов, которые 8 июня блокировали работу тяжелой техники, предназначенной для вырубki деревьев в Беловежской пуще, действовали “в условиях крайней необходимости”, признал суд Хайнувки, после чего освободил активистов». («Газета wyborcza», 11 янв.)

- «Требование “Государственных лесов” возместить ущерб за протесты в Беловежской пуще носит признаки злоупотребления правом и противоречит базовым принципам общественной жизни, говорится во вчерашнем решении районного суда в Белостоке. Холдинг “Государственные леса” требовали возмещения ущерба у десяти активистов “Гринпис” и фонда “Дикая Польша”, заблокировавших работу тяжелой лесоповалочной техники». («Газета wyborcza», 8 фев.)

- «Председатель Национального совета телевидения и радиовещания (...) отменил взыскание, ранее наложенное на информационный портал “TVN24”. (...) 11 декабря Национальный совет телевидения и радиовещания постановил взыскать с “TVN24” штраф в размере 1,5 млн злотых за то, что журналисты портала в период между 16 и 19 декабря 2016 г., рассказывая о том, как в Сейме депутаты от оппозиции заблокировали парламентскую трибуну, призывали к незаконным действиям». (Агнешка Кублик, Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 12 янв.)

- «По данным движения “Граждане Речи Посполитой”, уже 210

человек получили по почте заочно вынесенные судебные решения о наложенных на них штрафах. (...) 60 человек обвиняются в попытке сорвать ежемесячную манифестацию памяти жертв смоленской катастрофы. (...) 13 человек наказаны за участие в манифестациях в защиту свободы СМИ в декабре 2016 года. (...) 61 человек осужден за блокирование марша “Национально-радикального лагеря”, 75 человек — за участие в акциях протеста в защиту судов, еще один человек наказан за то, что поддерживал допрашиваемых. (...) В подготовленном неправительственными организациями отчете говорится о 619 административных производствах, возбужденных в отношении тех, кто протестует против политики ПИС. Это же касается и активистов, защищающих Беловежскую пущу. По разным данным, за последние недели количество таких дел могло возрасти до 800». (Магдалена Курса, «Газета выборча», 15 янв.)

- «Трансплантологи бьют тревогу: все больше больных отказываются либо размышляют над отказом от операций, связанных с трансплантацией, поскольку у них нет денег на иммуносупрессивные препараты. “Лекарства дорожают, иногда на несколько сотен злотых, а без них больному не выжить. Поэтому многие просто отказываются”, — объясняет Ивона Новик из Эльблонга, пациентка, перенесшая операцию по пересадке печени». (Каролина Ковальская, «Жечпосполита», 12 янв.)

- «Средняя зарплата в стране в размере 5 тыс. злотых “брутто” (то есть 3,5 тыс. на руки) — это только фрагмент нашей финансовой действительности. (...) Главное управление статистики в своем отчете, посвященном зарплатам, указывает также медиану и доминанту. Медиана — это граница, отделяющая тех поляков, кто зарабатывает хорошо, от более бедных слоев населения. В 2016 г. медиана, то есть средняя стоимость труда, составила ок. 2,5 тыс. злотых. Можно допустить, что сегодня она немного выше — первая половина поляков зарабатывает меньше, а вторая больше, чем 2,6 тыс. злотых “нетто” в месяц. (...) Доминанта, то есть наиболее распространенный объем вознаграждения, по данным Главного управления статистики в 2016 г. составлял ок. 1,5 тыс. злотых, а в 2017 г. — ок. 1,6 тыс. злотых. Это немногим больше от установленного минимума. (...) Чтобы оказаться среди 10% хорошо зарабатывающих, нужно получать ок. 5,3 тыс. злотых “нетто”. Элитой (ок. 2,3% работников) считаются те, кто зарабатывает более десяти тысяч злотых в месяц». (Радослав Омахель, «Ньюсуик Польша», 29 янв. — 4 фев.)

- «В третьем квартале 2017 г. польская экономика достигла вершины конъюнктуры в этом цикле. Темп настолько высокий, что динамика роста на уровне 4% ВВП сохраняется и

в 2018 году. (...) На рубеже 2018–19 гг. произойдет торможение этой динамики, которое может продолжаться от шести до восьми кварталов», — Мирослав Гроницкий, бывший министр финансов, проф. Ежи Хауснер, бывший министр труда, а также экономики и труда, бывший член Совета финансовой политики. («Жечпосполита», 18 янв.)

• «После двух лет правления ПИС, если у нас и есть шанс на повышение уровня инвестиций, то он связан только с увеличением наплыва иностранного капитала. (...) Бюджетный дефицит (...) в этом году может быть очень низким. (...) В ноябре план чрезвычайных расходов был выполнен нами на 47%. Тратить деньги нам мешает страх, некомпетентность и нерешительность. Достаточно совершить ошибку — и к вам заявятся сотрудники Центрального антикоррупционного бюро. Страх парализует. (...) Моравецкому удалось растянуть по времени выплату пенсий, и это хорошо для стабильности государства. Разредить суммы, свободные от налогообложения. Не допустить разрушения банковской системы, которая могла бы рухнуть, если бы был введен закон о кредитовании во франках. (...) Экономика сохраняет равновесие. Удалось повысить собираемость налогов. Программа 500+ работает уже два года, и это не развалило не только экономику, но даже бюджет. Инфляция составляет 2%, а не 6%. (...) В перспективе нам угрожает серьезное замедление темпа экономического роста. (...) Стоимость человеческого труда начинает расти во всех отраслях экономики. (...) Правящей партии повезло — у нас есть миллион украинцев. (...) Польской экономике нужны мигранты, ей нужны также беженцы. (...) Если бюджет выдержит 500+ и другие “программы плюс”, Моравецкий с Качинским будут “на коне” несколько следующих лет», — Марек Белька, бывший премьер-министр, министр финансов и председатель Национального польского банка. («Жечпосполита», 18 янв.)

• «Это будет бизнес, который обеспечит о.Тадеуша Рыдзыка деньгами на многие годы! Сначала его фонд получил от ПИС почти 27 млн злотых на бурильные работы. Затем — 19,5 млн злотых на строительство теплоцентрали. А недавно торуньский священник получил 12 млн злотых на укладку труб, по которым будет поступать тепло для жителей Торуня. (...) Жители Торуня будут платить Рыдзыку за тепло несколько десятков миллионов злотых в год! (...) “Перечисляя дотации фонду о.Рыдзыка, ПИС тем самым рассчитывается за свои долги по избирательной кампании. (...) Кран с государственными деньгами теперь будут открывать все чаще, чтобы Рыдзык не перестал поддерживать правительство и не участвовал в создании радикального политического лагеря вокруг Антония Мацеревича”, — комментирует Борис Будка, депутат от “Гражданской

платформы”. («Супер экспресс», 29 янв.)

• «Мы, священники, сами искореняем христианский дух. (...) Все больше людей перестают идентифицировать себя с Церковью. (...) В 2016 г. количество посещающих церковь сократилось по сравнению с 2015 годом на 3% и составила 36,7% — это самый низкий показатель за всю послевоенную историю Польши. Мы внесли в наше религиозное чувство разъедающий его элемент — враждебность. (...) А общество, где есть враждебность, живет по законам ненависти. (...) Еще десять лет назад 70% поляков считали, что мы должны проявить гостеприимство по отношению к людям, спасающимся от жестокостей войны, потому что нас по-человечески принимали в других странах, когда мы сами были беженцами. Сегодня ситуация изменилась с точностью до наоборот: 63% поляков не хотят, чтобы Польша принимала беженцев. (...) Профессор Норман Дэвис (...) сказал недавно: “Польские прихожане глотают в своих костелах яд”. (...) “Радио Мария”, телеканал “Трвам” и “Наш дзенник” (СМИ, принадлежащие о.Рыдзыку — В.К.) годами источают яд, называя это евангелизацией. (...) Этот яд тем более опасен, что его распространение поддерживают многие епископы. (...) Священникам, которые снисходительно относятся к национализму и агрессии, а особенно тем, кто ее поддерживает, я хочу сказать со всей строгостью: подобным поведением вы уничтожаете христианство и Церковь, помогаете силам, угрожающим общественному спокойствию. (...) В самых кошмарных снах я представить себе не мог, что стану свидетелем подобных событий», — о.Людвик Вишневский, доминиканец, которого президент Лех Качинский наградил Кавалерским крестом Ордена возрождения Польши, а президент Бронислав Коморовский — Большим крестом. («Тыгодник повшехны», 21 янв.)

• «“Прием Польшей детей, ставших жертвами вооруженных конфликтов, на практике означает переселение детей вместе со взрослыми. (...) Этот аспект должен рассматриваться в контексте весьма высокого уровня террористической угрозы”, — пишет министерство внутренних дел и администрации сенатору Богдану Клиху в ответ на его запрос относительно приезда сирийских детей на лечение в Польшу». («Газета wyborcza», 23 янв.)

• «Кардинал Казимеж Ныч во время воскресной мессы по случаю 104-го всемирного дня беженца заявил (...): “Для каждого христианина встреча с беженцем — это возможность встретиться с Христом”. Кардинал процитировал слова из Книги Исхода: “Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской”. (...) Депутат от ПИС Кристина Павлович прокомментировала эти слова: “Я

попросила бы не оказывать на поляков морального давления (...). Христос не проповедовал ислам, он не был мусульманином, беженцем или мигрантом в нынешнем, угрожающем и отталкивающем значении этих слов. Сравнить Христа с сегодняшним мусульманским беженцем, иммигрантом, который терроризирует принявшую его страну — это, как мне кажется, злоупотребление нашей верой и неуважение по отношению к нам”. “Я прошу вас, ваше

Высокопреосвященство, не заниматься исламской пропагандой”, — призвала депутат». («Супер экспресс», 17 янв.)

• «В ходе голосования на пленарной сессии Европейского парламента в Страсбурге за отстранение польского политика (Рышарда Чарнецкого из ПИС) с должности одного из 14 вице-спикеров парламента высказались 447 евродепутатов, против — 196, 30 воздержались. (Поводом стало публичное оскорбление, нанесенное Чарнецким евродепутату от “Гражданской платформы” Руже фон Тун унд Хохенштейн — В.К.)». (Из Брюсселя Анна Слоевская, «Жечпосполита», 8 фев.)

• «Успех неформального союза ЕС, США и Израиля очевиден. (...) Нам придется договариваться, но только на их условиях.

Процесс укрепления нашего суверенитета под угрозой. (...) Ведь Польша — это архиважное место на карте мира. Здесь, у нас, решается будущее Европы. (...) А также будущее всей западной цивилизации. (...) И то, с какой настойчивостью нас атакуют, это только подтверждает», — Юзеф Ожел. («В Сети», 5-11 фев.)

• «Это мы представляем для Евросоюза большую ценность, это мы являемся его союзником. Это из нашего кармана оплачивалось развитие Германии в последние полтора десятка лет. (...) Западной Европе предстоит соперничество с динамичностью США и Центральной Европы», — Антоний Мацеревич, уволенный с поста министра обороны. («Газета wyborча», 17-23 янв.)

• «Властям не удалось оперативно ослабить проевропейские настроения в Польше, поскольку полякам отлично известно, что они больше получают от ЕС, чем отдают взамен. Поэтому власти поменяли тактику: если мы отследим рокировки в составе правительства, то увидим, что 90% его состава работает на улучшение отношений с Евросоюзом. (...) И многие политики из ПИС подчеркивают этот аспект. (...) Сейчас все упирается в работу над новым бюджетом ЕС, которая начнется в мае, и очередные выборы в Польше. (...) Для ПИС стало бы серьезным ударом, если бы поляки получили ясный сигнал: “Правящая партия своей политикой лишила Польшу части европейских денег”», — Павел Коваль. («Газета wyborча», 29 янв.)

• «Сейчас у нас действительно наблюдается настоящий диалог с Польшей, с новым премьер-министром Моравецким и

министром иностранных дел Чапутовичем. Их отличает рациональный подход к делу. Надеюсь, что этот диалог принесет результаты», — Франс Тиммерманс, вице-председатель Европейской комиссии. («Супер экспресс», 3-4 фев.)

• «Этап, связанный с подрывом основных государственных институтов, почти закончен, осталась только проблема частных СМИ. Властям необходима некоторая стабилизация режима, и для этого есть два главных повода. Первый (...) обусловлен опасностями, которые влечет самоизоляция Польши в ЕС, второй — это подготовка к выборам, то есть попытка представить ПИС как более центристскую партию, а для этого необходимо избавиться от наиболее радикальных трендов, риторики и личностей. (...) То, что правящий лагерь избавляется от таких людей, как Мацеревич, не связано с решительной сменой властной парадигмы — просто эти персонажи не вписываются в нынешнюю стратегию», — Александр Смоляр. («Пшеглэнд», 15-21 янв.)

• «Госсекретарь США Рекс Тиллерсон прилетел в Варшаву прямо со Всемирного экономического форума в Давосе. (...) В субботу Тиллерсон (...) встретился с председателем ПИС Ярославом Качинским, посетив штаб-квартиру правящей партии. (...) Это редкий случай, когда глава дипломатического ведомства мировой державы встречается с лидером политической партии, да еще и в ее офисе. “Мне интересно, каковы его перспективы”, — заявил американец перед встречей, продолжавшейся час». (Александра Герш, «Политика», 29 янв.)

• «Согласно новому регламенту формирования Государственной избирательной комиссии, в нее будут входить только двое судей. Семерых остальных членов ГИК назначит парламент, и это явно будут политические назначения. (...) Руководителем Национального избирательного бюро будет выдвигенец министра внутренних дел и администрации. Он представит нам три кандидатуры, на которые мы никак не сможем влиять. Если эти кандидатуры нам не понравятся, министр представит очередных двух кандидатов. Если же мы вновь не утвердим ни одного из них, министр сам назначит руководителя Национального избирательного бюро. Боюсь, что именно так и будет», — Войцех Хермелинский, глава Государственной избирательной комиссии. («Газета wyborcza», 15 янв.)

• Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 42,7%, «Граж-дан-ская платформа» — 20%, Союз демократических левых сил — 7,2%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, Кукиз'15 — 5,7%, «Современная» — 5,3%, «Вместе» — 2,9%, «Свобода» — 0,4%, Конгресс новых правых — 0,4% Избирательный порог составляет 5%. Опрос Института рыночных и социологических

исследований. («Жечпосполита», 6 фев.)

• «Прискорбно, что так вышло. И что целая масса людей это поддерживает. Их в определенном смысле подкупила нынешняя власть, а они этого просто не понимают. Если вам кто-то дает взятку, это не значит, что этот человек вас любит. Власть, которая выиграла выборы, дала носителю суверенитета — народу — взятку, поскольку ей нужны его голоса. А носитель суверенитета думает, что это по любви. (...) Возможно, им удастся купить голоса людей, которым нужно еще больше денег. (...) Вдруг оказалось, что в сегодняшней Польше, после Валенсы, Мазовецкого, Геремека, нет человека, которому я мог бы доверять. Остался у меня только Юрек Овсяк (из «Большого оркестра праздничной помощи»), который борется, и вот ему я верю. (...) Тяжело смотреть на людей, которые болтают глупости, лгут и меняют свое мнение каждые пять минут. Я сразу чувствую фальшь — я ведь человек, связанный с радио», — Войцех Манн, журналист и музыкальный критик, легенда радио и телевидения. («Газета выборча», 20-21 янв.)

• «Ожидания, что (...) потребитель продемонстрирует ответственность в сфере политики, напоминают мечты современных родителей, думающих, что дети начнут уважать право собственности, если дарить им подарки девять раз в год. (...) Проклятие современной политики — это не отсутствие демократии. (...) Проблема — это (...) структура субъекта, выступающего источником власти», — Бартош Кузняж. («Газета выборча», 20-21 янв.)

• «Наше общество значительно отличается от общества в протестантских странах (...). В начале XX века в Польше неграмотность среди народных масс была обычным делом, а в Германии, Англии или Голландии ее почти полностью искоренили. Там не было ситуации, когда узкому кругу образованной элиты противостоит неграмотный народ. (...) Наивно думать, что Польша вдруг наверстает 500 лет постоянного отставания. (...) Значительная часть общества, которая сначала не очень была настроена на перемены и в итоге не воспользовалась их результатами, в конце концов отвоевала право голоса и рванула стоп-кран. Избранная ей партия правит, (...) возвращаясь к ПНР, под лозунгом антикоммунизма. Ярослав Качинский мастерски играет на ностальгии тех, кто привык, что государство — это что-то вроде детского сада, где не нужно быть взрослыми, не нужно ни о чем думать и беспокоиться, потому что за нас все сделает воспитательница. (...) Те, кто выходят на улицы, протестуя против политики ПИС — это обычные люди, которые помнят, как все было при ПНР, и потому считают своим долгом защищать достижения польской трансформации и либеральные ценности. У молодых же есть их свобода в сети,

поэтому разговоры о наступлении на основные права и свободы молодежи не касаются. (...) Вот почему я смотрю на происходящее без оптимизма. Я считаю, что западная цивилизация не перенесет удара под названием “интернет”. Изобретение печати ее породило, изобретение интернета ее убьет», — проф. Агата Белик-Робсон. («Политика», 31 янв. — 6 фев.)

Экономическая жизнь

После обвального снижения товарооборота с Украиной работа польских предприятий вновь набирает обороты. По мнению экономистов, Украина преодолевает экономический упадок и шок после российской аннексии Крыма. Со второй половины 2017 года там наблюдается значительный рост спроса на импортные товары. «Динамичное развитие польского экспорта на Украину является результатом быстрой экспансии многих отраслей», — заявляет на страницах газеты «Жечпосполита» экономист Петр Сорочинский. Он особо подчеркивает масштаб и динамику роста продаж электромеханической продукции (как крупных устройств, так и мелких, которые обычно относят к предметам домашнего хозяйства и бытовой электроники, а также электроинструментов). Таким образом компенсируется отложенный спрос предыдущих лет. То же относится к строительным материалам и всему тому, что связано с оснащением квартир. Значительную часть экспорта, существенно определяющую темпы его роста, составляют изделия металлургической промышленности и минеральное сырье. Высокую позицию занимает быстро растущий экспорт одежды, обуви и текстиля.

Европейская комиссия ускоренными темпами подвела итоги выполнения самой масштабной инвестиционной программы «Инфраструктура и среда 2007–2013», которая оказалась не только крупнейшей программой, реализованной в Польше в те годы, но и крупнейшей в истории Евросоюза. Свыше 28 млрд евро инвестировано в 3003 инфраструктурных проекта в секторе транспорта, охраны среды, в энергетике, здравоохранении, сфере культуры и высшего образования. В конце прошлого года выполнение программы было завершено, пришло время подвести итоги. «Подведение итогов прошло в молниеносном темпе, — замечет газета «Жечпосполита». — Оно заняло неполных два месяца. Откуда такой темп со стороны Еврокомиссии? Все указывает на то, что Брюсселю пока нечем расплачиваться с государствами-членами за реализацию текущих инвестиционных программ на 2014–2020 годы, поскольку эта реализация запаздывает во всех странах Евросоюза за исключением Польши, где использование фондов Евросоюза происходит ритмично».

Как сообщает Главное статистическое управление, на конец прошлого года экономический рост в Польше превысил 5%.

Начало текущего года было еще лучшим. Как сообщает «Дзенник. Газета правна», подобный масштаб улучшения конъюнктуры в промышленности не отмечался с августа 2009 года (тогда, после кризиса, экономика выходила из глубокого замедления). В сфере услуг, например, повышение индекса доверия было самым большим за 11 лет. По оценке экономистов Главного статистического управления, и общая хозяйственная ситуация (равно как и спрос на услуги) за два первых месяца 2018 года улучшилась. Как полагает Петр Буяк, главный экономист банка «РКО ВР», предполагается ускорение роста, источником которого станут инвестиции. Как показывает статистика, использование производственных мощностей на промышленных предприятиях достигло самых высоких показателей за шестнадцать лет и составляет 82,4%. Особенно высок этот показатель в производстве мебели и одежды. Рост капиталовложений может также помочь в борьбе с самым крупным препятствием для отечественных фирм — нехваткой работников и затратами труда. На нехватку рабочих рук жалуется, как минимум, половина строительных, свыше 40% производственных и почти 30% торговых фирм.

В туристических бюро продолжается интенсивная продажа заграничных туров в системе «раннее бронирование». Предложение значительно шире, чем в прошедшем году, — пишет «Дзенник. Газета правна». Продажа туристических загранпоездов более чем на 30% выше прошлогодней. Туроператоры заявляют, что причин такого оживления несколько. Клиенты оценили выгоду, которую несет заблаговременная резервация поездок на отдых. А благодаря созданному недавно гарантийному фонду клиент может не опасаться, что потеряет деньги в случае банкротства туроператора. Спрос усиливается также программой «Семья 500+», благодаря которой больше семей могут позволить себе заграничный отдых. Эксперты и представители бюро путешествий ожидают, что тенденция к росту продержится также после окончания периода заблаговременной резервации, который продолжается до марта. Если эти прогнозы оправдаются, то на долю «горящих туров» останется едва ли 15% предложений. В прошлом году это было около 25%, а в предшествующие годы «горящие» туры составляли почти 50% продаж. В этой ситуации туристические бюро будут вынуждены дополнительно закупать возможность поездок на летний сезон. Например, фирма «Итака» уже решилась на такой шаг (в частности, на турецком направлении). Турбюро «Неккерманн» уже увеличило предложение поездок, в том числе в Болгарию и Тунис, а также Грецию и Египет. Отдых в

Египте подешевел в связи с проблемами с гарантией безопасности.

С точки зрения занятости, промышленность в Польше крупнее, чем во Франции, а почти 25% рабочих мест в промышленности Европейского союза создается именно в Польше. Две трети всех рабочих мест в промышленности Евросоюза образовалось в Польше. Премьер Матеуш Моравецкий считает это аргументом в пользу возрастания конкурентоспособности польской экономики, несмотря на значительный рост заработной платы Польша становится «фабрикой Европы». Быстрый прирост числа рабочих мест продолжается уже два года, в связи с чем, в отношении общего числа занятых в промышленности, Польша опережает Францию. Впереди пока еще Германия и Италия. «Польская промышленность остается конкурентоспособной на фоне стран Евросоюза», — отмечает в газете «Жечпосполита» Лукаш Козловский, главный экономист Конфедерации польских работодателей. «Тот факт, что в фабрично-заводском секторе быстро растет число рабочих мест, даже на фоне Евросоюза, показывает силу польской экономики, — заявляет Малгожата Карчевская-Кшиштошек, главный экономист объединения работодателей «Левиафан». — Это, однако, сила, базирующаяся на рабочих, а не на капиталовложениях. А без инвестиций на модернизацию Польша останется дешевой фабрикой Европы».

На предприятиях «Фольксваген» в Познани в нынешнем году прибавится почти две тысячи новых работников. Запланированные суммарные капиталовложения на 2018 и 2019 год достигнут 450 млн евро. А в целом, с момента когда «Фольксваген» начал производство в Польше, общая сумма инвестиций превысила 2 млрд евро. Енс Оксен, президент «Фольксваген-Познань», на страницах газеты «Жечпосполита» рассказал: «Польские предприятия „Фольксвагена“ под Познанью произвели в 2017 году 240 тыс. автомобилей. Планы на 2018 год предусматривают увеличение производства до 286,5 тыс. Уже сейчас мы выпускаем на 100 тыс. автомобилей больше, чем материнское предприятие в Ганновере». Планы развития выглядят следующим образом: в марте 2018 года должны быть готовы новые стояночные площадки, в конце года, в декабре, — логистический узел, а в июне 2019 года — новый сварочный цех. «Наибольшим вызовом будет для нас расширение лакокрасочного участка, поскольку мы не можем позволить себе закрыть его на время реконструкции, так что пять дней в неделю там будет идти производственный процесс, а по субботам и воскресеньям строительные фирмы займутся

расширением этой части нашего завода», — сообщил Енс Оксен.

E.P.

Мифы о евро, или несделанная домашняя работа

С профессором Анджеем К. Козьминьским беседует Павел Рожиньский

Проф. Анджей К. Козьминьский. Фото: P. Zielona

Премьер, пора перейти на евро

2 января редакция газеты «Жечпосолита» опубликовала обращение к премьеру с просьбой возобновить подготовку к переходу Польши на евро. Обращение подписали Марек Белька, Хенрика Бохняж, Анджей С. Братковский, Ян Чекай, Дариуш Филяр, Марек Голишевский, Станислав Гомулка, Мариан Горыня, Марек Гура, Мирослав Гроницкий, Ежи Хауснер, Януш Янковяк, Лукаш Козловский, Анджей К. Козьминьский, Анджей Малиновский, Адам Нога, Витольд М. Орловский, Веслава Пишибыльская-Капустиньская, Веслав Розлуцкий, Малгожата Старчевская-Кшиштошек, Ежи Вилькин, Анджей Войтына.

— Еврозона уже достаточно окрепла и стала безопасной? Я потому об этом спрашиваю, что «кризис еврозоны» — это коронный аргумент противников вступления в нее Польши.

— Этот кризис, бесспорно, закончился. Еврозона окрепла, Европейский центральный банк исполнил свою роль кредитора последнего шанса. Большая заслуга в этом принадлежит его председателю — Марио Драги. Сегодня у еврозоны очень хорошие перспективы экономического роста. Это не значит, что она стала идеальным валютным пространством. Нет. Но, несомненно, еврозона теперь упрочилась, и всё указывает на то, что она сохранится.

— *В каком направлении она будет развиваться?*

— Это вопрос на миллион долларов. Еврозона будет стремиться к большей интеграции. Вероятно, Европейский центральный банк получит больше прерогатив центрального банка, вводятся единые правила, касающиеся макроэкономического равновесия в странах еврозоны, появится также что-то вроде стабилизационного фонда, который будет защищать страны единого валютного пространства от турбулентности.

— *Вы подписали наше обращение к премьеру Матеушу Моравецкому с просьбой возобновить дискуссию о переходе на евро и подготовку к этому переходу. Только имеет ли смысл такая дискуссия при нынешнем отношении правительства к этому вопросу? Или все наши усилия как об стенку горох?*

— Даже если это так, то если гороха будет достаточно много, спустя какое-то время стена начнет поддаваться. Я с полной уверенностью подписал это обращение. Осенью прошлого года мы инициировали в нашей академии ряд дебатов, касающихся проблематики еврозоны. В частности, состоялись дебаты с вице-премьерами и министрами финансов.

— *Почему стоит вернуться теперь к этому вопросу и войти в еврозону?*

— Чтобы не оказаться в одиночестве. Многое указывает на то, что Венгрия будет двигаться в сторону еврозоны. В Чехии всё зависит от результатов выборов, но если нынешний президент Милош Земан проиграет, то чехи тоже пойдут в эту сторону. И тогда мы останемся одни. Это не лучшая ситуация, ведь одиночество не способствует успехам. Кроме того, еврозона будет ядром Европы. Там будут приниматься решения, касающиеся всего Европейского союза. Если старый принцип «ничего о нас без нас» нам по-прежнему близок, то мы должны войти в еврозону.

— *То есть причины носят скорее политический характер?*

— Но есть и масса экономических аргументов. Например, снижение валютно-курсового риска, что очень существенно для предпринимателей. Однако политический аргумент в настоящее время весьма существен.

— *В Европе появляется всё больше сомнений в отношении европейской идеи. «Новый национализм» может нас погубить? Это серьезная проблема или минутное колебание настроений?*

— На протяжении последних десятилетий мы привыкли к мысли о том, что Европа — это парк культуры и отдыха, очень симпатичное, дружественное и милое место. Но XX век — это история массового истребления людей в Европе. По замыслу отцов-основателей, Евросоюз возник не ради экономических целей, а для того, чтобы предотвратить новый человекоубийственный конфликт в Европе. Если Европа не будет укреплять свое единство, то она превратится в горстку враждебных государств, которые рано или поздно вцепятся друг другу в горло. Для популистов и создателей фейковых новостей лучшее средство достичь цели — разбудить националистические настроения. Именно таким образом британцы приняли свое идиотское решение, о котором сейчас все сожалеют и не знают, как из этого выйти. На этом принципе держалась вся кампания Марин Ле Пен, которая, к счастью, сошла на нет. Хотя я не стал бы вычеркивать ультраправых из французского политического пейзажа. Этому принципа придерживаются и другие, менее крупные европейские страны. В том числе и те, которые мы относим к бывшему социалистическому лагерю.

— Тогда, может, лучше сохранить статус-кво и не налаживать тесного сотрудничества, в том числе и в пределах еврозоны?

— Сохранить статус-кво абсолютно невозможно. Существует слишком много дестабилизирующих сил. Некоторым так и хочется двинуться вспять.

— В правительственных кругах слышны голоса о том, что наиболее оптимальным был бы союз в виде зоны свободной торговли, и ничего кроме этого.

— Это проявление какой-то наивности и уверенности в том, что можно сохранить статус-кво в динамично изменяющемся мире. Европа будет объединяться или станет пространством нового конфликта. Если кому-то кажется, что в этой ситуации такая страна, как Польша, со средним потенциалом, сможет идти своим путем, особенно если у нее нет никаких конкретных союзников на территории Европы, то это большое заблуждение. Факты говорят сами за себя. Хотим мы того или нет, но европейская интеграция будет продолжаться. К этому подключатся и те страны, которые мы относим к Вышеградской группе^[1] или Междуморью**^[2], потому что они будут видеть плюсы и возможности для своего развития.

— Большинство поляков сейчас не радуется перспектива перехода на евро. Этому поспособствовала пропаганда. Стали говорить, что золотый спас нас во время кризиса (хотя у венгров был форинт, и они не избежали регресса). Утверждают также, что мы столкнемся с дороговизной, когда перейдем на евро. Что с этим делать?

— Это задача СМИ.

— *Но средства массовой информации представляют разные взгляды и подают разные сведения.*

— Средства массовой информации должны подавать истинные сведения. Большинство об этом забывает. Журналисты не должны иметь никаких политических взглядов. Они должны подавать факты и мнения в том виде, в каком они существуют. В этом смысле у меня к СМИ есть претензии.

— *Тогда как убедить поляков и политический класс?*

— Поляки — народ рациональный. Они достаточно хорошо понимают свои интересы. Достаточно развеять ряд фальшивых мифов. Например, миф о том, что вступление в еврозону приведет к росту цен. Мифом является также и то, что возможность манипулировать валютным курсом позволит избежать кризиса. Следует развенчать также миф, позволяющий игнорировать валютно-курсовые риски. И тогда поляки постепенно изменят свои взгляды.

— *А правительство?*

— Правительство тоже должно понимать наши национальные интересы, хотя оно думает прежде всего о своих политических интересах. Это нужно суметь как-то согласовать. У дебатов на тему евро есть один минус: мы недостаточно активно опровергаем мифы, которые сложились вокруг этого вопроса. Это несделанная домашняя работа.

— *Экономически мы готовы принять евро?*

— А литовцы, словаки, латыши были готовы?

— *То есть это исключительно политическое решение?*

— Да, в значительной мере это политическое решение, в котором определенную роль играет символическое мышление о так называемой суверенности. Экономическая суверенность в современном мире — это еще один миф. Степень зависимости экономик друг от друга колоссальна. Американская экономика настолько зависима от китайской, что даже самые безумные идеи не смогут привести к большому конфликту между этими странами. И наоборот. Китайская экономика тоже зависит от американского рынка. Посмотрите на Германию. Это страна, которая живет за счет экспорта. Ее зависимость от внешнего окружения огромна. Немцам не приходит в голову спекулировать на тему своей экономической суверенности, поскольку это смешение эмоционально-романтического подхода с рационально-экономическим.

— *Может оказаться, что евро или доллар — это уже вчерашний день. У нас есть биткойн и китайский юань.*

— Я не думаю. Что касается Китая, я убежден, что пройдет еще много времени, прежде чем он сможет претендовать на роль одной из мировых валют. Ситуация с биткойном напоминает

знаменитую историю XVII века с тюльпановыми спекуляциями в Голландии. Это пузырь, который лопнет.

Анджей К. Козьминьский — экономист и социолог, автор более 40 книг в области управления, преподаватель польских и зарубежных вузов. Один из основателей, первый ректор, а ныне — президент Академии Леона Козьминьского в Варшаве.

-
1. Вышеградская группа — образованное 15 февраля 1991 года объединение четырёх центральноевропейских государств — Польши, Чехии, Словакии и Венгрии — Примеч. пер.
 2. Междуморье — основывающийся на идее возрождения Речи Посполитой проект конфедеративного государства, в которое, по замыслу Ю. Пилсудского, должны были входить Польша, Украина, Беларусь, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Венгрия, Румыния, Югославия, Чехословакия и Финляндия — Примеч. пер.

Март-68, пережитый лично

8 марта 1968 года во дворе перед библиотекой Варшавского университета я участвовал в митинге протеста против снятия с репертуара «Дзядов» Мицкевича в постановке Казимежа Деймека и отчисления двух студентов — Хенрика Шлайфера и Адама Михника. Через несколько часов я оказался за решеткой во дворце Мостовских^[1], а через два дня меня перевезли в тюрьму на улице Раковецкой, ставшую теперь музеем. В этой тюрьме я «прохлаждался» несколько месяцев, а когда вышел, узнал, что я уже больше не студент и что мне запрещено продолжать учебу. Этот запрет действовал до 1971 года, поэтому, вместо того, чтобы стать философом, я заочно закончил факультет польской филологии. После короткого периода «перевоспитания», во время которого я работал помощником слесаря на Городском предприятии ремонта пассажирских лифтов, мне удалось устроиться в Исторический музей Варшавы, где я постиг секреты профессии документалиста, занимаясь составлением библиографии литературной жизни столицы в 1918–1926 годах. Это было очень интересное занятие, поскольку оно позволяло мне пребывать в двух временных пространствах одновременно — в эпохе возрождения польской государственности после окончания Первой мировой войны и на раннем этапе правления Эдварда Герека: я попеременно читал довоенные и свежие газеты, и оба этих мира, абсолютно полярные, переплетались между собой.

Однако перед этим мне пришлось пережить настоящий шок: после выхода из тюрьмы я оказался в совершенно другой стране, совершенно не похожей на ту, которую я знал раньше. Меня окружало пространство тотальной лжи, поставляемой государственной пропагандой, исполненной антиинтеллигентской и антисемитской брехни. Многих моих знакомых и друзей — к примеру, профессора Лешека Колаковского, выдающегося поэта Арнольда Слуцкого — затравили настолько, что они решили покинуть Польшу. Оказалось, что это была целая волна эмиграции — из Польши уехали около пятнадцати тысяч человек, как правило, еврейского происхождения, среди которых было много представителей интеллектуальной элиты. Я и мои друзья остро ощущали свое бессилие перед этой стихией ненависти — впервые на наших глазах подавлялась интеллигенция,

затыкали рот авторитетам, насаждали атмосферу страха. Этот шок и бессильный протест против явного зла стали основой нашего единства.

В этом контексте важно подчеркнуть, что таким же шоком стал недавний репортаж телеканала «TVN24» о силезских неонацистах, которые устроили в лесу торжество в честь Гитлера и на фоне горящей свастики произносили тосты за нацистского вождя и «нашу Польшу». Государственные СМИ и многие политики из правящего лагеря стараются преуменьшить резонанс этого события, представить его как опасный, но незначительный инцидент. И вновь поднимается — как в соцсетях, так и в право-консервативной прессе, причем не только на ее радикальном фланге — волна антисемитского твяканья, часто закамуфлированного псевдонаучными «аргументами», а в ходе дискуссии о Холокосте постоянно ссылающегося на героизм поляков, спасавших евреев, как на доказательство особого благородства нашего народа. Господин премьер-министр даже предложил посадить на территории мемориала Яд Вашем специальное дерево, символизирующее Польшу как единственную страну среди Праведников Народов Мира. Ситуация не стоит на месте: в связи с принятием Сеймом закона о защите доброго имени Польши и поляков, который позволяет цензурировать историческую правду, выразили свой протест власти Израиля и даже официальные структуры США. Как видим, спустя пятьдесят лет проблема — в иной форме, но неизменная по сути — возвращается.

Мартовские события, сыгравшие свою роль в моей личной биографии, также существенно изменили жизнь творческой молодежи по всей стране. В те дни Рышард Крыницкий написал стихотворение «И мы в самом деле не знали», в котором говорилось: «мы читали конституцию и декларацию прав человека / и в самом деле не знали, что права человека могут противоречить / интересам гражданина». Таких разных поэтов, как Корнхаузер и Крыницкий, Загаевский и Баранчак, объединяла не новаторская художественная программа, а бунт против массовой пропаганды лжи и нежелание мириться с разгулом антисемитизма, скрывающегося под маской борьбы с сионизмом. Это был в первую очередь моральный бунт, отчетливо заметный не только в Польше, но и на Западе, а также в Чехословакии и Югославии. Пути «поколения-68» часто расходились. Как верно подчеркнул позднее Октавио Пас: «Новаторство этого бунта носило не интеллектуальный, но этический характер. Молодые люди не высказывали новых идей — они яростно артикулировали те, что были ими унаследованы. В 70-е годы бунт сошел на нет и критика умолкла. Исключение составляет феминизм». Что ж,

трудно с этим не согласиться.

В то же время была существенная разница между немногочисленными выступлениями молодежи социалистических стран и бунтом западных студентов, которые в большинстве своем ориентировались на левацкие идеалы. Бунт польской молодежи, который вскоре поддерживали такие авторитетные личности, как Ян Юзеф Липский, профессор Эдвард Липинский и адвокат Антоний Пайдак, породил в середине 70-х целую систему неподцензурных издательств, став организационным тылом развивающихся, несмотря на репрессии, структур демократической оппозиции. Этому процессу была созвучна поэзия Новой волны, он сопровождался выступлениями таких бардов, как Яцек Качмарский, Пшемислав Гинтровский и Ян Кшиштоф Келюс. Выразителями оппозиционных взглядов были многочисленные студенческие театры, в частности, «Театр СТУ», «Плеоназмус», «Театр восьмого дня» и «Театр на этаже», а также знаменитое кабаре-трио «Салон независимых». Важную роль сыграл и польский «кинематограф морального беспокойства». Нельзя забывать также о поддержке со стороны эмиграции, как старой, времен войны, которую представляли «польский Лондон» и парижская «Культура», так и «послемартовской», визитной карточкой которой стал, в частности, ежеквартальник «Анекс» («Приложение»). Глядя на все это из сегодняшнего дня, я вижу (хотя, возможно, такая точка зрения обусловлена поколенческой связью), что поколение бунтовавших в 1968 году студентов сыграло фундаментальную роль в создании и развитии организационных структур демократической оппозиции, в первую очередь Комитета защиты рабочих и Движения по защите прав человека и гражданина. Именно эти люди создавали локальные сообщества издателей и распространителей оппозиционных материалов, а также редакторов нелегальной прессы и неподцензурных издательств, их стараниями выходили подпольные литературно-художественные журналы «Запис» и «Пульс», газеты «Рабочий» и «Рабочий побережья». Они же в 1980–81 годах выпускали бюллетени «Солидарности», а после введения военного положения развернули целую издательскую сеть, которая напечатала более тысячи номеров подпольных бюллетеней и журналов, а также свыше двух тысяч книг. Благодаря этому, уже после обретения Польшей независимости и отмены цензуры, в стране началась богатая и разнообразная журнальная жизнь, ставшая основой децентрализации культурного пространства.

По большому счету, все эти явления и события — за исключением политических аспектов, в частности,

межфракционной борьбы в руководстве правящей партии, о чем уже много написано — по-прежнему ждут серьезного анализа. Возможно, пока я задаюсь этим вопросом, как раз и наступает время для таких исследований — эта работа требует определенной дистанции, и ей бы только мешало постоянное, зачастую необыкновенно активное присутствие участников тех событий в сегодняшней политической жизни: до сих пор не утихают споры о роли этих людей в истории, продолжается выяснение отношений и борьба за престиж. Одновременно возник феномен, который еще Пилсудский называл «четвертым Легионом» — когда среди наиболее активных и влиятельных участников событий, имевших место до 1989 года, называют людей, на деле сыгравших в них эпизодическую роль. Может быть будущим исследователям поможет биологический фактор: «мартовское поколение» постепенно уходит со сцены, и этот уход активный участник тех давних событий, поэт Яцек Березин, доживший до появления в Лодзи улицы своего имени, прокомментировал изящной формулировкой: «Новая волна отступает в море». Но произойдет это не сразу. В моем же случае вся эта история имела дополнительный плюс: когда мне, исключенному в свое время из Варшавского университета, спустя много лет предложили должность профессора этого вуза, я не без удовлетворения подумал, что мы квиты. Полвека назад я бы такого себе и представить не мог.

-
1. Во время описываемых событий во дворце Мостовских в Варшаве находилась столичная комендатура полиции.

После Марта-68. Стихотворения

Перевод Игоря Белова

Рышард Крыницкий

И МЫ В САМОМ ДЕЛЕ НЕ ЗНАЛИ

Адаму Михнику

Возможно, мы были детьми, у нас не было опыта,
мы знали только, что нас заставляют поверить в ложь,
и мы в самом деле не знали, чего нам еще надо,
кроме уважения человеческих прав и правд,
когда, собравшись на небольшой площади
перед памятником великому поэту,
который прожил юные годы в подневольной стране,
а оставшуюся жизнь — в изгнании,

мы прикуривали от вороха лживых газет,
мы смолили сигареты, хотя они отравляли наши тела,
мы жгли газеты, ибо они отравляли наш разум,
мы читали конституцию и декларацию прав человека
и в самом деле не знали, что права человека
могут идти вразрез
с правами гражданина

и мы в самом деле не знали,
что столько бэтээров можно бросить на безоружных,
на нас, бывших еще детьми,
вооруженными лишь идеями, которые внушались нам в
школах,
и от которых в этих же школах пытались нас отучить,
и мы в самом деле не знали,
что можно перечеркнуть их все до одной
жестокой атакой бесстыжого насилия
и оголтелой ложью

и мы в самом деле не знали, что взрослые поверят не нам,
а оголтелой лжи, что все можно перечеркнуть,
обо всем забыть
и делать вид, что ничего не случилось

и мы в самом деле не знали, что память — это враг
гражданина,
и мы в самом деле не знали, что, живя здесь и сейчас,
нужно делать вид, что живешь где-то в другом месте, в другое
время
и если уж бороться, то лишь с тенями умерших
через железный занавес облаков

Виктор Ворошильский

ФАШИСТСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Вскоре после войны 1914–1918 годов в Европе появились первые
фашистские государства В этих государствах
солнце вставало и садилось в обычное время освещая
крыши домов и зеленые склоны холмов В сараях
мирно мычал скот Матери по утрам
будили детей целуя их в лоб Отцы возвращаясь с работы
с приятной усталостью в мышцах вдыхали
дым домашнего очага а после обеда
дремали в кресле или что-то старательно мастерили или
музицировали увлеченно Дети
играли в чижика в прятки и в классы У маленьких
девочек росли груди и девочки постепенно
превращались во взрослых девушек наполненных шепотом
шелестом как деревья в лесу внезапным смехом от звука
которого
у парней перехватывало дыхание Летними вечерами
на подсвеченных изнутри занавесках сходились тени
расходились и с нежностью вновь сходились А зимой
любовники ловили губами пар из уст друг друга в заснеженных
садах
И еще
можно вспомнить о котках выгибающих спину о воробьях
взлетающих над мостовыми о стариках на завалинках о цветах
в кувшинах и кадках о сиделках
ставящих больным градусники о дворниках
подметающих улицы О сухом дереве
влажной борозде в поле ветре в зарослях
И еще можно
вспомнить о многих явлениях подтверждающих что
Ибо не было знаков на небе наводящих ужас комет
воды превращенной в кровь неопалимой купины поскольку
жизнь шла как обычно так что и в самом деле в тех
государствах
было полно
простых людей и добрых людей и тех кто

ни о чем не знал и кому
даже в голову не приходило и кто
не чувствовал себя соучастником и кто
не имел с этим ничего общего и кто даже
не читал газет либо читал невнимательно занятый
мыслями о том что нужно починить
протекающую крышу отнести
ботинки сапожнику посвататься выпить
кружку пива смешать краски зажечь свечку и кто
действительно не замечал страха в глазах соседа не
улавливал дрожи в голосе прохожего спрашивающего дорогу
не видел разницы не слышал
голоса в себе либо догадываясь о чем-то
не мог ничего сделать и утешал сам себя
приговаривая Мы по крайней мере
не делаем ничего плохого живем как жили всегда Что было
правдой

И все-таки это были
фашистские государства

Лешек Шаруга

МИСКА

Когда я оказался в кпз
(не отвечаю ни на какие вопросы)
вертухай дал мне миску
(не признаю, что знаком с собственной тенью).
Из этой миски едал один революционер. Потом
из нее ел серийный убийца. Потом
(не отвечаю ни на какие вопросы)
жрал из нее человек, расхищавший народное добро. Потом
(не признаю, что знаком с собственной тенью) —
человек, изнасиловавший пятилетнюю девочку.

Каждый заданный вопрос подразумевает сотни ответов,
из которых ни один не оставляет мне и ТЕНИ надежды.
(Всех их приговорили к лишению собственной тени).
Через три месяца я получил письмо,
где говорилось, что
я — революционер,
серийный убийца,
человек, расхищавший народное добро и
насильник пятилетней девочки, и что
следствие прекращено
ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Я вдруг остался наедине
с ТЕНЬЮ подозрения,
что все они, евшие из упомянутой миски,
никогда не видели ее дна.

Культурная хроника

В условиях резких политических размежеваний высказаться на тему состояния польского общества пытаются также люди театра. С разным художественным результатом. Миколай Грабовский в «Театре польском» в Варшаве поставил спектакль «Польские ужимки» (премьера 29 января) по сценарию Тадеуша Нычека. По мнению рецензента газеты «Жечпосполита», режиссер предложил странную дискуссию о Польше и поляках. Дискуссию, которая ничего не дает. По просторной сцене перемещаются какие-то фигуры, равнодушно цитируя что-то из произведений Войцеха Богуславского, Енджея Китовича, Генрика Жевуского, Станислава Выспянского и Витольда Гомбровича. «Некоторые декламации вплетены в видеозаписи на фоне современной Варшавы. И вроде бы все в порядке, только мне до этого нет никакого дела. Потому что все, что происходит на сцене, как-то вторично. Зеркала, перед которыми нас сияются поставить создатели представления, то ли очень сильно запыленные, то ли замутиненные, так что трудно в них смотреться. А ведь у Гомбровича или Выспянского до сих пор найдется, что нам сказать», — пишет Ян Бонча-Шабловский, похваливший в своей рецензии только актера Яна Пешека в роли Богуславского, отца польского театра.

Значительно больше публике и критике понравился «Пир» Платона, поставленный Кшиштофом Гарбачевским в варшавском «Новом театре», и прославивший «самой яркой премьерой этой зимы». «Удивительный замысел — в течение двух часов цитировать в театре диалоги Платона — оправдался. И хотя Кшиштоф Гарбачевский почти ничего к тексту не добавляет, однако время от времени мы думаем не о древних Афинах, а о сегодняшней Польше», — замечает рецензент «Газеты выборчей» Витольд Мрозек. По его мнению, «Пир» Гарбачевского — «это не лекция, не театральное эссе, не напыщенное самолюбование художника. Скорее, это некий род философского кабаре, где много смыслов, вплетенных в сценическую ткань. И есть здесь что-то от мальчишеской выходки. Однако именно такая раскованная, а вместе с тем блистательная энергетика требовалась варшавскому «Новому театру». Требуется она и нам, жителям планеты Польша,

усталым от ее душной атмосферы на сцене, в сети, на работе и в холодильнике». В платоновских диалогах выступили известные такие артисты, как Магдалена Целецкая, Яцек Понедзялек, Малгожата Хаевская-Кшиштофик, а также группа талантливой актерской молодежи.

Театры вспомнили также о Яцеке Качмарском (1957–2004). В «Новом театре» им. Казимежа Деймека в Лодзи поставлен спектакль «Зал ожидания» (премьера 9 февраля), основанный на песнях Качмарского в новой аранжировке Тымона Тыманьского. Качмарский, который прочно ассоциируется с «Солидарностью», периодом военного положения и событиями 1980-х, в глазах большинства поляков остался бардом с гитарой, поющим знаменитые «Стены» на музыку каталонца Луиса Льяка. «Я был уверен, что Качмарского уже 20 лет как нет, что его поэзия и музыка ушли вместе с ним. Но недавно — увы нам! — эта поэзия возвратилась и оказалась универсальной. Это весомая, разумная, предметная публицистика с элементами поэзии и спора с использованием исторических знаний, которая достойна вернуться на надлежащее место», — заявил Тыманский. А режиссер и сценарист спектакля Ярослав Войцеховский добавляет: «Выбор произведений не был очевидным: это не самые знаменитые вещи Яцека. Мы хотели показать его как личность, представляющую определенный вид профетизма, свойственного только великим поэтам». Поэтому в лодзинском спектакле нет самого знаменитого произведения Качмарского, песни «Стены», ставшей символом борьбы с коммунистическим режимом в Польше. Новые аранжировки Тымона Тыманьского своей современной формой должны приблизить творчество «барда „Солидарности“» молодому поколению и тем, кто не в особом восторге от того, как это исполнял сам автор.

Обратился к Качмарскому и «Новый театр» в Познани. Ежи Сатановский поставил здесь спектакль «Бутерброд с человеком» (премьера 17 февраля), который составлен из 22 произведений Качмарского. Заглавный «Бутерброд с человеком» — это песня, инспирированная картиной Бронислава Линке 1951 года, изображающей человека, спящего на бутерброде, который подносит ко рту огромная фигура. По мнению Сатановского, политические тексты Качмарского снова стали весьма актуальны и рассказывают о том, что сегодня происходит в Польше.

Прозаик и публицист Бронислав Вильдштейн (р. 1952) награжден премиальной статуэткой «Господин Когито». Премия присуждается вузовскими Гражданскими клубами им. президента Леха Качинского в Познани, Варшаве, Кракове, Лодзи, Катовице, Гданьске и Люблине. Статуэтку вручают за «особые, долгосрочные заслуги перед польским народом и государством, в соответствии с идейными и программными принципами Гражданских клубов высшей школы, а в особенности за преумножение культурного достояния поляков, распространение польской национальной культуры, утверждение и поддержку польскости, защиту национального достоинства, поддержку и укрепление польской национальной традиции». В ходе торжественной церемонии 20 января в библиотеке Польской академии в Курнике (Великопольское воеводство) было зачитано поздравительное письмо лауреату от министра культуры Петра Глинского. Министр написал, в частности, о впечатляющем вкладе Вильдштейна в польскую культуру. Напомнил, что лауреат — автор нескольких книг, в том числе, например, сборника рассказов «Будущее с ограниченной ответственностью» «Декоммунизация, которой не было», «Мастер», «Долина ничтожности», «Время несовершенного вида», «Спрятанный». Добавил также, что все эти публикации «нашли своих издателей и преданных читателей, иногда вопреки стараниям самозванных арбитров литературного вкуса, которые пробовали эти книги диффамировать или обесценить. Не удалось». Широкой общественности Бронислав Вильдштейн известен, главным образом, как публицист правой прессы — «Газеты польской цодзенне» и еженедельника «До Жечи».

Критик, эссеист и переводчица с немецкого языка Малгожата Лукасевич (р. 1948) стала в нынешнем году лауреатом премии им. Казимежа Выки. Торжественное вручение премии состоялось 19 января в краковском Театре им. Юлиуша Словацкого. «Профессор Малгожата Лукасевич в „литературной избе” у себя дома, причем в двух ролях: как прекрасный переводчик с немецкого языка и как прекрасный эссеист, мастер этого жанра», — сказал в речи в честь лауреата краковский литературный критик и публицист Томаш Фиалковский. Он подчеркнул, что в длинном списке переведенных Малгожатой Лукасевич авторов особенно важно отметить два имени — швейцарца Роберта Вальзера и немца Винфрида Георга Зебальда. Напомнил также об участии

лауреата в оппозиционной деятельности в 1976–1989 годах, за которую пришлось расплатиться интернированием в период военного положения.

8 февраля в Королевском замке в Варшаве премию им. проф. Александра Гейштора получил Леон Тарасевич. Капитул премии под руководством проф. Анджея Роттермунда отметил художника за «упорную защиту и распространение ценностей того мира, одним из наследников которого он себя ощущает и значительной части которого уже нет». «Наряду с живописью, еще одна составляющая его жизни — это поддержка и развитие культурной идентичности белорусов в Польше. Это, прежде всего, замечательная общественная деятельность. Леон Тарасевич строит прочные мосты понимания в области сохранения общего польско-белорусского наследия», — подчеркнул проф. Роттермунд. Премия им. проф. Александра Гейштора (за выдающиеся достижения в охране польского культурного наследия) присуждалась уже девятнадцатый раз. Ее учредитель — Банковский фонд им. Леопольда Кроненберга, который действует при банке «Сити торговый».

Премия журнала «Новые книги» за 2017 год присуждена Петру Матывецкому, автору книги «Старый дом» о старом здании библиотеки Варшавского университета. Из рецензии в «Тыгоднике повшехном»: «Эта книга не столько для библиофилов, сколько для тех, для кого книги и их чтение составляют один из устоев бытия».

В собрание Национальной библиотеки поступило новое сокровище: рукопись стихотворения Юлиуша Словацкого «Le Cimetiere du Pere la Chaise», датированного 19 августа 1832 года, вместе с хранившим его старинным альбомом. Произведение, подаренное дочери французского типографа, у которого поэт печатал свои произведения, — это первая полная версия стихотворения, известного ранее лишь фрагментарно. Ценен также и сам альбом, который был подарком Словацкого девушке. Та, в свою очередь, собрала в нем 23 записи от видных представителей тогдашнего мира французской литературы, музыки и изобразительного искусства. Национальная библиотека приобрела альбом в парижском антикварном салоне.

В Музее литературы им. Адама Мицкевича в Варшаве 13 февраля открылась фотовыставка «Литературные портреты» — пятьдесят портретов польских писателей и писательниц авторства Кшиштофа Гералтовского. На них можно увидеть, например, Ежи Анджеевского, Эрвина Аксера, Станислава Баранчака, Мирона Бялошевского, Юзефа Чапского, Збигнева Херберта, Ярослава Ивашкевича, Ханну Кралль, Тадеуша Конвицкого, Кристиана Люпу, Чеслава Милоша, Славомира Мрожека. Кшиштоф Гералтовский (р. 1938) — создатель портретов польской интеллигенции, автор многотысячной коллекции «Поляки, современные портреты». Выставка будет работать до 22 марта.

Выставка «Все Малгожатки мира» стала торжественным открытием Архива польской легкой музыки в Национальной библиотеке. Героиня выставки — икона польской эстрады Марыля Родович, которая передала свой архив Национальной библиотеке в 2013 году. Выставка — визуальный рассказ о карьере певицы — переносит нас в мир эстрады времен ПНР и последующих лет. В экспозиции представлены, среди иного, концертные костюмы, гитары и даже легендарный красный «Порше» певицы 70-х годов. А еще машинописные и рукописные тексты дружившей с певицей Агнешки Осецкой. Можно также увидеть несколько сотен архивных фотографий, собрание главных пластинок, 12 картин Эдварда Двурника, инспирированных альбомами Марыли Родович, архивные газетные вырезки, а также — демонстрируемые на более чем 20 экранах — видеозаписи с фестивалей в Ополе и в Сопоте, телевизионные интервью и телеальбомы. Выставка будет работать до 9 апреля в главном здании Национальной библиотеки на Аллеях Независимости в Варшаве.

Прощания

21 января в Варшаве скончалась Лидия Осталовская, выпускница факультета полонистики Варшавского университета, в годы ПНР работала в журналах «Пшияццолка» и «И т.д.», а с 1989 года — журналист «Газеты wyborczej». В 2000 году вышла ее первая книга — «Цыган это цыган», в 2011-м — «Акварели» (номинированные на премию им. Капущинского, «Нике» и «Гарантии „Культуры“»), а в 2012-м — сборник репортажей «Было еще больше». В 2014 году

совместно с Дариушем Кортко опубликовала антологию репортерских и документальных текстов «Перроны. Верхняя Силезия по-польски и по-немецки». Адам Михник простился с коллегой такими словами: «Лидия Осталовская была прекрасной писательницей: журналистика у нее становилась литературой. Она защищала людей отверженных обществом, исключенных, проклятых. Особое значение имели ее репортажи и эссе, посвященные цыганам. Она была настойчивым поборником правды об их мире. Увлекали ее и силезские темы, которые в других регионах нашей страны зачастую плохо понимают. Писала прекрасно, с огромной эмпатией и проникновенностью. Ее прекрасные тексты были лицом „Газеты wyborczej“». В течение нескольких последних лет Осталовская вела журналистские мастер-классы для молодежи. Преподавала также на последипломных курсах по гендерной проблематике в Институте литературных исследований Польской академии наук. Лидии Осталовской было 64 года.

31 января в Варшаве умер Ежи Едлицкий, выдающийся историк, видный деятель демократической оппозиции в период ПНР. Он окончил факультет социологии Варшавского университета. Был профессором Института истории Польской академии наук. Занимался социальной историей, историей культуры, историей идей. После 1989 года был руководителем Проблемной лаборатории истории интеллигенции. Среди его книг — «Какой цивилизации хотят поляки: исследования по истории идей и представлений XIX века», «Плохо рожденные, или об историческом опыте. Тексты и постскрипты», «Вырождающийся мир. Страхи и суждения критиков современности». Однако главное место в трудах проф. Едлицкого принадлежит трехтомной, монументальной работе «История польской интеллигенции до 1918 года». Он был автором второго тома, «Замкнутый круг 1832—1864», и редактором всего издания. Проф. Едлицкий прожил 87 лет.

1 февраля в Варшаве умер Войцех Вуйчик, режиссер и сценарист кино и телевидения. Он считался мастером детектива и остросюжетных фильмов. В 1982 году поставил «Карате по-польски» — кинодраму, получившую премию киножурналистов FIPRESCI на фестивале в Сан-Себастьяне. Затем последовали такие ленты, как «Частное расследование» (1987), «Бермудский треугольник» (1988), «Три дня без приговора» (1991), «Туда и обратно» (2001) и ряд других.

Огромную популярность принес ему сериал «Экстрадиция», снятый для Польского телевидения в 1995–1999 годах, с Марекон Кондратом в роли комиссара Ольгерда Хальского. Войцеху Вуйцику было 75 лет.

4 февраля в Варшаве в возрасте 83 лет умер Войцех Покора, выдающийся комический актер. Он всю жизнь служил в варшавских театрах (в том числе более четверти века в «Театре драматичном»). В спектаклях Театра телевидения сыграл, в частности, Папкина в «Мести» Фредро (1972), Жевакина в «Женитьбе» Гоголя (1976). Наибольшую популярность принесли актеру роли в кино. Он был одним из любимых актеров Станислава Барей, в 70-е годы снялся во многих его фильмах. Начал главной ролью в картине «Разыскиваемый, разыскиваемая» (1972), сыграл также у Барей в фильмах «Нет розы без огня» (1974), «Брюнет вечерней порой» (1976), «Мишка» (1980) и телевизионном сериале «Альтернативы 4» (1983). Запоминающиеся роли создал в сериале режиссера Ежи Грузы «Сорокалетний» (1975–1977), в фильме Яна Рыбковского и Марека Новицкого «Карьера Никодима Дызмы» (1980, по роману Тадеуша Доленги-Мостовича). Актер выступал также в кабаре «Овца» и «Удод», принимал участие в телевизионном кабаре Ольги Липинской.

7 февраля в Кракове умер Мечислав Свенцицкий, один из основателей «Подвала под баранами», певец, актер, интерпретатор польских баллад и русских романсов, преимущественно из репертуара Александра Вертинского. Дебютировал в «Подвале под баранами» в 1958 году в программе «Озеро трех вещуний». Играл в «Старом театре», «Театре рапсодичном», «Театре 38». «Князь настроения», как его называли, прожил 81 год.

8 февраля в Варшаве в возрасте 77 лет умер Якуб Эроль, выдающийся художник-график. Выпускник Академии изящных искусств в Варшаве, он создал около тысячи киноплакатов, в том числе для «Андрея Рублева» Андрея Тарковского. За творчество в области плаката получил престижную премию им. Тадеуша Трепковского. К наиболее известным работам художника относятся, например, плакаты к «Звездным войнам» Джорджа Лукаса, «Амадеусу» Милоша Формана, «Серпико» Сидни Люмета, «Неистовому» Романа

Поланского, «Бусины одних четок» Казимежа Куца, «Рейсу» Марека Пивовского. Якуб Эроль был также иллюстратором, сценографом, дизайнером книжных обложек.

14 февраля в Варшаве скончался Антоний Краузе, талантливый режиссер и сценарист. Всего он поставил несколько десятков фильмов. В числе наиболее известных — знаменитый «Прогноз погоды» (1982) по рассказу Марека Новаковского о побеге пациентов из дома престарелых после того, как туда привезли большую партию гробов, «Монидло», «Финиш», «Заколдованный двор», «Вечеринка при свечах», «Девочка из гостиницы „Эксцельсиор“», психологический шпионский «Аквариум» (1995) по роману Виктора Суворова, «Черный четверг. Янек Висневский погиб» (2011) — реконструкция событий четверга 17 декабря 1970 года, когда в Гдыне армия открыла огонь по рабочим, идущим на смену. Его последний фильм — посвященный смоленской катастрофе пропагандистский «Смоленск» (2016) — был признан неудачным. Краузе снял также много документальных лент, среди которых, например, «Подвальчик» — о «Подвале под Баранами», «СТС» — о знаменитом студенческом театре, «Формирование жизни» (1997) — о писателе Викторе Ворошильском, «Упражнения по забвению» — о Януше Моргенштерне или «Радость писать» (2005) — о Виславе Шимборской. Режиссеру было 78 лет.

Плащ польского солдата

Владислав Броневский. Фото: Narodowe Archiwum Cyfrowe

«Когда придут, чтоб сжечь твой дом, — писал в апреле 1939 г. Владислав Броневский, — стой у дверей, не зная сна, на страже будь, здесь кровь нужна! Штыки примкнуть!»^[1]. Он не написал, о ком речь — в апреле 1939 года было понятно, что речь идет о немцах. С Россией на тот момент Речь Посполитая была связана пактом о ненападении. Одно из самых известных стихотворений поэта казалось совершенно однозначным, что, впрочем, неудивительно, потому что Броневский хотел быть автором однозначных стихотворений. Но ему выпало писать стихи в очень неоднозначную эпоху, хотя я не знаю, отдавал ли он себе отчет в этой неоднозначности, и если да, то в какой степени.

Если бы стихотворение «Примкнуть штыки» четко формулировало, что речь идет о предполагаемой агрессии со стороны Третьего рейха, то оно было бы значительно худшим «стихотворением по случаю», без того широкого дыхания истории, без размаха, характерного для Броневского. Вряд ли в апреле или в сентябре ему приходило в голову, что придется стоять у дверей, когда придут сжигать дом Совету. Но и тут все не так просто, и не только потому, что, когда они

пришли в 1920-м, он дослужился, сражаясь с ними, до капитанских погон (высшего звания в своей карьере) и Креста Virtuti. Важнее, что он не написал «забей карабин в брусчатку улицы, твоя — кровь, их — нефть»^[2], — настолько левым он никогда не был, ни в 1929-м, когда было написано цитируемое стихотворение, ни через 10 лет, когда появилось «Примкнуть штыки». Возникает вопрос: с единственно верной — коминтерновской — точки зрения, было ли оно правильным в тот момент, когда поэт его писал, или нет? Но неизвестно и то, правильно ли сформулирован сам вопрос, ведь он исходит по умолчанию из недоказанной предпосылки, что польский левый интеллигент весной 1939 года мог поступить только правильно. Гораздо проще было бы доказать, что в период между летом 1938, когда была распущена КПП, и летом 1941 года он мог выбирать только между разного рода неправильными поступками.

Перед нами очередное белое пятно: есть много доказательств того, что для польских коммунистов, потерявших политический ориентир после роспуска партии, именно это стихотворение стало своего рода патриотическим путеводителем, что именно Броневский вел их на борьбу с гитлеровскими захватчиками. Но за истинность доказательств такого рода нельзя дать и ломаного гроша, кроме того, крайне сложно оценить масштаб явления; независимых исследований нет, а несмотря на то, что поздняя пропагандистская версия стремится вписать коммунистов в общее национально-оборонительное движение, многое свидетельствует о том, что они в большинстве своем все-таки старались бежать на восток. Еще важнее другой вопрос: подразумевает ли это не адресованное, как мы уже заметили, конкретному агрессору стихотворение также и войска вторгшегося на территорию Польши маршала Тимошенко? Вопрос снова поставлен неверно: оно призывало к сопротивлению фронтальной атаке и не имело никакого отношения к «ножу в спину».

Как известно, в 1939 году Броневский не был призван в армию, а значит, ему некому было напоминать о том, что сказал Камбронн, но этим судьба сохранила его от Козельска, Старобельска или Осташкова, куда он попал бы, если бы Красная армия застала его в офицерском мундире. Повезли бы его, как Свяневича, на следствие в Москву? Все-таки Замарстынов был меньшим злом. Во Львове, где оказался поэт, камбронновские жесты были неуместны. Случая для славной смерти не было, была только совершенно бесславная жизнь в жутком страхе. И именно тогда, во Львове, были написаны два знаменитых стихотворения Броневского — «Польский солдат» и «Сын покоренной нации», тексты, которые дети учат наизусть уже в начальной школе, прекрасно проанализированные корифеями

нашей литературной критики, и в то же время — тексты, о которых не сказано самых простых вещей.

Оба эти стихотворения во время их написания в советском Львове не могли рассчитывать на публикацию, хотя бы потому, что затрагивали пакт Молотова-Риббентропа, более того, «Сын покоренной нации» стал после ареста поэта существенным пунктом следствия; по тогдашним стандартам текст считался проявлением польского национализма и угрожал интересам мирового пролетариата, которые блюли Национал-социалистическая немецкая рабочая партия и Всесоюзная Коммунистическая партия (большевики).

Это интересно потому, что, создавая эти тексты, не только не годившиеся в печать, но открывающие прямой путь в тюрьму, тексты поистине трагические, можно сказать, лучшие поэтические свидетельства сентябрьского поражения, Броневский уже тогда, осенью 1939 года, препарирует участие Советского Союза в этом поражении так, что ни малейшего следа от него в тексте не остается. Он пишет так, чтобы впоследствии они могли без труда функционировать в мистифицированной действительности ПНР. Попытка анализа этих стихотворений здесь и сейчас делает нас совершенно беспомощными: с одной стороны, мы боимся анахроничной интерпретации, основанной на наших сегодняшних знаниях; с другой — мы не можем, не в состоянии, как морально, так и интеллектуально, использовать те категории, которыми определялась действительность, в том числе, и поэтическая, во Львове в 1939 году.

Дело осложняется тем, что Броневский не только оказался в Замарстынове, но и, что гораздо важнее, — никто, буквально никто в доступных на сегодняшний день источниках не выдвигает против него никаких обвинений, а Александр Ват, всегда готовый осудить тех, кто был заражен коммунизмом, после того, как сам от него излечился, позицию Броневского во Львове того времени считает примерной, даже героической. Но перейдем к конкретике: как читать эти стихи, строчка за строчкой? Возьмем это двустишие:

Дай руку мне, Беларусь, дай руку мне, Украина,
Вы мне дадите в путь ваш независимый серп и молот.^[3]

Если читать дословно, то трудно избавиться от ощущения, что перед нами — ироническое или даже сатирическое высказывание: кто оценит независимость Беларуси и Украины лучше, чем сын покоренной нации? Добавим, что по биографическим данным, причем полученным от самого

поэта, это стихотворение было написано в ноябре 1939 года, а значит, именно в том месяце, когда на занятых Красной армией землях Речи Посполитой было проведено голосование в пользу включения их в состав Беларуси и Украины. И собственно, неудивительно, что поэта, говорящего в такой момент о независимости этих стран, советские власти отправили в тюрьму. В доме повешенного нельзя безнаказанно говорить о веревке.

Но ведь так же, как этот сарказм, очевидно и то, что никакого сарказма здесь нет, что Броневский говорит совершенно серьезно; имеет ли, в таком случае, смысл то, что он говорит? Посмотрим на другое важное предложение из того же стихотворения: «я хочу, чтобы из руин Варшавы железобетоном рос социализм». Снова — неразрешимое противоречие: ведь можно сказать, что перед нами декларация лояльности, причем сразу же после национального поражения, декларация лояльности победителям.

Испанцы, кричит, на вашем пороге
Я пришел поклониться,
Пришел служить вашему Богу,
Вашим пророкам молиться^[4].

Это не я поместил Альманзора в рамки этого кредо. Возможно, испанцы умеют ценить мужество, но на этот раз, к сожалению, мы имели дело не с испанцами, и декларация лояльности Броневского была прочитана ее адресатами в валленродовском духе, в результате чего поэт попал в Замарстынов.

Так когда-то мстили Советы. А что мы сегодня можем сказать об этой декларации? Что она была одновременно в духе Валленрода — и не в его духе; чтобы это понять, нужно забыть про средиземноморского Эвклида ради более уместного здесь Лобачевского. Хотя при этом можно продолжать верить, что того, что средиземноморское, забывать нельзя никогда, а познание не стоит пакта с дьяволом. И все-таки, следуя формуле «Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen»^[5], мы попробуем отправиться в путешествие за пределы двузначной логики. Поэтому скажем коротко: по доступным историческим свидетельствам, никогда ни до, ни после этого реальный социализм не представал перед глазами удивленной публики в таком живописном виде, как это было на окраинах Речи Посполитой осенью 1939 года.

Обойдемся без подробностей. Особенно потому, что в последнее время и так все о них напоминают. И добавим: Броневского нельзя назвать ненаблюдательным, а особенно нельзя сказать,

что он не замечал человеческого горя, нужды и страдания. Нельзя о нем также сказать, что во Львове он относился к элите, успешно огражденной от действительности с помощью сложной системы — этот аргумент мог быть использован по отношению к нему только пару лет (и целую эпоху) спустя. Именно потому, что этот аргумент не работает, анализ этого периода творчества поэта так важен, потому что можно надеяться, что именно в нем мы найдем ответ на вопрос, почему автор «Улицы Милой» не написал «Поэму для взрослых», позволив написать ее Важику, которого большинство считало совершенно не подходящим для этого автором. Если бы Броневский написал эту поэму, никто бы не удивился. Я, скорее, удивлен, что он не написал ее, и мои рассуждения — попытка понять, почему так произошло. Мы обращали внимание на то, что в стихотворении «Примкнуть штыки» враг, угрожающий Польше, не назван по имени; в то же время, надо подчеркнуть, что в стихотворении «Польский солдат» ситуация обратная: в этом состоящем всего лишь из 11 двусиговых текста он четырежды говорит о том, что солдат воевал с немцами^[6], причем с самого первого двусигов. Только ли с характерными для поэтики Броневского повторами мы здесь имеем дело? Береза упоминается в нем три раза, а понурая голова — два, и наконец, поэт не назвал немцев в пятый раз, говоря «наступают чужие войска». Оставляет ли он таким образом поле для интерпретации, имея в виду, что могут подразумеваться войска не-немецкие? Существуют ли подобные прочтения этого стихотворения?

Мария Рената Майенова, подробно анализируя это стихотворение^[7], обращает внимание на неоднородность лирического героя, описывая его как «солдата-скитальца» и «поэта-интеллекта». Я думаю, мы имеем дело с неоднородностью иного характера: поэт словно не мог решить, пишет ли он портрет конкретного солдата, или рисует синтетически-символический образ. Конечно, мы охотнее склоняемся ко второму варианту интерпретации, но если так, то совершенно непонятно, почему его полк разбит под Равой. Эта информация не имеет символического значения, — кроме версии, при которой мы сочтем это указанием на тот факт, что солдат воевал именно с немцами, а не с русскими^[8]. Я думаю, что для Броневского важнее подчеркнуть это, чем написать символический портрет.

Три приведенных стихотворения тесно связаны между собой^[9], отсылая цитатами друг к другу: в «Польском солдате» в строке «Его дом подожгли немцы» сбывается пророчество из «Примкнуть штыки». В то же время, в первом тексте говорится о том, что именно оружия, штыка у него нет: «А у него нет

оружия, он не мстит...». Последняя фраза, в свою очередь, почти дословно повторяется в «Сыне покоренной нации»: «Я пишу ладонью безоружной, грозной, хотя она не мстится»^[10]. Это важно потому, что в обоих позднейших текстах поэт, по существу, демонстрирует тот же комплекс убеждений, что и в стихотворении «Примкнуть штыки»; если они написаны безоружной рукой, то не потому, что солдат стал противником насилия, а потому, что его разоружили, и не мстит он не потому, что это не по-христиански, а потому, что не может отомстить.

Но все это по-прежнему касается только немцев. Обратим внимание, что идейная позиция «Сына покоренной нации» звучит так, словно поэт предвидел или опережал ход военных событий, словно уже в ноябре 1939 года знал все, что еще не снилось и самому Сталину, не говоря уже обо всех европейских политиках вместе взятых. Иначе говоря, либо для ноября 1939 года — это полнейший нонсенс, либо нужно объявить Броневского очередным пророком. Но есть причины, чтобы сделать именно так. «Сын покоренной нации» написан метром для польской поэзии особенным — метром «Песни Вайделота». Ничего не поделаешь — Конрад Валленрод преследует нас во всех наших поисках; несомненно, та «независимая песня», которая повторяется в первой и последней строках стихотворения, — это та самая песня, которая «уйдет от забвения».

Впрочем, поэт сознательно отсылает к традиции:
я нынче странникам ровесник,
бреду изгоям вслед
[«Письмо из тюрьмы»]^[11]

или

Во-первых, Мицкевич
с «Редутом Ордона»
(Ордон — это о нас)
[«Рецепт поэзии»]^[12]

Редут Ордона трагически возвращается еще раз в финале стихотворения «Ното sapiens»:

Еще одна в запасе бомба

на час, когда угаснут войны,
приблизится день наказания
за помрачение сознаний,
когда владыки мира будут
освобождать народы...
Если в сонме
их не будет Польши,
тогда, о песня,
взорви ядро земли!^[13]

Это почти что цитата из Мицкевича:

Если землю деспотизм и гордыня злая,
Как москали редут Ордона, займут, затопляя,
Победителей преступных казня, их мольбам не внемля, —
Бог, как редут свой Ордон, взорвет свою землю.^[14]

И как же по-мицкевически звучит эта его «втянутость» в Россию! И даже то, что, за небольшими исключениями, он старается относиться к России так несправедливо снисходительно. Дело, однако, чрезвычайно сложное, потому что, хотя Броневский и удерживает себя от антисоветских акцентов, что особенно заметно в «ближневосточном» периоде его творчества, в то же время он обозначает в своих стихах границу, которой, согласно его тогдашним принципам, переступить нельзя.

Поэтому с определенной точки зрения можно говорить о внутренней шизофрении его декларации. Например, в стихотворении «Всё нам едино», написанном в ноябре 1943 г., читаем:

Потолкуем без шуток
о Вильне, Кшеменце и Львове;
не уступим и Новогрудок —
Адам, лови на слове!

...

Ни Урала, ни Колымы
(хватит, наездились в гости!) —
Хотим мы польской зимы,
Чтоб грела польские кости.
Кто враг нам, того поразит
штык наш в самое сердце.
Пасть духом нам не грозит —

мы будем биться до смерти,
будем биться по смерти...^[15]

Здесь переплетаются разные позиции: с одной стороны, однозначный подход к вопросу о границе, с другой — мартирология советских лагерей, выраженная эвфемистическим «хватит, наездили в гости». И когда мы уже готовы наброситься на эту перифрастически-новоязовскую терминологию, в следующей строфе находим фразу «Кто враг нам, того поразит штык наш в самое сердце», — четкий ответ на наш вопрос, заданный в связи со стихотворением «Примкнуть штыки». Еще интереснее единственное у Броневского упоминание Катыни в написанном в декабре 1943 г. «Номо sapiens»:

Я, мстительный пилот, лечу к ним,
буравит ночь прожектор сердца,
слова-фугасы, бомбы-строки
швыряю в светомаскировку,
как тот Четвёртый всадник смерти.
Вначале бомбу в мрак Берлина
за тяжесть преступлений кину,
[...]
Вторая бомба — в прах Катыни!^[16]

Какая удивительная, скажем так, асимметрия! Даже трудно поверить в то, что поэт именно так делит свои бомбы, и как-то напрашивается психоаналитическая интерпретация. Бросить бомбу на катынские захоронения, чтобы они исчезли — это было бы и проще, и лучше.

О, как грустно идти сквозь кровавый мир
По кладбищу идей.
Ветер в глаза. Оренбургский ветер.
Я шел. Буду идти. Иду. [«Метель»]

Сложным образом чрезмерная снисходительность или мягкость по отношению к России в военный период творчества чередуется у Броневского с ноткой пренебрежения:

Нынче в теплой кантине,
при вине и дивчине,

вспоминаем, как где-то на Ладоге
тиф нас и малярия
косяками морили,
как в дороге нас тысячи падали.
К счастью, вырвались мы
из зимы Колымы,
Воркуты, и Читы, и Тобольщины. [«Скитальческая армия»]
17^[17]

Или: «Что мне лагеря и тюрьмы, голод, скитанья, цинга», или,
наконец, знаменитое «История, ведь это бестактность»^{18[18]}
Самым очевидным объяснением и оправданием этой
пренебрежительной позиции Броневского можно назвать его
личное участие в национальном страдании — ведь только о
собственном страдании можно говорить с пренебрежением.
Однако, проблема, кажется, глубже, и ее не объяснить только
благородной фантазией поэта; гораздо важнее его внутренняя
словно уверенность в итоговой победе.
В 1945 г. Броневский отзывается на Ялтинскую конференцию
стихотворением «Рецепт поэзии»:

Ободрали нас, обокрали,
Угнетали столетиями,
А мы будем с ними биться,
И мы, и наши дети.
Нам плевать на «вопрос о границах»,
Решенный чужим в угоду,
Мы поднимем восстание
К двухтысячному году.

Даже пророк может ошибиться на 20 лет. Невероятна его
спокойная уверенность, что «и мы, и наши дети», тем более,
что время показало, что поэт был прав. И это произошло не
потому, что Хозяйке жизни, истории, захотелось «выкинуть
фортель»^[19], я думаю, это не случайность, Броневский верит в
определенную систему ценностей, и даже многолетняя связь с
коммунизмом не может заставить его поступиться ими.
«Человек добрый, умный, спокойный» — эти слова из «Могилы
Тамерлана», повторенные почти дословно в конце «Номо
sariens», для Броневского вовсе не пустой звук; именно они
проводят демаркационную линию между поэтом и
коммунизмом; личность — это не ноль и не ерунда, это
добрый, умный и спокойный человек, который примыкает
штык для защиты своего, человеческого, порядка. Броневский

принадлежал к поколению, которое мечтало сбросить с плеч плащ Конрада, и в определенном смысле желание это было не чуждо и такому близкому польскому романтизму поэту, как Броневский. И где-то между апрелем 1939 г., когда написано «Примкнуть штыки», стихотворение человека, который уверен, что сбросил с плеч плащ Конрада или Ангелли, и осенью того же года, когда создается «Польский солдат», оказывается, что

Он не пойдет, как рыцарь в стары годы,
Бить варваров своим мечом заветным
Иль, как солдат под знаменем трехцветным,
Полить своею кровью сев свободы.
Нет! зов ему пришлет шпион презренный,
Кривоприсяжный суд задаст сражение,
Свершится бой в пещере потаенной,
Могучий враг произнесет решение.^[20]

Этому солдату, безоружному, без орла на шапке, остается только одно — плащ Конрада. Я еще раз вернусь к Валленроду, чтобы напомнить, что герой Мицкевича принимает христианство от крестоносцев и затем распространяет его в Литве. Об этом стоит помнить, потому что это может предостеречь нас от недоразумений, которые нас ожидают, если мы всерьез будем относиться к христианским декларациям крестоносцев. Потому что левачество Броневского — валленродовское, а то, как он его проявляет, разоблачает любых крестоносцев. Неудивительно, что его сажают в тюрьму за слова, написанные осенью 1939 года, слова, за которые и сейчас многие охотно приговорили бы его *in effigie*:

Хочу, чтоб из брусчатки Варшавы железобетоном рос
социализм,
Хочу, чтобы красным знаменем шумел марицкий хейнал.

Его социализм, его красное знамя были как будто совсем другого цвета, потому что «тиран трепещет, ведь несет он мести гром, народа гнев, свободы сея семя». И ничто не могло оторвать его от этого знамени, он размахивал им до конца жизни.

Кажется, что осень 1939 года — это именно тот момент, когда окончательно формируется сложная поэтическая индивидуальность Владислава Броневского.

Ян Вальц (1948–1993) — литературный критик, историк литературы. Принадлежал к демократической оппозиции, сотрудничал с Комитетом защиты рабочих и подпольным Обществом научных курсов, редактировал самиздатовские журналы. Эссе о Владиславе Броневском опубликовано в книге «Большая болезнь» (1992)^[21]. Тексты Яна Вальца доступны на сайте www.janwalc.pl.

-
1. «Примкнуть штыки». Если не указано иначе, здесь и далее переводы цит. по: Владислав Броневский. Два голоса, или поминовение. Пер. Базилевский А.; Скорвид С.; Осмоловская М. Москва; Пултуск: Вахазар; Этерна; Гуманитарная Академия, 2010. — Примеч. пер.
 2. Из стихотворения Юлиана Тувима «К простому человеку». — Примеч. пер.
 3. «Сын покоренной нации», подстрочный перевод самого Броневского для НКВД. Источник: Митцнер Петр. Узник истории. // Новая Польша, № 6, 2003. — Примеч. пер.
 4. Из поэмы «Конрад Валленрод» Адама Мицкевича. Здесь и далее, если не указано иначе, перевод мой — Примеч. пер.
 5. «Чья жизнь в стремлениях прошла, того спасти мы можем» (нем.) И.В. Гете, Фауст, пер. Б. Пастернака. — Примеч. ред.
 6. Солдат возвращается из немецкого плена, его дом сожгли немцы, он сражался под Равой и Варшавой. — Примеч. автора.
 7. Ср. M. R. Mayenowa Sztuka czytania wierszy, Warszawa 1963, s. 20–28.
 8. Конечно, можно спросить, откуда уверенность, что имеется в виду Рава Мазовецкая, а не Рава Руская; но, как кажется, на указывает как тот факт, что под Равой Мазовецкой в сентябре шли тяжелые бои, так и то, что солдат после разгрома своего полка дал под Варшавой последний выстрел.
 9. Кстати, „Польский солдат” и „Сын покоренной нации” впервые были напечатаны в журнале «Виднокренги» № 7 в июле 1941 г.
 10. Подстрочный перевод самого Броневского для НКВД. Источник: Митцнер Петр. Узник истории. // Новая Польша, № 6, 2003. — Примеч. пер.
 11. W. Broniewski List z więzienia, Письмо из тюрьмы, // Два

голоса...

12. W. Broniewski Przepis na poezję, в: Wiersze, Paryż 1962, s. 34.
«Рецепт поэзии», подстрочник В. Хорева // В. Хорев.
Восприятие России и русской литературы польскими
писателями. – Москва: Индрик, 2012, с. 35. — Примеч. пер.
13. W. Broniewski Homo sapiens, в: Wiersze..., s. 37.
14. «Редут Ордона», пер. С. Кирсанова, в который я вставила
отсутствующие у него, но имеющиеся в оригинале слова
«москали» и «преступных». Источник: Адам Мицкевич.
Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная
литература, 1968. — Примеч. пер.
15. W. Broniewski Wszystko nam jedno, в: Wiersze..., s. 32-33. «Всё
нам, солдатам, едино» // Два голоса...
16. «Homo sapiens» // Два голоса...
17. W. Broniewski, Tułacza armia, w: Wiersze.. s. 29-30
«Скитальческая армия», // Два голоса...
18. W. Broniewski, Rozmowa z historią, w: Wiersze.. s. 26.
19. W. Broniewski Rozmowa z historią, op. cit.
20. Сонет А. Мицкевича «К матери-польке», перевод М.Л.
Михайлова. Источник: Михайлов М.Л. Собрание сочинений.
– Л.: Сов. писатель, 1969. – С. 479-480.
21. Walc Jan, Płaszcz żołnierza polskiego, Jan Walc, Wielka Choroba,
Warszawa 1992. Доклад под названием «Броневский и
сентябрь», прочитанный на конференции «Память
Сентября» (Pamięć Września) 22-24/09/1989, Варшава, IBL
PAN, впервые напечатан в журнале «Культура незалежна»,
№ 57, 1990.

Владислав Броневский

Пять стихотворений

Перевод Нины Кунаци

Полоса тени

Сверканье дня смутилось тенью,
в окне открытом — птицы взмах.
Ах, так? Так снова даль весенняя
и взору в небе нет преград.

А всходы! Поросль! Вот уж истинно
потонем в зелени дерев!
Вдаль, милая, идти и скрыться нам
среди шепота берез и верб.

Шагаем вдаль на годы долгие.
Полжизни минуло?.. Ну, так...
И вот в окошке тень пролетная,
мелькнул и каркнул черный птах.

Звезды

Под покровом звездных небес
так молчанье невыносимо...
Потому и нужна мне песнь
и плач, не к лицу мужчине.

Мир подзвездный не обойти,
столько видел, но губы немые.
Муза лет моих тридцати,
причалить где нам?

Письмо из тюрьмы

Дочурка, в заточенье я
пишу вот этот лист.

Понурый вечер в ночь гоня,
Вокзальный поезд свистнул,

сереет лоскутами небо
за прутьями окошка,
где воробьи снуют над хлебом —
и схлынут, бросив крошки.

Не страшно, дочь: чья доля — схватка
с несчастьем и бедой,
тому холодная отвага
становится судьбой.

Здесь гаснет время — ты не знаешь, —
как кровь течет из жил...
Счастливой будь, моя родная,
мне, верно, хватит сил,

я ныне сверстник Пилигримов,
иду Изгоям вслед
и переправлю ношу гимнов
на дальний берег лет.

Замарстынув 1940

Соловей

Соловушка, что ты
берешь за ноты...
Не сплю я. Себе на горе.
Как твою песню
назвать мне, если
нет умения выразить в слове?

Я б соловья
роднику уподобил,
что к сердцу стремится влагой,
а смерть по сердцу
смычком проводит:
чтоб сгнуло,
чтоб иссякло!

Трель соловьиная,
мука сердца.
Так. Пусть себя истратят.
Та полночь в мае,
ночное скерцо...

Ладно.
За то заплатим.

Тишина

— Скажи, как ты зовешься?
— Тишь.
— Прости, я не дослышал?
— Тишь.
— То ты шуршишь на ветках хрупких
по весне?
то о тебе тоскует соловей,
когда пора расти траве?
— Молчи, гордец, ты встретил тишину.
— Я в гроб тебя с собою заберу.

Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы (Ч.3)

Читательские предпочтения Гедройца можно реконструировать не только на основе эксплицитно выраженных им оценок, но и опираясь на конкретные издательские решения Редактора. Следует сказать, что порой политические интересы оказывались для него критерием более важным, нежели художественные достоинства текста. Так случилось со сборником «В собственных глазах. Антология современной советской литературы», который Институт издал в 1963 году. Книга была задумана как мгновенная реакция на изменение издательской политики в ПНР. В марте того года Гедройц объяснял свою инициативу Борису Левицкому:

«Поскольку в Польше запретили перепечатку наиболее острых вещей в советской литературе, я хочу выпустить сборник, который собрал бы их под одной обложкой. В первую очередь меня интересуют два последних рассказа Солженицына. Нет ли у Вас каких-нибудь идей?»^[1]

Адресат медлил с ответом. Недели через две у Редактора уже имелся приблизительный перечень произведений, которые он планировал включить в будущий сборник:

«Сначала последняя речь Хрущева (у меня есть полный текст, из «Лит[ературной] газеты», которую я получил), потом даем такую подборку: Солженицын, два рассказа; Ф. Абрамов, „Вокруг да около“; В. Максимов: „Жив человек“; Стаднюк: „Люди не ангелы“; Яшин: „Вологодская свадьба“; Некрасов: „По обе стороны океана“ (фрагменты); Серебряков: „Записка Бориса Горбатова“.

Вместо предисловия будет речь Хрущева. Я Вам уже писал, что делаю это, главным образом, потому что в ПНР перестали публиковать мало-мальски смелые советские произведения. Они даже не упоминаются. А тут, на Западе никто ничего не читает. Им еще на год хватит „Одного дня Ивана Денисовича“ и Евтушенко»^[2].

В ответ Левицкий изложил свои предложения:

«Я бы хотел уговорить Вас включить в сборник советских литераторов, сразу после речи Хрущева, два *очень важных* документа. Статью Россаны Россанды из „Ринашита” [...] и открытое письмо Карло Леви „Искусство и свобода” из „Унита”. [...] Тогда политическое значение Вашего издания возрастет *стократно*. [...] Дело не в том, чтобы осуществить очередной бессмысленный антисоветский выпад — мне кажется, мы должны сосредоточиться на вещи более важной: поддержать молодое поколение советских писателей, показать им, что на их стороне не только Запад в смысле нашей системы и нашей демократии, но и западные коммунисты»^[3].

Идею поместить в антологию тексты, выражающие позицию итальянских прокоммунистически настроенных интеллектуалов, Гедройц счел *очень верной*, но из-за отсутствия переводчиков не смог, несмотря на все свое желание, воспользоваться предложенными Левицким статьями. Не была напечатана в книге и речь Хрущева. Зато Редактор расширил сборник за счет художественных произведений:

«Я хочу включить в антологию [...] воспоминания Дьякова из последнего (третьего) номера “Звезды”, они представляются мне *очень интересными*. Как документ, возможно, даже более важными, чем Солженицын (я не имею в виду литературную сторону)»^[4].

Впоследствии композиция книги подверглась дальнейшим изменениям. После предисловия Герлинга-Грудзинского шла не упомянутая в переписке новелла Леонида Семина «С глазу на глаз», посвященная судьбе группы офицеров Красной Армии, взятых в плен немцами, а затем репрессированных своими. Семин не был выдающимся писателем, как и представленный в антологии рассказом «Пережитое» Борис Дьяков. Трудно отнести к числу шедевров также вошедшую в сборник прозу Ивана Стаднюка, партийного военного писателя, или рассказ Александра Яшина, считавшегося предтечей популярной в России в шестидесятые–семидесятые годы деревенской прозы и Федора Абрамова — одного из наиболее известных представителей этого жанра. Говоря Левицкому об издании «наиболее острых вещей» из советской прозы, Гедройц, должно быть, имел в виду тематику текстов, а не их стилистическую оригинальность, хотя, с другой стороны, можно предположить, что он ценил и их художественную сторону, поскольку предложил перевести всю книгу Юзефу Мацкевичу; в конце концов это сделали Юзеф Лободовский, Казимеж Окулич, Здзислав Милошевский.

Следует отдельно сказать об авторе повести «Жив человек», с самого начала планировавшейся Редактором к публикации в сборнике — Владимире Максимове. Эта вещь, частично автобиографическая, посвящена судьбе мальчика, после ареста отца попавшего в маргинальные слои общества и ставшего вором^[5]. В то время, когда Гедройц готовил свою антологию, Максимов был молодым (р. 1930), недавно дебютировавшим (1961) писателем. В начале семидесятых годов он опубликует в самиздате первый большой роман — «Семь дней творения», считающийся одним из важнейших произведений в его наследии, — в котором будет бескомпромиссно критиковать советскую действительность. Книга принесла писателю известность на Западе, но кругом «Культуры» была воспринята сдержанно. Еще не познакомившийся с романом Милош взволнованно писал:

«Читал в „Тыгоднике повшехном“ потрясающее интервью с Владимиром Максимовым и получил его роман „Семь дней творения“, выпущенный „Посевом“. Говорят, очень интересный»^[6].

Гедройц, который к тому времени роман уже прочитал, отозвался коротко: «Книга Максимова меня сильно разочаровала»^[7]. Вскоре Милош пришел к тому же выводу: «Владимира Максимова я читать не могу; может, я ошибаюсь, но для меня он скучен»^[8].

Как известно, Максимова исключили из Союза писателей, и с 1974 года он находился в эмиграции. В Париже писатель основал, отчасти по образцу «Культуры», журнал «Континент», в состав редакции которого вошли, в частности, Гедройц, Герлинг-Грудзинский и Чапский.

С этого момента отношения с Максимовым носили рабочий характер и были связаны с сотрудничеством журналов, поэтому как писатель Владимир Емельянович чувствовал себя недооцененным. В письме к Войцеху Скальмовскому в марте 1976 года Ежи Гедройц писал:

«Вы знаете творчество Володи Максимова? Он испытывает адские мучения из-за того, что о нем пишут как о редакторе „Континента“, диссиденте, забывая о литературном творчестве. Он сумасшедший, симпатичный, а для нас весьма полезен. Не возьметесь ли Вы „для пользы дела“ написать о нем маленькое эссе? Если Вы не знакомы с его творчеством, я немедленно пришлю вам его книгу» (10 марта 1976).

В то же время в антологию современной советской прозы не вошел ни один текст Галины Серебряковой — в 1967 году в переводе Лободовского «Культура» (№ 7–8) опубликовала небольшой фрагмент ее лагерных воспоминаний «Смерч». В том же году в Библиотеке «Культуры» они вышли целиком (в польском переводе получив название «Huragan»)[9].

Писательница, родившаяся в 1905 году, член партии с 1919-го, дебютировала в литературе в конце 1920-х. В 1936 году издала первый том историко-биографической трилогии о жизни и трудах Карла Маркса, полностью соответствующий генеральной линии партии. В том же году была арестована и двадцать следующих лет провела в тюрьмах и лагерях. Выйдя на свободу в 1956 году, Серебрякова вернулась в литературу. Хрущев к ней благоволил, а после отстранения его от власти мемуары писательницы («Смерч») были конфискованы. Гедройц получил из Советского Союза поврежденные и неполные оттиски книги, на основе которых и было осуществлено издание Литературного института.

Текст Серебряковой редакция «Культуры» сочла «одним из важнейших документов эпохи»[10], хотя с литературной точки зрения он, как и большинство составивших антологию произведений, оставлял желать лучшего[11]. В этом смысле сборник безусловно обогатили бы планировавшиеся Гедройцем к изданию фрагменты репортажа Некрасова «По обе стороны океана» (посвященные, в частности, пребыванию писателя в Америке), в книгу, однако, не вошедшие, но вскоре опубликованные на страницах «Культуры» (последний номер за 1963 год)[12].

Другая Россия — другие русские. О нескольких проектах Ежи Гедройца

В интервью Натальи Горбаневской, опубликованном в журнале «Континент» в 1991 году, Ежи Гедройц говорит:

«Лично для меня главное — нормализация польско-русских отношений, причем не только в политическом аспекте — тут всегда найдутся расхождения, а в плане культурного сотрудничества. Этот вопрос всегда был для меня очень значимым. С коммунизмом я начал бороться еще до войны и продолжал это делать в эмиграции, но русская литература всегда была мне чрезвычайно близка, в определенном смысле, возможно, даже ближе польской»[13].

Тот факт, что проблема отношений Польши с Россией имела для Гедройца первостепенное значение, не требует доказательств. Следя за ходом размышлений Редактора по письмам, редакционным пометкам, издательским стратегиям Института, можно увидеть, что врагом Польши для него была не Россия, а Империя. Гедройц никогда не ставил знак равенства между «советским» и «русским»: «Чего я больше всего боюсь — так это любого раздувания национализма. Я опасюсь, что борьба с советизмом, советизацией, коммунизмом выльется в антирусские настроения»^[14]¹⁴. Устанавливая контакты с русскими писателями-эмигрантами, а также, насколько это было возможно, с теми, кто по разным причинам оставался в стране, Гедройц искал умы открытые, свободные от шовинистической зашоренности.

Образ России и русских, формируемый Институтом, был далек от стереотипа, омраченного историей царской и советской России и заставлявшего отворачиваться от всего русского. Многие публикации и другие действия «Культуры» являлись жестами эмпатии и солидарности, не понятными для Польши:

«[...] нужно пояснить, — пишет Герлинг-Грудзинский, — что руки, которые угнетаемые протягивают друг другу через пропасть, протянуты над головой власти и строя, против власти и строя»^[15].

Русской была также модель, к которой в своей деятельности отсылал Ежи Гедройц. Когда в 1956 году Юлиуш Мерошевский готовился к интервью польскому отделу «Би-би-си» в связи с выходом сотого номера «Культуры», Гедройц предложил конкретное сравнение:

«Я предлагаю Вам сделать в своей речи акцент на аналогию „Культуры” с герценовским „Колоколом”. Журналом, выходившим в эмиграции, бескомпромиссным и защищавшим свободу, издававшимся Россией и для России, читавшимся всеми, от императора до рядового интеллигента и воздействовавшим на ситуацию в России»^[16].

В это время Редактор писал Ежи Стемповскому:

«Если я не пошел по пути наших отечественных „независимовцев”, то скорее не инстинктивно, а вследствие многолетних наблюдений за другими эмиграциями — русской и украинской. Это позволяет избежать многих ошибок»^[17].

Месяц спустя он удовлетворенно добавлял:

«[...] у меня есть знакомые во французском посольстве в Варшаве. Так вот, сегодня я получил от них по дипломатическим каналам письмо, в котором говорится об огромной популярности „Культуры” [...] Быть может, мои амбиции — чтобы „Культура” сыграла роль герценовского „Колокола” — не такая уж мегаломания»^[18].

О русской литературе и посвященных польско-русским отношениям номерах «Культуры» Гедройц думал, разумеется, с самого начала существования журнала, а о книгах — даже раньше. В самом начале 1947 года он планировал польское издание рассказов Михаила Зощенко, осуществить которое так и не удалось. В письме от 8 января Редактор писал из Рима Юзефу Чапскому:

«Как обстоят дела с твоим изданием Зощенко? Меня это очень интересует, поскольку я бы охотно напечатал его по-польски».

Ответ Чапского 23 января: «Я вовсе не издаю Зощенко, мы лишь напечатали в „Карфуре” „Обезьяну”»^[19]. Речь идет о рассказе «Приключения обезьяны», который служил одной из «улик», подтверждающих виновность Зощенко, в выступлении Жданова «О журналах „Звезда” и „Ленинград”» в августе 1946 года.

Первый проект «русского» номера «Культуры» возник в 1948 году, такой вывод можно сделать из сохранившихся писем Редактора к историкам и публицистам — таким, как Дэвид Даллин, Сергей Мельгунов, Борис Николаевский или Георгий Федотов — с просьбой прислать статьи на эту тему. Усилия последнего в данной области, по мнению «Культуры», трудно переоценить: в предисловии к статьям Федотова, опубликованным на страницах журнала посмертно, мы читаем:

«Кроме Философова, чей труд о сближении Польши и России в 1919–1939 годах малоизвестен как полякам, так и русским, мы, похоже, не знаем ни одного русского писателя, русского деятеля — за исключением проф. Карповича — который был бы способен размышлять и писать об этих проблемах с такой тягой к правде и ощущением будущего, как Федотов»^[20].

Как известно, Редактор систематически и очень пристально следил за русской периодикой. Количество изданий, на которые он был подписан, исчислялось десятками. Со многими он обменивался экземплярами. В 1951 году в письме к Борису Николаевскому Гедройц перечислял:

«От русских издателей мы получаем: „Народную правду”, „Социалистический вестник”, „Новый журнал”, „Возрождение”. Очень хотелось бы установить более близкие контакты с русскими периодическими изданиями, был бы Вам в этом смысле очень благодарен за помощь и советы — к кому из издателей следует обратиться по поводу обмена экземплярами» (26 февраля 1951 года).

Некоторые редакции по просьбе Гедройца помогали укомплектовать библиотеку Института теми или иными русскими изданиями, в которых возникала необходимость^[21].

В процесс комплектации русского фонда и расширения этого сегмента библиотеки Института Редактор вовлекал своих сотрудников. В 1960 году он пишет Мариану Камилю Дзевановскому:

«В связи с Вашей поездкой в Россию у меня к Вам большая просьба. Вы могли бы закупить последние новинки, касающиеся проблем, связанных со Второй мировой войной и, прежде всего, с Польшей? Отсюда и через Польшу ничего невозможно раздобыть. Не по причине запретов, а из-за бюрократии» (22 июля 1960 года).

Через неделю в письме к Дзевановскому он добавляет: «К сожалению, здешние русские книжные магазины снабжаются из рук вон плохо» (31 июля 1960 года).

Еще в середине 1990-х годов Гедройц просил совета у Михаила Геллера:

«Не могли бы Вы мне подсказать, на какие русские периодические издания стоит подписаться? Я получаю „Литературную газету”. Буду получать „Новый мир”. Еще „Роман-газету”. Имеет ли смысл ли подписаться на „Независимую газету” и „Аргументы и факты”? А из „толстых журналов”» (17 ноября 1994 года).

Судя по просьбам и заказам, которые можно обнаружить в письмах Редактора, больше всего в русских газетах и изданиях его интересовала литература личного документа, в которой он особое внимание уделял польским сюжетам. Гедройц писал своему другу, профессору Гарвардского университета, Михаилу Карповичу, с которым познакомился во время Берлинского конгресса за свободу культуры (вероятно, в 1952 году):

«С подлинным интересом прочитал последний, превосходный, номер „Нового журнала”. Очень интересная дискуссия о

культуре в эмиграции, и я одержим идеей аналогичным образом обсудить нашу польскую ситуацию в этой области.

Меня очень заинтересовали воспоминания Чернова^[22] о Пилсудском и Иодке [Иодке–Наркевиче]. В нашей литературе это сюжеты практически неизвестные, и в связи с этим у меня к Вам большая просьба. А именно, не согласитесь ли Вы на перепечатку этого фрагмента в „Культуре”, а кроме того, нет ли в дневниках Чернова другого польского материала? В этом случае я бы охотно опубликовал более обширный фрагмент»^[23].

Литературную составляющую русской периодики (советской и эмигрантской) Гедройц нередко комментировал в переписке с Михаилом Геллером. 16 июля 1969 года он спрашивает: «Вы обратили внимание на весьма любопытные воспоминания Андреева^[24], опубликованные в последних номерах „Звезды”?»

И спустя две недели:

«Не знаю, видели ли Вы 95-й номер „Нового журнала”, где напечатаны две интересные, ранее не публиковавшиеся вещи Бабеля и „Рассказы о Маршале Берия” Кроткова^[25]. В отношении Кроткова, о котором ничего не знаю, я испытываю довольно смешанные чувства» (30 июля 1969 года).

В письмах Редактора можно найти также программные заявления, касающиеся политики «Культуры» по отношению к восточным соседям Польши, которые на страницах журнала излагались, как известно, Юлиушем Мeroшевским. В письме Гедройца 1980 года к К. Еленьскому мы читаем:

«Я убежден, что главная цель „Культуры” — укрепление роли и значения Польши в Восточной Европе. Замена потерпевшей фиаско ягеллонской идеи и федеративных концепций стратегией культурного и политического влияния. Стремление к тому, чтобы в будущем Польша стала, так сказать, венцом этой части Европы. Для этого требуется, в первую очередь, расчистить поле действия — то есть поставить ребром вопрос о Вильно и Львове как необходимом условии нормализации отношений с Украиной и Литвой. Декларировать борьбу с советским строем при одновременном стремлении к нормализации отношений с Россией и установлению сотрудничества с русской интеллигенцией. С этой целью мы издали два русских номера „Культуры”, первыми печатали тексты оппозиционных русских писателей (Терца–Синявского и Аржака–Даниэля), а также публиковали переводы с русского

(Пастернака, Солженицына, антологию русских писателей „В собственных глазах”, сейчас в работе Зиновьев и т.д.). Это дало определенные результаты: диссиденты знают о „Культуре” и знают ее, существуют даже кружки, в которых изучается польский язык, специально, чтобы читать наш журнал (в количестве примерно 100 экз. он различными путями попадает в Россию). Новая русская эмиграция сразу же установила с нами близкий контакт. По инициативе Солженицына мы в определенном смысле стали соучредителями „Континента”, несколько сотрудников „Культуры” вошло в состав его редакции. Самым большим успехом, имеющим, пожалуй, историческое значение, я считаю то, что нам удалось получить декларации ведущих русских диссидентов, признающих идею независимости Украины и других нерусских советских республик»^[26].

Гедройц выступал инициатором сотрудничества с русской интеллигенцией, названного одним из принципов деятельности Института, зачастую требуя от ее представителей политических жестов. 24 августа 1968 года, готовя для журнала актуальный политический материал в связи с вводом войск Варшавского договора в Чехословакию, Редактор писал Чапскому, находившемуся в это время в Мюнхене:

«Кажется, я уже писал тебе, что хотел бы уделить внимание прогрессивным кругам русской интеллигенции. Было бы хорошо, чтобы в будущем издательстве имелся какой-нибудь русский голос. Разумеется, не старого эмигранта, а кого-то из тех, кто недавно выбрал свободу. Неделю назад выбрал свободу в Париже русский поэт Дёмин^[27], который прячется где-то тут, во Франции. [...] Я не исключаю, что Рысер^[28] с ним общается. Речь идет о том, чтобы связаться с Дёминым и, возможно, сразу же заказать стихотворение. Если же Рысер с ним не общается, то, может, он свяжет нас, хотя бы по телеграфу, с Белинковым^[29], находящимся в Соединенных Штатах, у меня, к сожалению, нет его адреса. Какое-нибудь стихотворение на актуальную тему или статью я бы напечатал на двух языках. Кроме того, мне кажется, было бы очень важно, чтобы он через „Либерасьон” выступил с эмоциональным обращением к русской интеллигенции. И это нужно сделать как можно скорее, может, даже организовать что-то вроде table ronde^[30] с участием находящихся в Мюнхене наиболее интересных представителей стран народной демократии».

Миссия Чапского увенчалась успехом — в ближайшем номере «Культуры» появилась статья Аркадия Белинкова с резкой критикой правления Брежнева, реабилитации Сталина и

насилия в борьбе с оппозицией. Белингов призывал членов Союза советских писателей сдать членские билеты, поскольку, утверждал он, «оставаться в организации, которая по-собачьи служит самому жестокому, бесчеловечному и безжалостному политическому режиму за всю историю человечества, недостойно человека»^[31].

Плоды сотрудничества с русской интеллигенцией — тексты, публиковавшиеся на страницах «Культуры» — не всегда оказывались по душе польским читателям. Несмотря на критические отзывы части публики, Гедройц упорно придерживался избранной политики, оставаясь независимым в своих решениях, хотя порой и оказываясь — как редактор — перед разного рода дилеммами. Так, в 1972 году он писал Скальмовскому:

«Начался исход из Советского Союза. Оппозиционеров просто вышвыривают вон. В Вене находится Иосиф Бродский, с которым я уже связался, а в Риме — Есенин-Вольпин. Можно было бы очень продвинуть сотрудничество с русскими, но как это сделать? И так уже раздаются возмущенные голоса читателей, что, мол, слишком много тут этих иностранцев, к тому же „грязных”».

Однако о современной русской эмиграции в целом Гедройц был не слишком высокого мнения. Одно из его высказываний на эту тему мы находим в письме к Богдану Осадчуку 1965 года:

«О русской эмиграции я знаю мало. Лично — по собственным наблюдениям — я считаю, что она расколота. С одной стороны, солидаристы, но это поле деятельности американской и советской разведки с периодическим участием других, блеф, компрометация людей и так далее. Остальная политическая эмиграция вымирает. Пришел конец „Соц[иалистическому] вестнику”, вот-вот придет конец „Новому журналу”^[32] в Нью-Йорке. Достаточно было Гулю заболеть, чтобы журнал не вышел. В Париже существует „Возрождение”, монархического толка. Это люди с другой планеты. А так называемые массы (я имею в виду интеллигенцию свободных профессий, лекторов в университетах, переводчиков при издательствах и т.д.) — переживают эйфорию поездок в Россию на каникулы. Им все нравится, они хотят там умереть и к тому же *plus catholique que le pape*^[33]. Они, например, категорически против публикации нелегальных текстов из России. Струве, к примеру, отнюдь не ставивший под сомнение аутентичность этой вещи, бился, как лев, чтобы я не печатал поэму Твардовского и т.д. Эти поездки их больше развратили, чем польскую эмиграцию»^[34].

Упомянутая Гедройцем ситуация с поэмой Александра Твардовского требует пояснений. Произведение, о котором идет речь, — продолжение поэмы «Василий Теркин», считающейся вершиной творчества поэта^[35].

В мае 1962 года Редактор пишет Милошу:

«Я получил из Москвы поэму под названием „Теркин в раю”. Это парафраз знаменитой поэмы Твардовского „Василий Теркин”, который кружит в списках по России. Лет шесть назад он наделал шуму. Сегодня эта сатира кажется мне на редкость мягкой и робкой. Насколько я знаю, автором „Теркина в раю” является сам Твардовский, и в свое время это принесло ему большие неприятности. Но официально его никогда в авторстве не обвиняли. Вещь слабая (как, впрочем, слаб и официальный „Теркин”) и длинная. Я не собираюсь публиковать ее целиком, только какой-нибудь фрагмент в переводе, возможно, снабженный критической статьей. Но если Университет захочет это издать, мы могли бы договориться. За хорошие деньги я, возможно, уступлю. Разумеется, если Вы будете разговаривать со Струве, пожалуйста, скажите ему, что это вопрос конфиденциальный. Лишние разговоры ни к чему»^[36].

«Теркин в раю» представлял собой сатирический образ судеб героя Великой отечественной войны после XX съезда. Поэма воплощала критический взгляд на советскую действительность, почему и не была издана. Гедройц рассчитывал, что идея напечатать «Теркина в раю» заинтересует Глеба Струве, русского историка литературы, эмигранта с 1921 года, профессора отделения славистики университета в Беркли. Милош информирует Редактора о позиции Струве:

«Что касается издания на русском языке, Струве советует мюнхенские „Мосты”. Во всяком случае, это не солидаристы. Кое-что они печатают на папиросной бумаге и распространяют в России»^[37].

Предложение напечатать поэму в русском эмигрантском альманахе Гедройцу не по душе, он продолжает настаивать на своем:

«„Мосты” я знаю, но обращаться к ним не стану. Я вообще не хочу иметь дела с русской эмиграцией. Это еще хуже, чем через „Белого орла” пытаться заполучить власть над польскими

умами. Уж лучше пускай это издаст какое-нибудь американское научное учреждение»^[38].

Милош на капризы Редактора не реагирует, и Гедройц спустя несколько месяцев возвращается к этой теме:

«Так вот, вариант, который я получил, 5–6 лет назад кружил по России и до сих пор пользуется популярностью. Поэма переписана одним поляком и попала ко мне через Польшу. Мы с большим трудом ее переписали, несколько слов разобрать так и не удалось. Она почти точно принадлежит перу самого Твардовского. Во всяком случае, в свое время он был за это “снят” и имел неприятности. Лично я и настоящего “Теркина”, и нелегальную версию считаю поэзией слабой, а как сатира это сегодня выглядит довольно невинно, но мне кажется (такого же мнения придерживается Ват), что как документ она имеет большую ценность. Так вот, не интересуется ли этим Струве? [...] Единственное условие с моей стороны — чтобы это вышло в каком-нибудь научном американском издательстве [...]. С русским эмигрантским я дела иметь не хочу»^[39].

Для американского издателя у Гедройца имеется еще одно предложение:

«От одного русского еврея из Израиля, большую часть жизни прошедшего в советских лагерях [...] я получил сборник лагерных песен. [...] Думаю, могло бы получиться очень интересное издание. [...] Это выходит за рамки моих возможностей и потом, я должен себя ограничивать»^[40].

Поэт снова игнорирует вопрос, и Гедройц теряет терпение: «У меня нет никаких сведений от Струве — интересуют ли его эти тексты»^[41]. Милош вынужден отреагировать, и вскоре из Беркли приходит ответ:

«Струве говорит, что ни одна университетская фирма не станет издавать эти лагерные песни, и спрашивает, почему бы Вам не обратиться в русские эмигрантские фирмы. Я сказал, что Вы не хотите. А “Теркина в раю” он знает и сказал мне, что имеется переданная автором из Москвы категорическая просьба: за границей это не печатать»^[42].

Вскоре Гедройцу пишет сам Струве:

«Дорогой господин Гедройц,

мой коллега, из преподавательского состава университета, господин Чеслав Милош, недавно говорил мне, что Вы получили какие-то русские материалы и раздумывали, не будет ли какой-нибудь американский издатель заинтересован в их публикации. Он упоминал лагерные песни и якобы анонимную поэму о Василии Теркине на том свете. Что касается первого материала — сомневаюсь, чтобы какой-либо американский издатель был заинтересован в публикации песен по-русски, разве что Прейгер. Милош говорит, что Вы бы не хотели отдавать эти подпольные тексты русским эмигрантам, что, признаюсь, мне непонятно. Эмигранты бывают разными, а такие издания, как „Мосты” или „Новый журнал” заслуживают и доверия, и поддержки. Я считаю, что если „Культура” не собирается печатать эти тексты, она должна передать их в одно из таких издательств.

Что касается анонимной поэмы, она вызывает у меня некоторые сомнения. Некоторое время у меня на руках находилась ее копия, не анонимный текст —верху машинописи была вписана фамилия автора. Однако я получил его с четким указанием (из Москвы) не публиковать, даже анонимно, в интересах автора, и просьбой быть осторожным в плане передачи информации о поэме даже отдельным лицам. Честно говоря, просьба не отдавать текст в печать содержала также уточнение: „особенно в «Культуру»”. Почему — не знаю. Однако я искренне надеюсь на Ваше понимание — есть какая-то причина, по которой текст пока не публикуется. Если, разумеется, поэма, о которой Вы писали Милошу — та же, что была у меня»^[43].

После письма из США Гедройц отказывается от дальнейшего сотрудничества. В письме к Милошу он закрывает тему:

«Тем временем я получил письмо Струве, примерно в таком духе, как он Вам говорил. Оставим в покое этих сухарей, которые чтят исключительно своих академических апостолов»^[44].

Проходит почти год. В августе 1963 года Редактор устраивает обсуждение прессы, из которого узнает о публикации поэмы Твардовского в советской газете. Он решает написать Струве. Его реакция и описанные в письме действия заставляют задуматься и с трудом поддаются интерпретации.

«Дорогой господин Струве,

я прочитал в сегодняшней „Ле Монд”, что „Известия” опубликовали поэму Твардовского о Теркине. С некоторой

грустью вспоминаю, что около года назад предлагал Вам эту поэму, но она Вас не заинтересовала. К счастью, не имея средств на издание, я отдал текст в редакцию журнала „Мосты”, который напечатал его в десятом номере в начале этого года. В заметке от редакции говорится, что он получен от меня. Таким образом, я в некоторой степени удовлетворен»^[45].

Нетрудно понять, почему Гедройц с удовольствием сообщает Струве, представителю племени «сухарей», о публикации Твардовского в России, сложнее разобраться, почему он с таким же удовлетворением сообщает о передаче текста в журнал «Мосты», который, как мы знаем из писем к Милошу, Редактор не желал принимать во внимание в плане издательского сотрудничества, и который Струве, говоря о русскоязычных публикациях (хотя и не «Теркина») несколько раз ему рекомендовал. Вся история, видимо, произвела на Гедройца впечатление, потому что вскоре он пишет о ней также Еленьскому:

«В последнее время польская пресса уделяет много внимания поэме Твардовского, напечатанной в „Известиях”. Даже Путрамент в последней варшавской „Культуре” описывает читку у Хрущева. Вся прелесть заключается в том, что около полутора лет назад у меня на руках была рукопись этой поэмы, и, не имея денег на русское издание (польское я не хотел делать, потому что текст оч[ень] слабый), я отдал ее в мюнхенские „Мосты”, которые напечатали поэму в январе тек[ущего] года. К сожалению, у меня не было возможности распространить эту информацию. Написала только „Нойе Цюрихер Цайтунг” 24 августа, благодаря Осадчуку»^[46].

Перевод Ирины Адельгейм

-
1. J. Giedroyc, *Emigracja ukraińska*, Listy 1950–1982, opracowała B. Berdychowska, tłumaczenie O. Hnatiuk, Warszawa 2004, s. 432; Письмо от 2 марта 1963 года.
 2. Ibidem, s. 434; письмо от 20 марта 1963 года.
 3. Ibidem, s. 436; письмо от 7 апреля 1963 года.
 4. Ibidem, s. 439; письмо от 8 апреля 1963 года.
 5. В 1933 году отца Максимова, Емельяна Самсонова, рабочего, бросили в тюрьму. В 1945–1950 годах будущий писатель воспитывался в детских домах и детских колониях.
 6. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972, opracował M. Kornat,

Warszawa 2011, s. 501; письмо от 29 февраля 1972 года.

7. Ibidem, s. 503; письмо от 5 марта 1972 года.
8. Ibidem, s. 508; письмо от 25 марта 1972 года.
9. Фотокопию оттиска и книгу Серебряковой Гедройц передал в редакцию «Нового русского слова», акцентируя, прежде всего, предисловие Герлинга-Грудзинского, объясняющего историю рукописи. Редактор, по своему обыкновению, согласился на публикацию текста Серебряковой на страницах нью-йоркского журнала, поставив единственное условие — чтобы редакция указала, что текст получен от Литературного института, которому принадлежат авторские права — см. письмо Гедройца в редакцию «Нового русского слова» от 23 октября 1967 года. После польского издания «Смерча» Серебрякова выразила официальный протест, решительно дистанцируясь от Литературного института. Письма Редактора подтверждают, что — несмотря на то, что отношения с русскими издателями не всегда складывались гладко — он соглашался на перепечатку опубликованных им текстов в русских изданиях, даже малоизвестных. В письме к Ванде Бронской-Пампук от 2 марта 1953 года Гедройц писал: «Разумеется, я ничего не имею против того, чтобы поместить статью Милоша в „Литературном современнике“. Пусть только честно укажут источник и заплатят гонорар. Что это за издание? Я его не знаю. К сожалению, русские меня бойкотируют в смысле обмена журналами или рецензионными экземплярами. Сколько раз я просил об этом, например, „Грани“, они даже не соизволили ответить. В конце концов, в „Культуре“ можно чаще встретить фамилию русского писателя, как, например, Вейдле или Ремизов, чем в иных русских журналах».
10. См.: „Kultura” 1967, nr 7–8.
11. Об этом, впрочем, открыто пишет в предисловии к книге Герлинг-Грудзинский: «Из включенных в антологию писателей самостоятельно можно рассматривать Солженицына. [...] Остальные авторы не могут равняться с Солженицыным как писатели [...] За исключением Максимова и наиболее аполитичного Яшина литературная ценность собранных здесь текстов невелика». G. Herling-Grudziński, *Księga krzywd*, [w:] *We własnych oczach. Antologia współczesnej literatury sowieckiej*, Paryż 1963, s. 12–14.
12. В «Культуре» опубликованы под названием «Na obu brzegach Oceanu. (Fragmenty)» в переводе Л. Фуратик [Ю.Стемповский], „Kultura” 1963, nr 12.
13. Życzenia dla Rosji. Z Jerzym Giedroyciem rozmawiała Natalia

Gorbaniewska, „Tygodnik Gdański” 1991, nr 48. Перепечатка: Teczki Giedroycia, opracowanie I. Hofman, L. Unger, Lublin – Paryż 2010, s. 89–90. Оригинал: «Это вселяет надежду», „Континент” 1991, № 68.

14. Ibidem.
15. G. Herling-Grudziński, op. cit., s. 15.
16. J. Giedroyc, J. Mieroszewski, Listy 1949–1956, cz. 2, wybrał i wstępem poprzedził K. Pomian, przypisami i indeksami opatrzyli J. Krawczyk i K. Pomian, Warszawa 1999, s. 230; письмо от 23 марта 1956 года.
17. J. Giedroyc, J. Stempowski, Listy 1946–1969, cz. 1, opracował A.S. Kowalczyk, Warszawa 1998, s. 362; письмо от 6 марта 1956 года.
18. Ibidem, s. 365; письмо от 10 апреля 1956 года.
19. Публикация: „Orzeł Biały” 1946, nr 2 (23 XII) в анонимном переводе с предисловием, в котором говорится о постановлении Жданова. О публикации «Приключений обезьяны» в журнале «Карфур» ничего не известно.
20. „Kultura” 1961, nr 1–2.
21. Среди журналов, с которыми Редактор обменивался экземплярами, было нью-йоркское «Новое русское слово». В письме в редакцию от 27 ноября 1966 года Гедройц просил прислать ему следующие позиции: Андрей Седых — «Земля обетованная»; «Замело тебя снегом», «Россия»; «Только о людях»; «Сумасшедший шарманщик»; «Дорога через океан»; Николай Краснов младший — «Назабываемое»; Григорий Аронсон — «Россия в эпоху революции». Весьма вероятно, что редакции обязаны этими контактами Борису Николаевскому, с которым Гедройц и Чапский встретились во время Конгресса за свободу культуры в 1950 году, и которого Чапский посетил во время своей поездки в США в следующем году. Именно в это время, 7 мая 1951 года, Редактор писал Чапскому: «Что касается русских — если увидишь Николаевского, изобрази большую обиду из-за того, что он не прислал дополнение к своей статье о коллективизации и не ответил на два моих письма, в которых я его просил об этих дополнениях, а также о короткой биографической справке. Не можешь ли ты устроить, чтобы нам присылали „Новое русское слово”?»
22. Виктор Чернов (1873–1952), деятель Партии социалистов-революционеров, министр сельского хозяйства во Временном правительстве. Его воспоминания «Перед бурей» вышли в Нью-Йорке в 1953 году.
23. Воспоминания Виктора Чернова в «Культуре» не были

опубликованы.

24. Вадим Андреев (1902–1976), сын писателя Леонида Андреева, автор воспоминаний «Возвращение в жизнь».
25. Юрий Кротков (1917–1982), журналист, агент КГБ, с 1963 года в эмиграции, диктор Радио Свобода.
26. J. Giedroyc, K. A. Jeleński, Listy 1950–1987, wybrał, opracował i wstępem opatrzył W. Karpiński, Warszawa 1995, s. 433–434; письмо от 9 июня 1980 года.
27. Михаил Демин (1926–1984), поэт, прозаик, уголовник.
28. Витольд Рысер-Шиманьский, сотрудник Радио Свобода.
29. Аркадий Белинков (1921–1970), прозаик, литературовед, основатель эмигрантского журнала «Новый колокол», единственный номер которого вышел лишь в 1972 году. См.: т. 2, s. 235–236.
30. круглого стола (фр.)
31. A. W. Bielinkow, List otwarty (o sytuacji pisarzy w Związku Sowieckim), „Kultura” 1968, nr 8–9.
32. Предположение оказалось неверным. «Новый журнал» выходит до сих пор.
33. более католики, чем папа римский (фр.)
34. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, op. cit., s. 331–332; письмо от 5 марта 1965 года.
35. Por. np. A. Drawicz, F. Nieuważny, W. Olbrych, Literatura rosyjska, Warszawa 1999, s. 267.
36. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963, opracował M. Kornat, Warszawa 2008, s. 628; письмо от 10 мая 1962 года.
37. Ibidem, s. 634; письмо от 21 мая 1962 года.
38. Ibidem, s. 636; письмо от 25 мая 1962 года.
39. Ibidem, s. 659–660; письмо от 12 октября 1962 года.
40. Ibidem, s. 659; письмо от 12 октября 1962 года.
41. Ibidem, s. 663; письмо от 26 октября 1962 года.
42. Ibidem, s. 665; письмо октября 1962 года.
43. Письмо от 7 ноября 1962 года.
44. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963..., s. 667; письмо от 18 ноября 1962 года.
45. Письмо от 19 августа 1963 года, написанное по-польски и, вероятно, переведенное, по просьбе Гедройца, на английский.
46. J. Giedroyc, K. A. Jeleński, op. cit., s. 358; письмо от 2 сентября 1963 года. В том же году продолжение истории Теркина

вышло также в Польше, хотя и в версии сильно усеченной цензурой или редакцией, см. A. Twardowski, *Tiorkin na tamtym świecie* (fragmenty poematu), tłum. W. Boruński, „Polityka” 1963, nr 34.

Гжегож Яжина

Фото: Agencja Gazeta

Гжегож Хорст, Хорст д'Алберти, Альбертис, Хорст Лещук, Брокенхорст, Сильвия Торш, Николай Варьянов, Х, +^[1]. Гений, явление, звезда и... отшельник. Революционер и анфан террибль польского театра. Создатель культовой варшавской сцены. Гжегож Яжина.

Один из важнейших польских театральных режиссеров. Карьеру в этом мире он сделал, наверное, самую головокружительную — его сразу же признали гением, а его первый спектакль — «Тропический бзик» (по мотивам двух пьес Виткация) — вызвал настоящую революцию, названную «январским переворотом». Сразу же после дебюта (!) его назначили художественным руководителем театра «Розмаитосьци», который он преобразовал в современную, ведущую, необычайно популярную площадку, до сих пор процветающую под его управлением. Яжину не интересуют драмы общества и нации — он сосредоточен на проблемах отдельной личности и межчеловеческих отношениях. Его театр черпает полной горстью из различных культурных традиций, а также из массовой культуры, он универсален и космополитен, благодаря чему его понимают и ценят во всем мире. Режиссер создает интенсивное и выразительное высказывание,

смешивая разные стили и эстетики. «Яжина — это пример необычайно динамичной и живописной карьеры, локальная версия *american dream*. Кроме того, он один из лучших медийных стратегов среди режиссеров — его премьерам всегда сопутствует шумиха в прессе»^[2]. В чем же его феномен?

Мастер — Кристиан Люпа

Его история началась в 1968 году в городке Хожев в Силезии. Будущего режиссера формировала не интеллектуальная среда, а улица и ее законы. Выходец из рабочей семьи — его отец (по имени Хорст, которое Яжина часто использует, создавая очередные псевдонимы) и дед всю жизнь проработали шахтерами. В театр он влюбился еще в лицее и решил избрать этот путь, хотя мир кино также его манил.

Чтобы поступить на режиссерский факультет, нужно было сначала получить какое-нибудь высшее образование, поэтому он пошел на философию в Ягеллонском университете, а потом перевелся на теологию в Папскую теологическую академию в Кракове. Изучение теологии должно было помочь ему лучше понять театр, зарождение которого связано с религиозными верованиями и мистериями. Вместо этого ему пришлось принимать участие в паломничествах к святым местам и деятельности религиозных кружков, поэтому он бросил академию и отправился путешествовать по Дальнему Востоку. Истоки театра он искал в Китае, Индии, Тибете, Непале, Индонезии и Новой Гвинее... Он хотел добраться туда, где театр сохранил первозданную форму ритуала. В Корее он изучал традиционные танцы, в Пекине смотрел местные оперы, в Гвинее — танцы воинов, а на Бали — трансовые танцы. На путешествия зарабатывал в Исландии на рыбо-перерабатывающем комбинате.

Он почти разминулся со своим призванием, потому что экзамены в Государственную высшую театральную школу в Кракове сдал не без приключений. Началось с внешнего вида — Яжина тогда носил длинные волосы и пришел в сандалиях на босую ногу, поэтому особой симпатии у комиссии не вызвал, кроме одного ее члена, к счастью, весьма влиятельного. Это был Кристиан Люпа, который сразу заметил талант и защищал его как лев. Благодаря Люпе Яжину приняли тогда на последнее, дополнительное — так называемое «ректорское место», и в 1993 году он начал учиться на факультете режиссуры драмы. Люпа — легенда польского театра и будущий учитель Яжины — позднее скажет: «На меня произвел впечатление его проект

адаптации и инсценировки «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Он свидетельствовал о эрудиции и воображении, мне уже давно не попадалось ничего подобного (...). Язык, которым пользовался Яжина, не был ни претенциозным, ни псевдофилософским. Яжина показался мне необычайно талантливым молодым человеком. Я был крайне удивлен, что никто не разделяет мою точку зрения»^[3].

Уже на первом курсе он выделялся оригинальностью и креативностью. Он уговорил профессоров прийти в его снятую квартиру, где в рамках занятий он поставил «Игру в классики» Кортасара. Это вдохновило других студентов, которые тоже начали искать собственное пространство. Инициативу поддержал Кристиан Люпа, под чьей опекой молодой режиссер обучался потом до получения диплома. Яжина начал с работы ассистента режиссера во время подготовки спектакля «Лунатики. Эш, или Анархия» Германа Броха в краковском Старом театре. Это был его дипломный спектакль.

Из общения с мастером Яжина вынес прежде всего очень личную модель работы с актером, которая определяет границы творческих возможностей режиссера. Он любит — так же как Люпа — ломать театральную рутину при помощи психологической актерской игры, расширяя ее одновременно элементами почерпнутыми из театральных практик Далекого Востока. Актерам в театре Яжины запрещено играть — подход к персонажу каждый раз должен быть спонтанен и продуман.

Вначале был «Бзик»

18 января 1997 года на сцене варшавского театра «Розмайтосьци» состоялась премьера «Тропического бзика». Это был решительно самый громкий дебют в истории польского современного театра. В тот же день в Варшаве свой первый спектакль — «Электру» Софокла — представил на сцене Драматического театра на шесть лет старший Кшиштоф Варликовский. Оба режиссера запустили в польском театре процесс перемен, названный позже «январским переворотом». Оба дебютировали интересными и смелыми постановками, но, несмотря на восторженные рецензии, которые получили оба спектакля, тот вечер принадлежал все же Яжине и его «Бзику».

Новоиспеченный выпускник краковской театральной школы соединил две пьесы Виткевича, черпающие из разных культур: «Новое освобождение», представляющее европейскую цивилизацию, и «Мистера Прайса», описывающего мир

тропиков. Тексты ставших уже классическими пьес в этом спектакле касаются межкультурных отношений, а действие перенесено в конец 90-х. Героями становятся сотрудники рекламных бюро и корпоративные менеджеры, которые в тропиках делают свой бизнес, но кроме того ищут экстремальных чувств и чрезвычайных переживаний, а средства, позволяющие достичь этой цели — наркотики, алкоголь и секс. Однако в конце концов всех их ждет открытие — человек, отказывающийся от собственной культуры и перешагивающий собственные границы, находит лишь пустоту. В «Тропическом бзике» Яжина использовал опыт, приобретенный во время путешествий по Индии, Тибету и Непалу.

Это была особая премьера, во время которой возникла не встречающаяся раньше в польском театре связь между актерами и зрителями, выразившаяся в непосредственных, живых реакциях зрительного зала и продолжительных овациях. Марыля Зелинская писала: «Выплеск спонтанных эмоций и энтузиазма, умиления, смеха — все это сложилось в новый, особенно в Варшаве, код взаимопонимания между сценой и зрительным залом, — непосредственность, настоящее общение, без театральных условностей и штампов»^[4]. Сразу же после премьеры раздались голоса, что спектакль стал самым важным театральным событием последних лет, феноменом и манифестом нового поколения театральных творцов. Дата премьеры «Бзика» до сегодняшнего дня считается точкой отсчета в истории новейшего польского театра. В первом спектакле Яжины критика отметила эстетику Педро Альмодовара и Квентина Тарантино, что тоже притягивало зрителя.

На афише стояло, однако, не имя Гжегожа Яжины, а таинственного Гжегожа Хорста д'Альбертса. С тех пор каждый свой спектакль режиссер подписывает другим псевдонимом. Зачем он это делает? Одна из теорий гласит, что эта практика свидетельствует о том, что Яжина каждый раз подходит к спектаклю со «свежим взглядом», что все время начинает с нуля, вновь и вновь меняя свою творческую личность. Другая утверждает, что это одна из маркетинговых техник, которых в отличие от многих своих коллег режиссер не избегает — он часто дает интервью, а его фотографии появляются в желтой прессе^[5]. Благодаря этому приему он сразу же создал вокруг себя атмосферу таинственности. Интерес театрального сообщества и СМИ вызвало также его странное поведение — во время аплодисментов режиссер бегал по сцене в маске азиатского демона и кричал на хлопающих зрителей. В самом

начале карьеры он получил статус гения и начал вести себя как селебрити. Это тоже привлекало в театр молодую публику. Но не только это.

После «Бзика»

Сразу же после дебюта Яжина поставил два важных спектакля, которые укрепили его позицию ведущего режиссера нового поколения в польском театре. Это были «Ивона, принцесса Бургундская» Витольда Гомбровича в Старом театре в Кракове (1997) и «Неидентифицированные человеческие останки и истинная природа любви» Брэда Фрейзера в Драматическом театре в Варшаве (1998). «Ивона...» в постановке некого Хорста Лещука стала — так же как «Бзик» — примером оригинального воплощения сценического гротеска. Спектакль получил положительные рецензии и множество наград. Театральный критик Петр Груциньский писал: «Яжина извлек из гротеска весь смертельный мрак и ужас. (...) Он замахнулся на самое трудное, на то, к чему невозможно прикоснуться, что невозможно познать, но что есть суть всяких театральных деяний. Он прикоснулся к метафизике человеческих отношений. В этом он остался верен вознесенной Гомбровичем в своем творчестве межчеловеческой святыни»^[6]. Спустя какое-то время Яжина, а скорее некий Брокенхорст, обратился к пьесе канадского драматурга Фрейзера, которая, впрочем, не особенно пришлась ему по вкусу, что не помешало молодому режиссеру заняться неудобной и неназванной в польском театре темой, которую он увидел в «Неидентифицированных человеческих останках». Это была необычайно смелое — принимая во внимание польские реалии конца века — высказывание художника на тему современного молодого поколения, прибегающего к вульгарному языку, потерянного, стигматизированного одиночеством, наркотиками и сексом. Эта постановка подтвердила его имидж скандалиста, но рецензии по-прежнему были положительные. Яцек Серадский написал: «Чтобы рассказать о молодых людях, обитающих в подвалах большого города, об их бунте и чувстве безнадежности, некий Брокенхорст привел в действие сложную систему знаков и кодов современных субкультур, создавая динамичное убедительное представление»^[7].

Яжина с самого начала смешивает разные эстетики, жанры и темы, сочетает высокое искусство с массовым, обращается к разным пьесам, соединяя классику с современной драматургией. Поэтому сразу после реализации пьесы вызывающего споры и дискуссии Фрейзера он обращается к

отечественной классике. В 1999 году под псевдонимом Сильвия Торш он ставит спектакль «Магнетизм сердца» по пьесе Александра Фредро «Девичьи обеты». Главная цель Яжины — это поиск нового театрального языка, а эти поиски — что наглядно демонстрирует «Магнетизм сердца» — включают также новое прочтение классики. Таким образом постановка стала современной привлекательной для молодой публики сценической интерпретацией самой знаменитой польской любовной комедии. Этим спектаклем Яжина открыл новый стиль постановки классики и «моду на Фредро». Первое действие разыгрывалось в реалиях девятнадцатого века, а вот пятое — иллюстрированное музыкой британской группы «Bee Gees», играющей софт-рок — рассказывало о современном мире. Как и в «Бзике» режиссер посмотрел на отечественную комедию с перспективы других культур — в эпилоге Анеля выходит на сцену в образе индийской танцовщицы, пляшущей под аккомпанемент польской народной песни. Яцек Серадский после премьеры написал: «И я там был, и слышал полные энтузиазма крики, вырывающиеся из молодых (в основном) уст, и восторг, и топот, и овации. Я знаю — это будет хит. Дети сойдут с ума от счастья, услышав в последних современных партиях спектакля близкие себе звуки и ритмы; они выбегут на улицу, скандируя слова Гжегожа Яжины из интервью, опубликованного в журнале «Политика»: Фредро — это просто улет!»^[8]. Таким образом Яжина нашел подход к вкусам молодой публики. Однако — не принимая близко к сердцу этот успех — в дальнейшем он перестал ставить польскую драматургию, обращаясь исключительно к зарубежной литературе.

Эра «Розмайтосьци»

В 1998 году, спустя неполный год после дебюта, Яжина становится художественным руководителем театра «Розмайтосьци» (в 2003 переименованном в «ТР Варшава») и остается им — несмотря на многочисленные конфликты с финансовым директором и городскими властями — до сего дня. Театр под его руководством быстро получил статус важнейшей площадки молодого поколения. Директор сам говорил, что хочет привлечь в театр публику, которая предпочитает кино, рок-концерты и модные клубы. Он хотел, чтобы театр стал для них местом не просто привлекательным, чтобы он стал альтернативным местом проведения свободного времени. В театре на улице Маршалковской затрагивались смелые и трудные темы (к примеру, педофилия, инцест,

гомосексуализм), табу ломались на каждом шагу — в спектаклях появлялись сцены сексуальных оргий и экспериментов с наркотиками. Молодая публика быстро почувствовала, что это ее театр. Режиссер «подкупил» ее также музыкой, которая была неотделимой частью каждого спектакля — именно она будит эмоции, иллюстрирует события. Яжина не боялся использовать музыку, присутствующую в молодежной культуре, например, трансовые звуки или песни немецкой металл-группы «Рамштайн».

Яжина решил пригласить к сотрудничеству Кшиштофа Варликовского, с которым они соперничали с момента их памятных одновременных дебютов в 1997 году. Это смелое решение директора «Розмайтосьци» обеспечило театру динамическое развитие. Два ученика Кристиана Люпы долгие годы работали в одном театре, мобилизируя друг друга и создавая великолепный актерский коллектив, в который входили, среди прочих, Станислава Целинская, Цезарий Косиньский, Яцек Понедзялек, и Магдалена Целецкая. С самого начала ставка делалась на выдающихся сотрудников — музыку к спектаклям писал композитор с собственным узнаваемым стилем Павел Микетин, а сценографию делала Малгожата Щенсяк. Они задали ритм и направление развития театральной жизни страны и прославили польский театр за границей. Под управлением Яжины театр вывозил свои спектакли на все важнейшие международные фестивали (в частности, в Авиньон, Эдинбург и на Фестиваль искусств в Вене) и много гастролировал (Одеон в Париже, «Склад св. Анны» в Нью-Йорке, Центр Мейерхольда в Москве).

Новаторство этого театра заключалось в том, что в центр внимания там действительно был поставлен зритель. Яжина говорил: «Дело не в художественном воплощении, а в тех крохах контакта, которые мы, артисты, выпрашиваем у этих ста или двухсот анонимных человек. Мы готовы на все, чтобы до них добраться, чтобы почувствовать во время спектакля плывущую со зрительного зала энергию. Я люблю сидеть среди зрителей. И чувствовать общие эмоции и свою свободу»^[9].

Каждая премьера собирала толпы — театр быстро стал символом хорошо проведенного времени. Настоящее соперничество между режиссерами началось, когда они по очереди начали ставить скандальные и полные жестокости пьесы Сары Кейн. Варликовский в 2001 году поставил «Чистых», спустя год Яжина показал «Психоз 4.48». Однако по прошествии трех сезонов дороги режиссеров начали расходиться —

усилились разногласия, касающиеся характера и стиля работы «Розмаитосьци», разлом коснулся также актерского состава. Варликовский, получив место директора в Новом театре, забрал с собой часть труппы. Сегодня директора-режиссеры работают в отдельных авторских стилях, но оба по-прежнему находятся среди лидеров театрального процесса, как в Польше, так и за ее границами.

Театральный критик Петр Грущиньский в журнале «Диалог» назвал группу режиссеров, к которой принадлежали Яжина и Варликовский, поколением «помоложе и поталантливей»^[10] (обыграв введенное Ежи Коенингом понятие «молодые, талантливые» для предыдущего поколения польских режиссеров). В эту группу он включил режиссеров, творческий путь которых начался после 1989 года, и хотя у них не было общей программы, они обновляли польский театр, вводя на сцены западную драматургию, ограничивая национальную тематику, черпая с массовой культуры, отвечая на вкусы и запросы молодой публики, пользуясь ее языком. Кроме наших героев в эту группу критик включил также Анну Августинович, Петра Цепляка и Збигнева Бжозу. Позднее, в книге «Отцеубийцы», Грущиньский подчеркивал, что отцом-основателем этой формации был Кристиан Люпа — учитель как Гжегожа Яжины, так и Кшиштофа Варликовского.

Территория Яжины

Еще во времена сотрудничества с Варликовским Яжина решил «омолодить» не только публику театра «Розмаитосьци», но и актерский состав, а также сам театр. В сезоне 2003/2004 он начал проект «Территория Варшава», отсылающий к модели немецких театров. Годовая экспериментальная программа включала в себя приостановку деятельности репертуарного театра (что было директору на руку в связи с запланированной модернизацией сцены) и привлечение к деятельности «ТР Варшава» — именно тогда театр сменил название — молодых драматургов, актеров и режиссеров, часто дебютантов. Вместо больших спектаклей, показываемых на престижных заграничных фестивалях — успех на которых уже был связан с образом театра — появилось одиннадцать быстрых спектаклей, реализованных в разных нетеатральных местах. Театр должен был слиться с пространством Варшавы, вызвать в ней некое творческое брожение. Парадоксально, но происходило все это на базе исключительно зарубежной драматургии. «Баш» Нила ЛаБута был поставлен в заброшенной печатной мастерской,

«Рискни всем» Джорджа Ф. Уолкера на Центральном вокзале, «Сны» Вырыпаева в клубе «Ле Мадам», а «Зима» Фоссе — в офисном центре на ул. Маршалковской. Благодаря проекту «Территория» шанс на существование получили такие режиссеры из поколения Яжины, как Анна Августиниович и Лукаш Кос, а также молодые, ведущие сегодня актеры — Агнешка Подсядлик, Магдалена Поплавская, Рома Гонсеровская, Петр Гловацкий. На странице театра можно прочесть: «Художественный и организационный опыт проекта «Территория Варшава» показал таящиеся в нас огромные запасы творческой инициативы и предприимчивости, умение довести все до конца в самые сжатые сроки... Можно сказать, что люди, имеющие за плечами опыт ТР и выездного сезона, не знают слов «не получится»... Хотя, возможно, это касается работы в ТР вообще. Наличие некой эластичности, готовности к жертвам во имя театрального дела, чувства ответственности за театр — и все это относится не только к создателям спектаклей, но и ко всей труппе»^[11].

Слово «проект», модное в среде молодых варшавских корпоративных служащих, явно пришлось Яжине, пытающемуся пробиться также к этому зрителю, по вкусу. В сезоне 2005/2006 он начал очередной, на этот раз посвященный польской драматургии проект, и назвал его ТР/ПЛ. В рамках этого проекта были поставлены вызывающие дискуссии пьесы либерального и левого толка, такие как «Хелена С.» Моники Повалиш, поднимающая лесбийскую тему пьеса «Что бы не произошло, я тебя люблю» Пшемислава Войцешека или показывающая семейные патологии «Сфера военных действий» Михала Байера. Театр начал превращаться в центр искусства по образу и подобию берлинских домов культуры — рядом со спектаклями (которые, впрочем, все чаще игрались за границей) в нем проходили кинопоказы, концерты, читки современной драматургии или дебаты, посвященные острым политическим и общественным вопросам.

Яжина и кино

С 1998 года Гжегож Яжина как бессменный руководитель одного из важнейших польских театров^[12] формирует репертуар, но кроме того все это время сам ставит спектакли, экспериментирует, с переменным успехом ищет новый театральный язык. О «Докторе Фаустусе» (1999) по роману Томаса Манна, поставленном в Польском театре во Вроцлаве, Томаш Мостицкий написал, что это «сценическая безделка», в

которой режиссер беспардонно уничтожил структуру оригинала^[13]. «Князь Мышкин» (2000) по мотивам «Идиота» Достоевского, поставленный в театре «Розмайтосьци» неким Николаем Варьяновым, — это, как утверждает Яцек Вакар, «спектакль ни о чем», представление, из которого «испарилась вся философская составляющая романа Достоевского»^[14]. Потом пришла очередь «Торжества» Томаса Винтерберга и Могенса Рукова. Этот спектакль, по мнению Яцека Серадского, грешил «плоскими образами главных героев, неубедительностью конфликтов, поверхностным взглядом на тему. И еще кое-чем — явным диссонансом между тональностью пьесы и инсценировкой»^[15]. После тепло принятого дебюта на Яжину вдруг обрушилась лавина критики. По мнению Петра Грущиньского, это произошло «поскольку молодой режиссер быстро стал человеком институцией, хотя не потерял свой статус «мальчика для битья», на которого охотно изливают фрустрацию все выбитые из театрального седла»^[16].

12 Яжина с 1998 года является бессменным художественным руководителем театра «Розмайтосьци», а в период с 2005 по 2012 гг. был также его финансовым директором.

Яжина взялся также за Шекспира и в 2005 году поставил спектакль «Макбет», действие которого перенес на Ближний Восток. Воспользовавшись идеями, проверенными в проекте «Территория Варшава», он показал его в заброшенном производственном цеху машиностроительного завода им. Варыньского. Марыля Зелиньская писала: «Склонность к тавтологическому усилению действий актеров при помощи звуков и образов, проявлявшаяся у Яжины и раньше, здесь была доведена до карикатуры. Образность заглушила слова, свела содержание трагедии Шекспира к плоскому антивоенному плакату»^[17]. Несмотря на критику в театральной среде, зритель, как обычно, валил на спектакль толпами. Была создана также телевизионная версия этого представления, имевшего в сущности кинематографический характер — действие разыгрывалось в огромном пространстве на нескольких планах.

Язык, свойственный скорее кинематографу, чем театру — характерная черта многих спектаклей директора «ТР Варшава». Не случайно было создано также несколько телевизионных адаптаций его постановок. А сам Яжина за основу своих спектаклей часто берет сценарии фильмов. «Т.Е.О.Р.Е.М.А.» и «Носферату» появились именно таким образом: первый — это адаптация произведения Пьера Паоло Пазолини, второй — театральная адаптация первого фильма ужасов в истории кино.

Очередным примером является упомянутое уже «Торжество» по мотивам одноименного фильма Томаса Витенберга. Спектакль «Другая женщина» также был реализован на основе сценария к фильму Джона Кассаветиса *Opening Night* («Премьера» в российском прокате) 1977 года. Игравшая главную роль Данута Стенка выступает на сцене в трех лицах — как героиня спектакля, как переживающая кризис среднего возраста актриса из сценария фильма и как она сама. Благодаря использованию двойной иллюзии зрители «ТР Варшава» в какой-то момент становились театральной публикой, перед которой актриса с Бродвея совершает свой *coming out*. Зрители видят ее блестящие от слез глаза, чувствуют особую близость — барьер между сценой и зрительным залом исчезает — совсем как в кино.

А вот со спектаклем «Между нами все хорошо» по пьесе Дороты Масловской все было наоборот. Фильм Яжина снял на базе получившего множество наград спектакля (2009). В интервью режиссер рассказывал: «Работая над этой конкретной пьесой я вдруг понял, что в этом случае театр меня ограничивает, что я не могу на сцене показать все то, что хотел бы. Кроме того, появляется проблема сиюминутности театра, спектакли исчезают, остаются от них только фотографии и рецензии»^[18]. Киноверсия позволила более адекватно передать темп Масловской и более точно воспроизвести словесный мир ее пьесы, расширяя ассоциативное пространство. В том же интервью режиссер рассказал, чем его всегда привлекало кино и соблазнял театр. «Я экспериментировал с формой и жанрами. Мне интересна каждая попытка балансировать на границе жанра, поскольку это расширяет язык возможного высказывания»^[19]. В его спектаклях можно найти эстетику и приемы монтажа, характерные для киноязыка (усиление освещения, затемнение, задержка кадра, проникновение планов и т.д.). Сам он признается: «Я всегда чувствовал, что границы театра надо раздвигать в разных направлениях, чтобы прийти к тому, что существенно. Кино сильнее резонирует с нашей обыденной жизнью. Зато театр — это вымышленный, искусственный мир. Мы входим в пространство из мечты, из видения. А в фильме вы можем посмотреть на мир, с которым можно идентифицироваться. Там более точные методы для того, чтобы рассказать историю»^[20].

Он экспериментировал также с музыкальными формами. Первый оперный спектакль — «*Così fan tutte*» Вольфганга Амадея Моцарта — он приготовил в 2005 году в Большом театре в Познани. Режиссер перенес действие в современный ночной клуб, и используя оперную форму, разнообразил ее разными

приемами — например, велел на минуту замолчать оркестру, чтобы пустить дискотечную песню немецкой группы «Boney M». В «ТР Варшава» он ставит «Дон Жуана» Мольера и Моцарта, в котором участвуют прежде всего драматические актеры, за границей реализует «Игрока» Сергея Прокофьева в Национальной опере Лиона, «Дитя и волшебство» Равеля, а также «*Der Zwerg*» Александра Землинского в Баварской государственной опере в Мюнхене. Во время работы над дебютной оперной постановкой был снят документальный фильм «Понять Яжину», рассказывающий о его частной жизни, увлечении оперой и театром вообще.

Экспансия Яжины

Яжина обладает уникальным умением читать пьесу и переводить ее на сцену, не слишком заботясь при этом о верности перевода. С текстом он обращается свободно. Самая важная тема для него — это человек и все, что с ним связано: поведение, мотивации, позиции и отношения. «В центре его режиссерского внимания всегда находятся межчеловеческие связи и отношения, некие странные ритуалы, видения декадентских сообществ. Место Бога у Яжины занимает тайна. А вместо реального мира он предлагает нам придуманный, привидевшийся в наркотическом трансе, сонных видениях и алкогольных галлюцинациях. Его спектакли — это чаще всего взрывная смесь из полного энтузиазма гедонизма и экстатической деструкции, они манят новыми впечатлениями и дают ощущение брэнности всего нового»^[21], — писал о творчестве Яжины Лукаш Древняк.

Невозможно подробно рассмотреть все спектакли Гжегожа Яжины^[22], которые он ставил под множеством псевдонимов. В определенный момент режиссер все же прекратил ими пользоваться. Может быть, он понял, что это уже перестало быть таким интригующим и забавным, как в начале, а его собственное имя стало маркой, которую следует использовать. Так же как маркой стал созданный им «ТР Варшава» — один из самых популярных театров в Польше на сегодня, спектакли которого по-прежнему остаются польским «экспортным товаром».

-
1. Псевдонимы Гжегожа Яжины, которыми он пользовался, выпуская очередные спектакли.
 2. I. Нус, *Pojedynek potworów*, „Wprost” 2007, nr 9 .

3. A. Krajewska, Jarzyna, „Pani” 1999, nr 11.
4. M. Zielińska, Reżyser, dyrektor, ryzykant, „Kronika Warszawy” 2007, nr 4/135.
5. Особенно часто они появлялись там во время его бурного романа с известной актрисой Магдаленой Целецкой.
6. P. Gruszczyński, Święta Iwona, „Tygodnik Powszechny” 1998, nr 3.
7. J. Sieradzki, Bażant na tacy, „Polityka”, 23.06.2001.
8. J. Sieradzki, Jesteś, waćpanna, czaderska, „Polityka” 1999, nr 13.
9. G. Jarzyna, Energia na śmietniku, rozmowę przeprowadził T. Sobolewski, „Gazeta Wyborcza” 2015, nr 60.
10. P. Gruszczyński, Młodzi zdolniejsi, „Dialog” 1998, nr 3.
11. Teren 10 lat temu, [доступ online] <http://terentr.pl/teren-10-lat-temu/>.
12. Яжина с 1998 года является бессменным художественным руководителем театра «Розмайтосьци», а в период с 2005 по 2012 гг. был также его финансовым директором.
13. T. Mościcki, Samouczek antyreżyserii wg Mościckiego, „Dziennik” 2006, nr 55.
14. J. Wakar, Nie czas na arcydzieła, „Życie” 2000, nr 120.
15. J. Sieradzki, Bażant na tacy, op.cit.
16. P. Gruszczyński, Ceremonie, „Notatnik teatralny” 2002, nr 24-25.
17. M. Zielińska, Reżyser, dyrektor, ryzykant, op.cit.
18. G. Jarzyna, Pociąga mnie kino i uwodzi teatr, „Kino” 2015, nr 1.
19. Там же.
20. G. Jarzyna, Energia na śmietniku, op.cit.
21. Ł. Drewniak, Ojciec dyrektor, „Przekrój” 2006, nr 38.
22. Несмотря на то, что за все это время он поставил не так уж много спектаклей — чуть больше тридцати.

Ксения Старосельская в воспоминаниях учеников

Подготовила Анастасия Векшина

Полина Козеренко

лингвист, переводчик, редактор портала www.culture.pl

Переводческий семинар Ксении Яковлевны Старосельской «Трансатлантик» в этом году отмечает свое совершеннолетие. Первые встречи молодых переводчиков состоялись в 2000 году. Как и у каждого подростка, нрав у «Трансатлантика» порой капризный. Бывали в его биографии бури и затишья, оживленные споры (легендарный «Виленский вокзал»!), смелые идеи, успехи и... не то чтобы провалы, но моменты, требующие определенной доработки (попытка регулярно вести семинарский блокнот). За годы существования семинара появилось даже нечто похожее на «семинарский идиолект», особые словечки типа «здрапки» (из названия рассказа Ежи Сосновского) и «кавалерийской вечеринки» (пол. *wieczór kawalerski*, 'мальчишник') — плоды дискуссий или забавных оплошностей. Наши встречи никогда не были похожи на вялотекущие монотонные заседания с оглашаемыми по регламенту высоколобыми докладами под чутким руководством всезнающего председателя. Как говорила сама Ксения Яковлевна, она «сразу бросила нас в глубокую воду», предложив решать реальные переводческие головоломки в настоящих текстах. Это был обмен мнениями и опытом, мозговой штурм, в результате которого рождалось именно то нужное слово. Казалось, благоприятствовало само здание — семинары проходили в особняке, который занимала (увы, уже в прошедшем времени) редакция журнала «Иностранная литература» на Пятницкой улице в Москве. Поэтому атмосфера царила творческая и непринужденная, вопросы и сомнения разрешались за чашкой чая, а по праздникам и за бокалом кое-чего покрепче. Список семинарских публикаций внушителен: это сборники рассказов Корнеля Филиповича («День накануне» и «Тени»), Юзефа Хена («Дымка»), Ольги Токарчук («Игра на разных барабанах») и Ежи Сосновского («Ночной маршрут»), эссе Станислава Лема и авторский том прозы Тадеуша Ружевица («Грех»), хулиганские «Польские трупы» и увлекательные «Курортные романы», «На бесчеловечной

земле» Юзефа Чапского и несколько неопубликованных, но бурно обсуждавшихся книг (например, сборник фэнтези о драконах и «Тринадцать сказок из Королевства Лайлонии» Лешека Колаковского). Однако самое, как мне кажется, главное — это возможность быть вместе, пусть даже виртуально (сейчас наши обсуждения все чаще ведутся в группе в Фейсбуке), и вместе делать это увлекательное и трудное дело: переводить польскую литературу.

Елена Барзова и Гаянэ Мурадян

переводчики, редакторы, работают в соавторстве

Ксения Яковлевна называла нас в шутку Ильфом и Петровым, говоря: «Эти «девочки» переводят в соавторстве». Она всех семинарских называла «мои девочки». Независимо от возраста. «Мальчики» появились позже...

Когда в жизни встречается очень важный для тебя человек, это порой осознаешь не сразу. Но тут случилось иначе: после первого же общения с Ксенией Яковлевной мы обе мгновенно поняли, насколько нам повезло, что удалось с ней познакомиться!

Ксения Яковлевна часто упоминала и в выступлениях, и в частных беседах, что коммерческие издательства весьма неохотно, мягко говоря, берут польскую литературу (что и понятно: некоммерческая, не тиражная). И она не жалела сил и времени, чтобы «пристроить» хорошие польские книги. А мы тогда работали в АСТ и тоже очень хотели издавать поляков, потому что любили Польшу, любили польский язык, звучание польской речи, но в современной польской литературе практически не разбирались. И вот в сентябре 2000 года мы сумели убедить начальство, что англоязычную литературу надо бы чем-то разбавить, почему бы не польской? Ведь несколько лет назад нам удалось выпустить Сапковского, а он неожиданно для всех пошел огромными тиражами, и руководство издательства сочло, что польские авторы в коммерческом плане не столь уже провальны.

Но теперь речь шла не о фэнтези, а о серьезной литературе для новой серии «Мастера. Современная проза». Только что вышел 8-й, польский, номер «ИЛ», составленный Ксенией Яковлевной. Там было два ее перевода: рассказ Ольги Токарчук про горничную и «Безвозвратно утраченная леворукость» Пильха. Мы тогда еще не были с ней знакомы, но решились

позвонить. Представились, объяснили ситуацию и попросили проконсультировать по польской литературе, поговорить о современных авторах, в частности — об Ольге Токарчук. Нет ли у Токарчук какой-нибудь новой книги, которую Ксения Яковлевна хотела бы перевести? И может быть, еще Хвина — буквально неделю назад мы долго листали в Гданьском книжном его новый роман, «Эстер», и не могли оторваться...

Ксения Яковлевна почти сразу же согласилась приехать в издательство. Наша безмерная любовь к польской литературе в сочетании с почти полным невежеством, похоже, ее позабавила. Поговорив с полчаса за чашкой кофе и обсудив гигантские планы на будущее, Ксения Яковлевна с очень серьезным видом спросила, а почему мы обратились именно к ней, ведь есть так много прекрасных польских переводчиков. На что мы абсолютно честно ответили, что прочитали от корки до корки весь польский номер, и ее переводы — самые лучшие. «Чем же они вам так понравились?» — спросила Ксения Яковлевна с искренним любопытством. Ну что на это ответишь? Когда не нравится, все очень просто, а когда нравится... Мы задумались, помолчали, а потом одна из нас тоном опытного редактора сказала: «Вы не боитесь длинных фраз». Повисла пауза. Вторая, поясняя, добавила: «Многие переводчики, когда у автора длинные фразы, не справляются и разбивают на несколько. А Вы — нет». «У Вас там предложения на абзац, а читаются так легко, что даже незаметно», — заключила первая. Да, наверное, мы Ксению Яковлевну очень повеселили.

Мы еще немного поговорили, допили кофе, и уже перед самым уходом Ксения Яковлевна вдруг спросила, нет ли у нас самих польских переводов. Лучше, если опубликованных. Сейчас при Польском культурном центре начинает работать семинар молодых переводчиков, ей предложили его вести, но там конкурс, и нужен хотя бы один перевод. «Если есть, давайте, я посмотрю. Конкурс большой, ничего не обещаю, но вдруг получится?» И — как удачно! — у нас как раз только что вышел самый первый перевод: рассказик Сапковского «Музыканты» в сборнике польской фэнтези... А через несколько месяцев Ксения Яковлевна позвала нас на первый семинар.

Так всё и начиналось, и так мы стали «ее девочками». Сейчас даже трудно себе представить, что в жизни могло не быть всего того, что с этим связано. Ксения Яковлевна стала для нас Мастером и Учителем — и в средневековом понимании этих слов, и фэнтезийном, как добрый волшебник. А ее «девочки» и «мальчики» — уже многие годы друзья и коллеги.

Первый семинар. В фойе ПКЦ — там, где сейчас визовый центр, — собрались те, что прошли конкурс. Никто друг с дружкой не знаком, все стоят, неловко улыбаясь, и немного нервничают. И вот появляется улыбающаяся Ксения Яковлевна, поздравляет нас всех. Отводит в аудиторию. Рассказывает, как возникла идея семинара, представляет каждого участника, а потом говорит, что мы не будем заниматься теорией — сразу начнем с перевода. Для начала сделаем все вместе один рассказик, а потом в течение года подготовим сборник. И стала рассказывать о Филиповиче. И случилось чудо: исчезли стены аудитории, обшарпанные столы, доска, серый пейзаж за окном... Мы все оказались вдруг вместе с ней в Кракове, в гостях у Филиповича и Шимборской. Менялись времена, места, лица — война, Польша, снова Польша — семидесятые, опять Москва... Чудо повторялось на каждом семинаре. Ксения Яковлевна рассказывала нам о книгах, писателях, о поездках и встречах в Польше — и снова всё вокруг исчезало, и мы были там, вместе с ней. Всё это запечатлевалось в памяти так ярко, что уже трудно было отличить её воспоминания от своих собственных. Это была магия. Потрясающий, невероятный дар. Сколько же Ксения Яковлевна сумела передать нам из рук в руки!

...Уже через месяц, на втором занятии, когда каждый по очереди читал перевод одного и того же абзаца, и все смеялись неизбежным дурацким ляпам друг друга, мы больше не чувствовали себя случайным сборищем отдельных «девочек». Сами того не заметив, мы стали СЕМИНАРОМ. Прошло столько лет — страшно сказать! Из того, первого состава, осталось четыре человека. Но — удивительное дело — каждый раз, когда на семинар приходили новые люди, Ксения Яковлевна настолько тепло их принимала, что «новички» мгновенно становились «своими», и очень скоро начинало казаться, что они были здесь всегда. И те, кто по каким-то причинам не мог больше ходить на семинар, тоже навсегда остались «своими».

...А у нас в издательстве после того, первого разговора, в серии «МСП» буквально в течение года вышли два перевода Ксении Яковлевны: «Ханеман» Стефана Хвина (пожалуй, до сих пор моя самая любимая книга в её переводе), и чуть позже — «Путь людей Книги» Ольги Токарчук. Потом было еще много польских книг, были наши семинарские сборники, и снова Токарчук, «Дом дневной, дом ночной» — уже в переводе «девочки» с семинара Ольги Катречко, и много-много всего, что никогда не вышло бы, не будь Ксении Яковлевны...

Спасибо, что она была.

Мадина Алексеева

**переводчик, филолог, научный сотрудник Института
славяноведения РАН**

Наше знакомство с Ксенией Яковлевной Старосельской началось с довольно забавного случая.

В 2004 году я напросилась на переводческий семинар, который она вела: незадолго до этого мне в руки попала книга Рышарда Капуцинского «Черное дерево», и я решила, что ее непременно нужно «открыть» русскоязычному читателю. Оказалось, что Капуцинского «открыли» давно и без моей помощи, но на семинаре я все же осталась, за что не устаю благодарить судьбу.

На первом моем семинаре Ксения Яковлевна раздавала участникам фельетоны польского журналиста Кравчика (которые так и не были опубликованы). Несколько фельетонов досталось и мне. Один из них начинался с обширной цитаты из «Хаджи-Мурата» Толстого. Я перевела текст и отправила его Ксении Яковлевне. Ответ пришел через несколько дней. Открыв файл с ее правкой, я ужаснулась. Первая страница пестрела красным, исправлено было практически каждое слово. Казалось, на мне как на переводчике можно немедленно ставить крест. Но через мгновение выяснилось, что практически вся редакторская правка пришлась на... цитату из Толстого: Ксения Яковлевна не заметила кавычки.

Она всегда смеялась, вспоминая тот случай: «Как я вам тогда лихо Толстого выправила, а?» Рассказывала, как удивлялась мне: с виду неглупая девушка, а так неуклюже изъясняется по-русски. А я смеялась над тем, как собиралась открыть ей «неизвестного талантливому автора».

Мы вообще много смеялись. И на семинарах в редакции «Иностранной литературы», и при личных встречах у Ксении Яковлевны дома. Рядом с ней было радостно и легко, говорить с ней, учиться у нее, слушать ее было счастьем, и в моей памяти она навсегда останется смеющейся.

Денис Вирен

**киновед, переводчик, ст. н. сотрудник Государственного
института искусствознания**

Знакомство с Ксенией Яковлевной в 2010 году — один из важнейших моментов в моей жизни. Участникам переводческого семинара — и это, пожалуй, самое главное — она дарила веру в свои силы. А взамен, прекрасно понимая все жизненные обстоятельства и никогда не оказывая давления, ожидала огромной требовательности к переводам.

Работа над текстами, будь то рассказ выдающегося стилиста Корнеля Филиповича или репортаж без претензий на высокую художественность, представляла собой долгий и безумно увлекательный процесс «перебрасывания» друг другу очередных вариантов. Как редактор Ксения Яковлевна была абсолютной перфекционисткой, строгой, но в то же время всегда готовой выслушать иную точку зрения и нередко оставить решение за автором. Переводить «для Ксении Яковлевны», зная, что она будет читать и править текст, было, с одной стороны, несколько боязно, с другой — спокойно, поскольку распутывать литературные хитросплетения и разгадывать авторские загадки она умела как никто другой.

Будучи переводчиком с гигантским опытом, а кроме того, человеком начитанным, эрудированным (и как-то по-детски любознательным, искренне интересующимся и увлекающимся, открытым ко всему новому), Ксения Яковлевна порой позволяла себе относиться к исходному тексту со значительной долей свободы, призывая и нас не воспринимать оригинал как святыню. Дискуссии о «границах дозволенного» в переводе были на семинаре, быть может, самыми жаркими и возобновлялись при работе над каждым новым произведением. Оказалось, не быть буквалистом — одна из сложнейших переводческих задач. Теперь на эту тему будет не с кем так поспорить...

К.Я. Старосельская — из тех людей, которых никогда и никем уже не заменить. Такую профессиональную и человеческую активность, такое удивительное жизнелюбие я редко встречаю у своих ровесников. В последнее время она постоянно сетовала на то, что не получается работать в том темпе и с той же интенсивностью, как когда-то... и выпускала по книге в год. А какие книги!

По-прежнему не верится, что теперь ее у нас нет. Но несмотря на это, нужно все равно переводить так, будто она прочитает, переводить «для Ксении Яковлевны».

Георгий Мороз

лингвист, старший преподаватель НИУ ВШЭ

Мы познакомились с Ксенией Яковлевной на мастер-классе для студентов. Она вскользь упомянула о переводческом семинаре, так что я подошел после занятия и нырнул в кроличью нору. Оказалось, что на этот же семинар ходила моя преподавательница польского языка Ольга Леонидовна Катречко (к сожалению, ныне покойная), которая на наших занятиях так же тешила нас головоломками с семинара. Мы все, конечно, считали Ксению Яковлевну нашим руководителем, однако, она, как мне кажется, старалась сохранить дорогой для нее формат дружеских встреч, где каждый помогал другому. На первом же семинаре я познакомился с тем, как перевод превращается в детективное расследование: нужно разузнать то, нужно разузнать это, а у этого вообще нет русского аналога... И тут Ксения Яковлевна говорит кому-то: «Так Вы напишите автору». Это предложение меня тогда страшно удивило, и тут оказалось, что в этом нет ничего зазорного. Повезло, что удалось организовать встречу моих студентов с Ксенией Яковлевной. Она смогла к нам прийти, и вот мы погрузились в ее доброжелательную улыбку и короткие замечания, которыми Ксения Яковлевна приправила рассказ, который мы в тот день обсуждали. А теперь все вот так... Надеюсь, я смогу передать другим то, чему научился у Ксении Яковлевны. Остается искать Ксению Яковлевну в ее переводах, где сквозь немножечко чужие предложения прорываются ее слова. Я-то знаю, как долго она подбирала и играла с ними.

Ольга Чехова

переводчик, редактор, журналист

Домик на Пятницкой замечает снег. Когда-то мне нравилось замедлять здесь шаг поздним вечером, смотреть на светящееся окно, пытаюсь разглядеть силуэт вахтера. Мы приходили на семинар в «Иностранку», набивались в крошечную комнату. Пили пряный чай, который Ксения Яковлевна привозила из Израиля, жевали сладости, курили и с азартом спорили о какой-нибудь не поддающейся переводу фразе. В комнате висела легкая дымка, то тут, то там из-за груд книг вдруг доносилась чья-нибудь реплика, разоблачая до сих пор невидимого участника дискуссии. Летом по стене дома напротив неторопливо ползла длинная тень, в открытое окно врывались отголоски воробьиных склок. И был во всем этом уют из прочитанной в детстве прозы «про старую Москву». В

каком-то смысле сам переводческий семинар стал для нас домом, выстроенным внутри редакционного особняка — прочным и надежным. Куда приходили не только с текстами: Ксении Яковлевне можно рассказать все, поделиться тем, о чем с другими промолчишь. Я работала в газете. К первому сентября мне нужно было записать воспоминания об учителях актеров, режиссеров, писателей. Одной из первых позвонила Ксении Яковлевне. Застала ее врасплох, но на мою просьбу она откликнулась. Ответа не помню, и газета не сохранилась. Но когда утром я ехала в метро и читала перед планеркой свежий номер, женщина, сидевшая рядом со мной, поинтересовалась, что за публикация и, показав на текст Ксении Яковлевны, сказала, что у нее поднялось настроение — так много в нем тепла и любви. Выходя, я оставила ей газету: видно было, что для нее это важно. И сейчас, вспоминая ее улыбку, думаю о том, что любовь и тепло чувствовал абсолютно каждый, кто встречался с Ксенией Яковлевной — даже вот так, «виртуально». Сегодня, проходя мимо домика на Пятницкой, я знаю, что над входом в него здоровенными буквами написано «Салон красоты». Что двор забит машинами. Что внутри на специальном стеллаже больше не лежит конверт с рукописью, на котором ровным почерком Ксении Яковлевны написана фамилия автора. Я стараюсь смотреть не на стиснутый многоэтажками особняк, а под ноги. Стараюсь перешагивать через все линии, трещинки и тени — ведь, если не наступить ни на одну, все будет хорошо. Но примета не сбывается.

Анастасия Векшина

**поэт, филолог, переводчик, эксперт по вопросам литературы
Польского культурного центра в Москве**

Увы, я не могу причислить себя к «семинаристам» — попасть на семинар Ксении Яковлевны мне удалось только раз. К тому времени, как я начала думать о том, чтобы переводить с польского, я уже не жила в Москве. Но приезжала, и с Ксенией Яковлевной мы познакомились в РГГУ, где она выступала по какому-то случаю, и разговорились по дороге от университета к метро. Потом я прислала ей свои первые попытки перевода — это были фрагменты из случайно купленной тоненькой книжки Ханны Кралль «Даниэль — это ты» (я, конечно, ничего тогда не знала ни о ней, ни о том, что Ксения Яковлевна ее много переводит). И когда я думаю о Ксении Яковлевне, то вспоминаю, как мы куда-то идем — по темным улицам в центре Москвы, от Дома литераторов, мимо белых в темноте боярских палат, мимо памятника Блоку, и она рассказывает,

как раньше жила в самом центре и как ей непривычно было переехать на Профсоюзную. Она быстро и весело ходит, в свои «за семьдесят» даст фору кому угодно. По Петровке к Кузнецкому мосту из музея ГУЛАГА (да, она из года в год принимала участие в акции «Возвращение имен» у Соловецкого камня), и она спрашивает, что это я скручиваю, и рассказывает, как бросила курить, когда узнала о смерти Виславы Шимборской — выкурила последнюю и бросила. Так я узнала, что они дружили. Наконец, идем от Французского института после презентации книги Адама Водницкого в ее переводе, где она так замечательно читала, по Воронцову полю вниз, и кто-то предлагает взять такси. «Да вы что? — почти возмущается Ксения Яковлевна, — что тут идти!» И мы спускаемся к Китай-городу и заходим в подвал-забегаловку: Ксения Яковлевна, внучка и правнук Корнеля Филиповича, которые как раз приехали к ней в гости, Абель Мурсия, поэт, переводчик с польского и директор Института Сервантеса, я и Юра Цветков (поэт, сотрудник Культурной инициативы, он нас туда и привел). В баре все «советское», мы заказываем то ли селедку, то ли кильку (форма подачи — в банке) и настойки — свекольную, сельдереевую... Поляки разглядывают экзотику, все смеются, шутят, такое чувство, что знакомы давно... когда обе (очень понравившиеся Ксении Яковлевне) настойки заканчиваются, то она, так и быть, соглашается на мандариновую. Выпивает, наклоняется ко мне и доверительно сообщает: какая гадость! И хохочет. Вот такая Ксения Яковлевна была в 80 лет. В малиновом плаще с золотыми пуговицами («нравится? Отдам тебе, но сначала сама еще поношу»), на каблучках. Со светящимися глазами, лучезарной улыбкой. Это в сентябре, а в октябре она заболевает каким-то гриппом, но несмотря на это... едет в Лондон с подругами. Правда, подруги плоховато ходят, хотя они моложе ее, а она еще не совсем оправилась после болезни, но билеты куплены, а она никогда в Лондоне не была... «и не надо подбивать меня поехать еще и в Эдинбург, ты же знаешь, как я поддаюсь на такие авантюры»!

Авантюры, например, были еще такого рода: приехал Петр Митцнер, а она перепутала день его выступления. И что-то дернуло меня позвонить ей буквально минут за 40 до начала вечера и удостовериться, что она будет. Ой! Забыла! Но, может быть, еще успеет... Начинается вечер в «Даче на Покровке». Спустя минут 15–20 после начала входит Ксения Яковлевна: она миглом собралась, вышла, доехала, пешком прошла в горку от метро и садится в первом ряду. Она потом с удовольствием поддерживала шутки на тему своей «молниеносности». А как-то раз я пригласила ее на какой-то вечер, уже не помню, какой, и она оживленно со всеми общалась, а после сказала: «Спасибо,

дорогая Настя, мероприятие совершенно бессмысленное, но вина мы выпили славно». В общем, Ксения Яковлевна не только очень много работала, переводила, редактировала, писала, даже на отдыхе, в отпуске, но и любила «тусоваться». Любила людей, любила новые знакомства, радовалась новым событиям, именам. Кажется, ее знали все и все любили. Она создавала вокруг себя атмосферу праздника. Была очень ответственной — и при этом азартной, загоралась идеями и людьми. Знала себе цену — и при этом никогда не смотрела свысока, ни о ком не говорила плохо, искренне радовалась комплименту или похвале какой-нибудь своей переводческой находки. По-польски это называется «klasa». Как это по-русски? Высота? Уровень? Благородство? Дорогая Ксения Яковлевна, где бы Вы ни были — надеюсь, у Вас там есть и вино, и хорошая компания.

И еще — было бы здорово назвать в честь нее самолет Москва-Варшава.

Полномочный и сердечный посол польской литературы

Фильм «Памяти Ксении Старосельской», которым 31 января 2017 года открылся посвященный ей вечер в Музее Манггха в Кракове, я уже знала. Десятиминутное слайд-шоу сделал Олег Дорман, друг скончавшейся двумя месяцами ранее выдающейся переводчицы. Близкие знакомые сразу же смогли увидеть его в Интернете. На большом экране меня еще больше поразило то, что я заметила в первый раз. Почти на всех фотографиях, и детских, юношеских, и более поздних Ксения улыбается или смеется. Только на некоторых снимках она задумчива, серьезна, но не печальна. И это они кажутся постановочными, а те, с улыбкой — живыми, случайно подсмотренными кадрами.

«Самый большой долг у нашей литературы, как и у любой другой, — перед теми, кто переводит ее на другие языки. Переводчики зачастую посвящают этой работе больше времени и усилий, чем сами авторы», — сказал открывавший встречу поэт Бронислав Май и напомнил, что Старосельская перевела важнейшие произведения современной польской прозы.

Первым о Ксении рассказывал сын писателя Корнеля Филиповича, Аль, знавший ее дольше всех из присутствовавших. Они встретились в Ялте в 1967 году. Ксения к тому моменту уже знала польский (она дебютировала в 1963 году на страницах «Недели» переводом рассказа Анджея Шипульского) и от Союза советских литераторов была прикреплена Корнелю Филиповичу, приехавшему в СССР вместе с сыном. «Ей велели за нами присматривать, ведь поляки — народ ненадежный, — шутил Аль Филипович. — Но присмотр заключался в том, что мы встречались в парке и она читала нам Солженицына». Знакомство быстро переросло в дружбу, чему способствовали поездки Филиповича в СССР, а затем в Россию, а Старосельской — в Польшу. Аль Филипович рассказывал одну историю за другой. Например, о том, как Ксюша — он всегда называл ее только так — подарила ему пачку папирос «Казбек», предупредив, что открывать ее нельзя, а то произойдет нечто ужасное. Дело было незадолго до событий марта 1968 года... В другой раз, на экскурсии в Гурзуфе, отойдя от столика в ресторане, где они сидели, Корнель

Филипович случайно услышал, как милиционер докладывает кому-то по телефону, что, мол, «это не шпионы, это дураки» — явно имея в виду их. Все эти истории позволили собравшимся почувствовать, каким теплым и удивительным человеком была Ксения Старосельская и вспомнить эпоху. Аль также напомнил, что важным моментом в творческой биографии Ксении стало интервью с Виславой Шимборской и Корнелем Филиповичем, опубликованное в 1973 г. на страницах «Иностранной литературы». Позже она не только сама переводила рассказы этого писателя, но и вместе с начинающими переводчиками, для которых вела семинар, подготовила и издала книгу («День накануне», Москва, 2003). А также — добавим сразу — спустя много лет стала одним из столпов редакции журнала, занимаясь там американской и польской литературой.

В заключение Аль Филипович позвал к микрофону своего внука, чтобы тот объяснил, как получилось, что и он, третье поколение Филиповичей, подружился с Ксенией Старосельской. «Дедушка любит говорить долго», — с шутливым упреком заметил молодой человек и в нескольких фразах подтвердил, что эта дружба передавалась по наследству. Когда Тадек был еще ребенком, Ксюша показывала ему русские буквы. Общение переросло в прочную семейную связь. Они вместе ездили по Польше и в другие места. «Она умела найти общий язык с каждым, без каких-либо возрастных ограничений, ее можно было считать приемной бабушкой, разговаривать обо всем, она была необыкновенная», — взволнованно говорил Филипович-младший. «Никто не сомневается, что Филиповичи — Ксюшина семья,», — подвел итог Богдан Тоша, инициатор этой встречи, ее участник и — время от времени — ведущий. Он заметил, что меня с Алем Филиповичем объединяет то, что мы — дети писателей, и знакомство и дружбу с Ксаной унаследовали от отцов.

Так оно и есть, но следует добавить, что сперва она унаследовала дружбу с моим отцом от своих тети и дяди. В свое время Ксения рассказывала мне об этом в интервью: «Тете и дяде я обязана своими первыми польскими дружбами, и в первую очередь, Наташа, дружбой с твоими родителями. В 67-м я приехала на месяц в Польшу. Это было уже после смерти тети, и дядя дал мне письма к некоторым, самым близким их друзьям. А они очень дружили с твоими родителями. И первый дом, в который я пришла в Варшаве, был ваш дом. Меня там встретили так тепло, окружили такой любовью, что Янка и Виктор Ворошильские уже навсегда вошли в мою жизнь, и поэтому тебя я считаю просто своей родственницей» («Думать над каждым

словом» // «Новая Польша», 11/2008). Вышеупомянутая тетя — переводчица Юлия Мирская. Ей и маме Старосельская обязана знанием польского, с тетей она совершенствовала переводческое ремесло. «Первые, пожалуй, десять лет я каждый свой перевод приносила и читала вслух сначала моей тете, а потом, после ее смерти, ее мужу Александру Мацкину, который не знал польского языка (он был театровед), но был блестящим стилистом. И если тетя, человек очень сдержанный и тактичный, просто что-то мне объясняла, поправляла и наставляла на верный путь, то с дядей у нас происходили бурные стычки: иной раз мы кричали друг на друга до хрипоты, и я с чем-то нагло не соглашалась. Но он меня и вымуштровал, он научил меня думать над каждым словом, что я прежде делала не всегда...» (Там же). Но что касается начала нашего знакомства, должна признаться, что той первой поездки Ксении в Польшу я не помню. Я была тогда маленькой девочкой. Но спустя несколько лет, в какой-то из ее следующих приездов мы вместе пошли смотреть фильм, который сегодня называют культовым — «Рейс» Марека Пивовского. Я гордилась, что эта красивая и умная дама идет со мной в кино. Это было начало нашей дружбы, связанной также с тем, что я изучала русистику, начала ездить в СССР, а затем в Россию, также немного переводила, а в 1992–1996 гг. жила в Москве, будучи заместителем директора Польского культурного центра. Потом мы встречались в разных местах: в Москве, Варшаве, Кракове, Лодзи, Войновице.

Затем слово взяли Александра и Анджей Господаровичи, ученые-экономисты из Вроцлава, открыв другую сторону биографии Ксении Старосельской. По образованию она была химиком и даже проработала несколько лет в этой области. Ее страстью была литература, но переводила она и научные работы, так и завязалось знакомство с Господаровичами. Александра, младший научный сотрудник, поехала в Институт при СЭВ. Оказалось, что предусмотрены выступления с докладами, а дама-профессор, которую она сопровождала, не знает русского языка — нужен переводчик. Через знакомых вышли на Ксению. Анджей Господарович познакомился со Старосельской немного позже, в 1986 г., на конференции в Москве. Ксения сразу пригласила его домой. «Когда я вышел от Ксении и Вилена (мужа), мне казалось, что я знаю их сто лет», — вспоминал он. Помимо занятий научной работой Анджей Господарович также занимал руководящие должности (в частности, был ректором Экономического университета во Вроцлаве). Это Ксения предложила ему установить связи с московскими учебными заведениями. Удалось подписать три договора с престижными московскими вузами. По инициативе

Ксении были налажены и связи с Казанским университетом. Господаровичи вспоминали и другие встречи. Например, в Кракове, на вручении премии «Трансатлантик», где я тоже присутствовала и слышала упомянутые Александрой несколько шуточные и очень верные слова Адама Поморского, председателя польского ПЕН-клуба о том, что переводы Старосельской лучше оригинала. В последний раз они видели ее в Войновице под Вроцлавом, где в 2016 г. Ксения и Вилен провели месяц в живописном Замке на воде, в рамках переводческой стипендии.

Богдан Тоша, режиссер, вспоминал, что несколько лет назад писал для журнала «Зешиты литерацке» текст «Моя Россия» и значительная его часть оказалась связана с Ксенией Старосельской, ведь это она посвящала его в Россию. Тоша назвал ее своим «ключом к России». А началось все в 1983 году, в Польше еще не было отменено военное положение. Богдану предложили поездку в Москву и Ленинград. Он поехал, вооружившись одним-единственным — Ксаниным — адресом, полученным от друга и учителя, художника Станислава Родзиньского. Она показала ему все, что в то время стоило увидеть в Москве. Прогулки по городу, музеи, люди. Ксения была знакома с самыми интересными представителями русской интеллигенции и своими знакомствами щедро делилась. Среди них были: еще не издававшийся тогда в СССР поэт Геннадий Айги, театровед и режиссер-документалист Григорий Файман, знаток русского балета Вадим Гаевский, художник-супрематист Эдуард Штейнберг. И Александр Мацкин, один из самых выдающихся русских театроведов, последний участник репетиций Всеволода Мейерхольда. «Мы ходили в театр. Я посмотрел все, что можно, у Эфроса, в театре на Таганке. Тридцать четыре спектакля за месяц», — вспоминал это необыкновенное время Тоша. Потом наступили годы дружбы и множества встреч. Один из них — приезд Ксении в Лодзь, на фестиваль «Лодзь четырех культур» в 2010 году (Тоша был тогда его директором). Старосельской устроили там королевский прием. В Лодзи родилась мама Ксении. В архиве она впервые увидела семейные документы. Была очень тронута.

Так что, возможно, неслучайно именно в Лодзинском университете пишется диссертация о Ксении Старосельской, о чем мы узнали на вечере.

Писателей, которых она переводила, «ее» авторов представлял Адам Водницкий. Как сказал Богдан Тоша — Водницкий знал Ксению не так долго, как другие, но смело ворвался в ее

биографию и останется в ней как автор последней переведенной Ксенией книги. Трудно сказать, так ли это, поскольку последним изданным переводом является «Портрет с пулей в челюсти и другие истории» Ханны Кралль, однако Водницкий безусловно — последний автор, с которым Старосельская установила близкие отношения. Этому и был посвящен его рассказ. Их знакомство продолжалось всего четыре года, но дружба была необыкновенно интенсивной. Они много переписывались, сначала речь шла о технических проблемах перевода. По мере того, как они ближе узнавали друг друга, письма становились все более личными — Водницкий отдавал себе отчет в том, с каким теплым и умным человеком его свела судьба. «Общение писателя с переводчиком — всегда очень интимное, глубокое. Тем более, что Ксения была переводчиком необыкновенным, на редкость пытливым. Она хотела знать не то, что написано, а почему это написано именно так, а не иначе. И это говорило о ее высочайшем уровне как переводчика», — говорил Водницкий. Сама Старосельская, о чем вспоминал Богуслав Май, считала, что перевод — это не профессия, это дар. Этот дар она передавала дальше. Воспитала группу переводчиков. Ксения была полномочным и сердечным послом польской литературы — так выразился Май. А делиться всем — знаниями, умением, людьми, нажитым — было ей свойственно от природы. Я вспоминаю, как, получив премию «Трансатлантик», Ксения решила поддержать финансово свою редакцию, а также осыпала подарками своих многочисленных друзей в Польше и России, меня в том числе. Когда я пошутила, что до Москвы ей мало что удастся довести, она ответила: «Но это же так приятно, думаю — это просто составная часть премии».

В наших рассказах было немало схожих сюжетов, но каждый вносил что-то свое, потому что участвовать в вечере пригласили разных людей, которые имели счастье при разных обстоятельствах и в разные моменты ближе узнать Ксению Старосельскую. Среди нас оказались писатели, ученые, режиссеры, дети друзей. Среди публики также были люди, которые могли бы добавить свои воспоминания. Нас объединяло то, что сформулировал Богдан Тоша, обратившись к присутствовавшему в зале Генеральному консулу Российской Федерации в Кракове Александру Минину: «Гражданка вашей страны была нашим другом».

Выписки из культурной периодики

Все началось с одного предложения, вписанного в формулировку, дополняющую закон об Институте национальной памяти: «Кто публично и вопреки фактам приписывает польскому народу или государству ответственность за совершенные Германским Третьим Рейхом нацистские преступления или иные преступления, являющиеся преступлением против мира, человечества или военными преступлениями, или соучастие в этих преступлениях или иным образом существенно снижает ответственность действительных исполнителей этих преступлений, подлежит наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет».

Признаюсь, что даже от переписывания этого изумительного языкового конструкта у филолога может зайти ум за разум: шестикратное использование в одном предложении одного и того же союза «или» заставляет усомниться в лингвистических талантах его создателя. Каждому известно: ничто так не затемняет смысл, как неряшливость языка, но данная норма имеет дополнительную уловку — предполагает санкции за высказанные публично суждения. А это наводит на подозрения, что законодатель через черный ход протащил в публичную дискуссию цензуру. И хотя авторы этого текста убеждали, что их интересовала только лишь борьба против лживых утверждений, однако само содержание диспозиции законоположения создает возможность использования нормы для иных целей и устранения нежелательных интерпретаций исторических событий. Решение о том, какая картина истории может быть истолкована как подлежащая санкциям, будет принимать суд.

На изменение в законе среагировали официальные инстанции Израиля и США, указывая, что это может затруднить исторические исследования, особенно касающиеся часто драматических — таких как истребление польскими соседями еврейского населения в Едвабне — польско-еврейских отношений во время Второй мировой войны, что, в свою очередь, спровоцировало некоторых правых журналистов на выступления антисемитского характера. Слово взял

председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский, который предостерег от подобных практик, а премьер Матеуш Моравецкий даже двукратно подчеркнул, что Польша — это единственная страна на свете, в честь которой институт Яд Вашем должен высадить дерево на аллее Праведников среди народов мира, поскольку в Польше в период Холокоста смертная казнь грозила не только тому, кто спасал евреев, но и всей его семье.

На страницах «Политики» (№ 6/2018) по этому поводу высказался проф. Збигнев Миколейко в большом интервью под заголовком «В шелковых перчатках»^[1]: «Данным положением предусматривается, что, коль скоро речь идет о поляках, мы не имеем дела с *действительными* преступниками или соучастниками преступления. То есть даже если они и ответственны, то не ответственны. Классическая иллюстрация такого мышления — Едвабне: нам пытаются внушить, что сожжение евреев в амбаре произошло под немецким давлением и принуждением. Да, есть сведения о присутствии нацистов, но не о принуждении (...) Дело в том, что сквозь щели страшной войны во многих — в том числе, казалось бы, в самых нормальных и приличных — людях просачивается на поверхность подлость. Немцы устанавливали, извините за выражение, рамки модальности, — позволяющие некоторых людей убивать. Не столько отдавали приказ, сколько давали разрешение. Однако ничего не объясняет того, что всё происходило в таком карнавале преступлений. Второе, беспокоящее в формулировке закона, определение — это *соучастие*. Как это понимать? На полиэтническом, поликультурном востоке великие идеологии ставили людей, живших до этого друг с другом в каком-никаком согласии и уважении. Поляки убивали литовцев, литовцы поляков, с украинцами тоже не все ладилось, а где-то там на горизонте всегда были евреи, воспринимавшиеся как потенциальные жертвы или, по крайней мере, как проблема. (...) Доносили на евреев и на тех, кого считали евреями, но также и на поляков: мол, кто-то прячет радио, гонит самогон и т.д. Людей выдавали на смерть или обрекали на концентрационный лагерь, убивали. За людьми следили. По поручению немцев или без поручения. За килограмм сахара, а иногда просто для удовольствия насильничать или убивать. (...) Нельзя сохранить достоинство, отказавшись от правды, пускай трагической и болезненной. В Польше мы не видели морального раскаяния. А это значит, что вместо истинного достоинства возникает лжедостоинство, которое жаждет утвердиться вопреки фактам. И не позволяет извлечь даже одного кирпичика, потому что понимает, что даже минимальное вмешательство может разрушить все это

фальшивое сооружение, этот сомнительный храм». И далее, напоминая о протесте против преследования евреев, с которым выступила во время войны, в 1942 году, писательница Зофья Коссак-Щуцкая, проф. Миколейко говорит: «Коссак-Щуцкая, будучи основательницей Фронта возрождения Польши, имея антисемитские взгляды, несла также в сердце истинную веру. Но мы в Польше имеем дело не с христианами, а с теми, кто исповедует христианство, хотя на практике, в духовности, в морали очень от него в своем решающем большинстве далеки. Истинно верующий человек знал бы, что может воспользоваться инструментами, позволяющими, несмотря на вину, сохранить достоинство, то есть благородство и даже святость, благодаря раскаянию. (...) Христианство допускает, что в человеке есть зло, он поражен грехом и виной, но одновременно в нем может появиться понимание собственной вины, он может сказать об этом ясно и открыто — и изменить способ бытия. (...) Поляки, впрочем, как многие другие народы Восточной и Центральной Европы, имеют исторический опыт подчинения, ощущения, что они хуже других. Так что чувство собственного достоинства, важности, величия, непобедимости — все это должно было проявиться, поскольку носит компенсаторный характер. Если, к примеру, англичане сейчас спокойно говорят о своих преступлениях с имперских времен, то с той же интонацией они говорят и о своих триумфах. (...) Послевоенное советское доминирование не позволило нам свести счеты не только с историей, но даже человеку с самим собой. Мы остались со своими грехами и винами, со своим злом».

Еще в одном интервью в том же издании, озаглавленном «Страх перед правдой», американский историк Тимоти Снайдер также обращается к новому законоположению, которое, по мнению законодателя, имело целью защитить достоинство польского народа от обвинений в нацистских преступлениях: «Извините, но я не поляк, и я не понимаю или не принимаю этого смешения — национальная ответственность и поступки отдельных лиц. Если я слышу, что польское государство должно защитить весь народ от дурной славы, тогда как никто иной таким образом на эти вопросы не смотрит, то у польского государства проблема. (...) Дело в том, что в условиях чрезвычайной ситуации, какой был Холокост, некоторые поляки вели себя очень достойно, другие — очень плохо, а остальным было безразлично. Но ведь это не значит, что они поступали так от имени или с позволения польского народа».

Но не все, как и должно быть при демократии, реагируют так же. Интересную параинтеллектуальную конструкцию создал поэт Войцех Венцель, не так давно награжденный президентом Анджеем Дудой медалью за заслуги в развитии польского языка. Для журнала «В Сети» (№6/2018) Венцель в фельетоне «Польша в тени Хагады» соорудил нарратив защитника праведного народа от еврейского нарратива: «Следует осознавать, что наши старшие братья по вере воспринимают историю специфически. Главные события в своей истории окружают мифом и литературно перерабатывают. Так возникает Хагада — конституирующее общность повествование, в котором исторические нюансы не имеют особого значения. Смысл этого нарратива после Холокоста сводится к констатации: мы народ жертв, а вину за нашу травму несут все другие народы. Немцы — или, скорее, нацисты — лишь запустили машину Уничтожения, которую построили проникнутые антисемитизмом общества Европы. Чтобы повесть была цельной и надлежащим образом действовала на воображение, в ней может присутствовать упоминание об отдельных праведниках, но о праведных народах — уж увольте». Как известно, в чем и Венцель, конечно, доподлинно убежден, существует, как минимум, один праведный народ — польский. Это, впрочем, выразил в упомянутом выше обращении в Яд Вашем премьер Моравецкий. Но Венцель растолковывает г-ну премьеру: «Я, однако, уверен, что скорее у меня на ладони вырастет кактус, чем дерево для Польши в Яд Вашем. А потому, что такое дерево разрушило бы цельность еврейского повествования». Можно бы добавить: известно ведь, что поляки — это коллективное воплощение Христа Народов. И тихонько шепнуть: и известно, что Христа сгубили евреи.

Тем временем, кажется, что-то расцветает справа от ПИС. На страницах еженедельника «До Жечи» (№ 6/2018) в пространном интервью, озаглавленном «Пошел процесс создания польского Йоббика», депутат Роберт Винницкий, председатель Национального движения, рассказывает о том, чем отличается его партия от ПИС, во флирте с которым его обвиняли: «Генезис такого нарратива восходит к 2004–2005 годам. Партия „Право и справедливость“ начала переманивать правый электорат, переняв у правых часть лозунгов, но не реализовывая их. Нас реально различает многое: от видения зарубежной политики, отношения к Кресам, соответствующих действий в законодательной области — до трактовки роли религиозных ценностей в публичном пространстве. ПИС за Евросоюз, а мы против. Есть много сфер, в которых мы фундаментально отличаемся друг от друга».

Одним из камней преткновения стал запрет демонстрации возле посольства Израиля по вопросу протеста еврейских общин против новаций в законе об Институте национальной памяти: «Даже если это была попытка борьбы с политическим конкурентом, решение министра в действительности обнажило стыдливо скрываемую правду о слабости польских правоохранителей и государства. Ведь если бы они не были слабыми, то не испугались бы этой манифестации. Во-вторых, это шаг, вызванный паническим страхом и решительно слишком робкой позиции по отношению к Израилю. Давайте вспомним, что в последние десятилетия у нас было много ситуаций, в которых различные общественные силы — в том числе наши — проводили манифестации и возле посольств, в том числе израильского, и перед представительством Европейской комиссии в Варшаве». Подчиняться чужакам, даже если это американцы, Винницкий не согласен и вынашивает планы расширения своего политического движения по образцу венгерской партии Йоббик, более правой, чем сам Орбан: «Я думаю, что такой процесс уже пошел. Потрясение, обусловленное крахом геополитики ПИС и слабостью правительства, переполняет чашу горечи. Многие люди, завлеченные Качинским, сегодня глубоко разочарованы также и перестройкой правительства, позицией премьера Моравецкого, движением к центризму. Наша рекрутинговая машина — а речь идет о молодых и перспективных людях — работает сегодня в полную мощь». И как я понимаю, главный редактор «До Жечи» Павел Лисицкий гарантированно обеспечит этим молодым и перспективным людям место для публикации их взглядов.

Кто там шагает левой? Правой, правой, правой...

-
1. Отсылка к названию Едвабне: шелк по-польски jedwab, печально известное Едвабне по-русски называлось бы Шелковым — примеч. пер.

Двести два

В октябре 2017 вышел двухсотый номер «Новой Польши». Мы не отмечали этот юбилей, потому что праздновать его без умершего в декабре 2016 года основателя журнала Ежи Помяновского казалось как-то неуместно.

Журнал выходит с сентября 1999 года прежде всего благодаря нашим авторам — писателям, журналистам, переводчикам и графикам. Мы решили назвать их всех поименно, включая классиков, произведения которых мы перепечатывали, и героев интервью, опубликованных на страницах «Новой Польши».

Мы помним о тех авторах и переводчиках, которых уже нет среди нас. И хотим поблагодарить живых. И сказать им, что надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Вот список имен наших авторов с первого номера по двести второй. Здесь также имена тех, кто печатался в специальных — украинских, грузинских и польских — выпусках нашего журнала, а также авторов и переводчиков книг, вышедших в серии «Библиотека Новой Польши».

Magdalena Abakanowicz
Władimir Abarinow
Gular Abdułlabekowa
Jarosław Abramow
Mieczysław Abramowicz
Ola Abramowicz
Bella Achmadulina
Anna Achmatowa
Diłorom Achmedżanowa
Piotr Adamowicz
Monika Adamowska
Natalia Adaszyńska
Irina Adelgejm
Michaił Afanasjew
Giennadij Ajgi
Bożena Aksamit
Piotr Aleksandrowicz
Ludmiła Aleksiejewa
Magda Aleksiejewa
Andriej Amalrik
Jelena Amidżabili
Irit Amiel
Janusz Anderman

Władysław Anders
Łarisa Andrijewska
Nina Andrycz
Bogumił Andrzejewski
Anne Appelbaum
Timothy Garton Ash
Natalia Astafiewa
Alosza Awdiejew
Władimir Awiłow
Erwin Axer
Jerzy Axer
Bronisław Baczko
Jerzy Baczyński
Krzysztof Kamil Baczyński
Zara Badowska
Jerzy Bahr
Magdalena Bajer
Filip Bajon
Stanisław Bajtlik
Bogusław Bakuła
Bolesław Balcerowicz
Leszek Balcerowicz
Edward Balcerzan
Stanisław Baliński
Hanna Baltyn
Nabi Bałajew
Olga Bałła-Gertman
Jakub Banasiak
Marcin Baran
Małgorzata Baranowska
Władimir Baranowski
Stanisław Barańczak
Natalia de Barbaro
Natalia Barbier
Michał Bardel
Jerzy Bartmiński
Władysław Bartoszewski
Jelena Barzowa
Zbigniew Basara
Natełła Baszyndżagian
Joanna Bator
Bauer Zbigniew
Andrzej Bazylewski
metropolita Bazyli
Daniel Beauvois
Zdzisław Beksiński
Marek Belka

Paweł Bem
Edwin Bendyk
Zbigniew Benedyktowicz
Nina Berberowa
Bogumiła Berdychowska
Zygmunt Berdychowski
Stanisław Beres
Witold Beres
Andrzej Bernat
Alain Besançon
Marek Beylin
Ewa Beynar-Czczott
Andrzej Białas
Alina Białkowska-Góżyńska
Miron Białoszewski
Miłosz Biedrzycki
Anna Bielak
Katarzyna Bielas
Jan Krzysztof Bielecki
Julian Bielski
Margarita Bielkina
Igor Biełow
Krzysztof Bień
Ewa Bieńkowska
Andrzej Bieńkowski
Jacek Bierezin
Wolf Biermann
Katarzyna Bik
Anna Bikont
Siergiej Biriukow
Olga Blinkina
Władimir Blinkow
Andriej Blinuszow
Sylvia Błażejczyk-Mucha
Jan Błoński
Andrzej Bobkowski
Krystyna Bochenek
Jacek Bocheński
o. Józef Maria Bocheński
Henryka Bochniarz
Tadeusz Bodio
Łarisa Bogoraz
Wiktor Bogoraz
Teresa Bogucka
Michał Bogusławski
Zygmunt Bohusz-Szyszko
Sardana Bojakowa

Teresa Bojarska
Oleksandr Bojczenko
Szymon Bojko
Anna Bolecka
Tamara Bołdak-Janowska
Michał Bołtryk
Andrij Bondar
Aleksandr Bondariew
Wiktorija Bondariewa
Katarzyna Boni
Michał Boni
ks. Adam Boniecki
Wojciech Bonowicz
Jan Bończa-Szabłowski
Jerzy W. Borejsza
Jacek Borkowicz
Małgorzata Borowska
Andrzej Borowski
Tadeusz Borowski
Bohdan Borusewicz
Jurij Borysenko
Walerij Bosenko
Tadeusz Boy-Żeleński
Kazimierz Brakoniecki
Marian Brandys
Piotr Bratkowski
Stefan Bratkowski
Walentyna Brio
Władimir Britaniszski
Jonathan W. Brittman
Josif Brodski
Alina Brodzka-Wald
Zdzisław Broncel
Władysław Broniewski
Maciej Broński (Wojciech Skalmowski)
Anna Brus
Jan Brzechwa
Andrzej Brzeziecki
Maria Brzostowiecka
Stanisław Brzozowski
Leonard Buchow
Krzysztof Buchowski
Olgierd Budrewicz
Natalia Budzan
Marek Budzyński
Nikołaj Bugaj
Leszek Bugajski

Zbigniew Bujak
Siemion Bukczyn
Monika Bułaj
Igor Bułatowski
Martyna Bunda
Piotr Buras
Nanuli Burduli
Krzysztof Burnetko
Andrei Burowski
Andrzej Bursa
Artur Burszta
Jerzy Buzek
Alicja Bykowska-Salczyńska
Wiesław Caban
Marcin Cecko
Paulina Cedro
Max Cegielski
Paulina Celnik
Arkadiusz Chabiera
Magdalena Chabiera
Andrzej Chadanowicz
Tomasz Chachulski
François Chapeville
Selim Chazbijewicz
Marek Chądzyński
Aleksiej Chetagurow
Andrzej Chłopecki
Tatiana Chłynina
Witold Chmielewski
Emilia Chmielowa
abp Miron Chodakowski
Michał Chojecki
Mirosław Chojecki
Zbigniew Chojnowski
Marcin Chomicki
Wiktor Choriew
Daria Choroszyłowa
Wanda Chotomska
Iza Chruślińska
Ola Chrzanowska
Mariusz Chudy
Andrzej Chwalba
Stefan Chwin
Bogdan Cichomski
Piotr Cieleś
Barbara Cieszewska
Joanna Cieśla

Anna Cieślak-Wróblewska
Włodzimierz Cimoszewicz
Lidia Ciołkoszowa
Olga Ciwkacz
Arkadij Curkow
Stanisław Cygnarowski
Michał Cyrankiewicz
Bohdan Cywiński
Waldemar Czachur
Barbara Czajkowska
ks. Michał Czajkowski
Jurij Czajnikow
Janusz Czapiński
Józef Czapski
Konstanty Czawaga
Andrzej Czcibor-Piotrowski
Jerzy Czech
Olga Czechowa
Józef Czechowicz
Tomasz Czechowicz
Małgorzata Czekał
Leonid Czerewicznik
Piotr Czeromuszkina
Aleksandr Czerkasow
Zdzisław Czermański
Krystyna Czerni
Teresa Czerniewicz-Umer
Ewa Czerwiakowska
Jewgienij Czigrin
Marian Czuchnowski
Wojciech Czuchnowski
Anita Czupryn
Małgorzata Czyńska
Krzysztof Czyżewski
Jarosław Ćwiek-Karpowicz
Juliusz Ćwieluch
Dariusz Ćwiklak
Krzysztof Ćwikliński
Danuta Danek
Maria Danilewicz-Zielińska
Jerzy Danilewicz
Władimir Daniluk
Jan Darowski
Roman Daszczyński
Norman Davies
Olga Dawidenko
Aleksiej Dawtanian

Eugenia Dąbkowska
Krystyna Dąbrowska
Maria Dąbrowska
Adam Dąbrowski
Marek Dąbrowski
Piotr Dąbrowski
Tadeusz Dąbrowski
Jacek Dehnel
Przemysław Deles
Bogusław Deptuła
Olga Derko
Klaudyna Desperat
Olga Deszko
Sławomir Dębski
Tomasz Diatłowicki
Leszek Długosz
Zbigniew Dmitroca
Andrzej Dobosz
Magdalena Dobranowska-Wittels
Witalij Dobrusin
Lija Dołżanska
Jerzy Domagała
Zbigniew Domaszewicz
Artur Domosławski
Wiktor Domuchowski
o. Tomasz Dostatni
Krzysztof Dowigajło
Andrzej Drawicz
Beata Drewnowska
Tadeusz Drewnowski
Krzysztof Droba
Jarosław Drużycki
Andrzej Dryszel
Maciej Drzewiecki
Janusz Drzewucki
Tatiana Drzycimska
Boris Dubin
Tatiana Dubinina
Magdalena Dubrowska
Halyna Dubyk
Andrzej Duda
Wojciech Duda-Gracz
Wiktoria Dunajewa
Michał Duszczyk
Wanda Dybalska
Jolanta Dylewska
Anna Dymna

Timofej Dziadko
Jan Dziadul
Marian Kamil Dziewanowski
Grzegorz Dzik
abp Stanisław Dziwisz
Irina Dzućowa
Beata Dżon
Marek Edelman
Stasys Eidrigėvičius
Natan Ejdelman
Jan Ekier
Dawid Engerman
Asar Eppel
Ludwik Erhardt
Wiktor Erlich
Ewa Ewart
Barbara Fabiańska
Magdalena Fabijańczyk
Michał Fajbusiewicz
Lech Falandysz
Karolina Famulska-Ciesielska
Aleksandra Fandrejewska
Barbara Fatyga
Agnieszka Fedorczyk
Jacek Fedorowicz
Jerzy Fedorowicz
Jerzy Felczyński
Tomasz Fiałkowski
Jerzy Ficowski
Piotr Gidlewski
Gieorgij Fiedotow
Orlando Figers
Paweł Figurski
Jan M. Fijor
Magdalena Fikus
Stanisław Filipczak
Kornel Filipowicz
Natalia Fiłatowa
Dmitrij Fiłosofow
Zbigniew Florczak
Ida Fink
Borys Firsow
Aleksander Fiut
Lazar Fleishman
Ludwik Flaszen
Stanisław Flejterski
Zbigniew Florczak

Michał Florysiak
Lejb Fogelman
Darek Foks
Dorota Folga-Januszevska
Anna Frajlich
Władysław Frasyniuk
Piotr Frączak
Andrzej Friszke
Sylwia Frołow
Władimir Fromer
Andrzej Furier
Damian Furmańczyk
Kazimierz Furmańczyk
Borys Gabe
Witold Gadomski
Mikołaj Gajba
Tadeusz Gajcy
Magdalena Gajl
Janusz Gajos
Kira Gałczyńska
Konstanty Ildefons Gałczyński
Bogdan Gancarz
Jakow Gardin
Katarzyna K. Gardzina
Krzysztof Gąsiorowski
Anatolij Gieleskuł
Jewsiej Gendel
Bronisław Geremek
Hanna Geremek
Rafał Geremek
Anna German
Ester Gessen
Mikołaj Getka-Kenig
Piotr Gidlewski
Jerzy Giedroyc
Wojciech Giełżyński
Krzysztof Gierałtowski
Katarzyna Gierczak-Grupińska
Ariadna Gierek-Łapińska
Franciszek Gil
Zuzanna Ginczanka
Siergiej Gindin
Arina Ginzburg
Renata Gluza
Zbigniew Gluza
Nikołaj Gładkich
Jacek Głazewski

Henryk Głębocki
Janusz Głowacki
Przemysław Głowacki
Michał Głowiński
Siergiej Głuszkow
Konrad Godlewski
John Godson
Ferdynand Goetel
Aleksandr Gogun
Bracia Golcowie (Golec Uorkiestra)
Magdalena Gołaczyńska
Bartosz Gołąbek
Marcin Gołębiowski
Nikołaj Gołowkin
Witold Gombrowicz
Leon (Lew) Gomolicki
Juliusz Wiktor Gomulicki
Jan Gondowicz
Natalia Gorbaniewska
Jarosław Gorbaniewski
Siergiej Gorbatenko
Renata Gorczyńska
Jakow Gordin
Nina Gorłanowa
Krzysztof Gozdowski
Grzegorz Górny
Jerzy Górzański
Agata Grabau
Stanisław Grabowski
Maria Graczyk
Weronika Gradus
Hieronim Grala
Roman Gren
Zuzanna Grębecka
Krzysztof Grigajtis
Piotr Grigorenko
Władimir Grinin
Anna Griszyńska
Piotr Grochmalski
Stanisław Grochowiak
Magdalena Grochowska
Joanna Gromek-Ilg
Jerzy Grotowski
Jerzy Gruza
Henryk Grynberg
Magdalena Grzebałkowska
Longina Grzegórska

Krzysztof Grzegorzówka
Remigiusz Grzela
Adam Grzeszczak
Marian Grześczak
Ingrid Grzymała-Siedlecka
Aleksandr Gurjanow
Czyngiz Gusiejnow
Adam Gusowski
Roman Gutek
Arkadij Gutnikow
Jacek Gutorow
Maria Gutowska
Małgorzata Gutowska-Adamczyk
Artur Guzicki
Łarisa Gwozd
Anna Gwozdowska
Ida Haendel
Jerzy Harasymowicz
Julia Hartwig
o. Aleksander Hauke-Ligowski
Zygmunt Haupt
Maria Hawranek
Leonid Heller
Michał Heller
ks. Michał Heller
Józef Hen
Józefa Hennelowa
Zbigniew Herbert
Tomasz Herbich
Gustaw Herling-Grudziński
Paweł Hertz
Jan Himilsbach
Oleg Hirny
Ola Hnatiuk
Zbigniew Hockuba
Tomasz Hodana
Jerzy Hoffman
Kazimierz Hoffman
Iwona Hofman
Agnieszka Holland
Urszula Hollanek
Gustaw Holoubek
Ryszard Holzer
Zbigniew Hołdys
Roman Honet
Wilm Hozenfeld
Paweł Huelle

Jacek Hugo-Bader
Szota Iataszwili
Jerzy Illg
Marian Ilnicki
Irina Iłowajska
Jacek Iskra
Nikołaj Iwanow
Maria Iwanowa
Natalia Iwanowa
Inga Iwasiów
Jarosław Iwaszkiewicz
Maria Iwaszkiewicz
Adam Izdebski
Zbigniew Izdebski
Paweł Jabłonski
Aleksander Jackowski
Marcin Jackowski
Władimir Jadow
ks. Jarosław Jagiełło
Michał Jagiełło
Anatolij Jakobson
Natalia Jakowenko
Aleksandr Jakowlew
Natalia Jakubowa
Genowefa Jakubowska-Fijałkowska
Czesław Janczarski
Maria Janion
Bartosz Janiszewski
Anna Janko
Janusz Jankowiak
Agata Jankowska
Maciej Jankowski
Stanisław Jankowski
Zbigniew Jankowski
Sokrat Janowicz
Katarzyna Janowska
Elżbieta Janus
Aleksander Janyszew
Dorota Jarecka
Jerzy Jarocki
Robert Jarocki
Łukasz Jarosz
Katarzyna Jaroszyńska
Wojciech Jaruzelski
Anita Jarzyna
Paweł Jasienica
Łukasz Jasina

Mieczysław Jastrun
Tomasz Jastrun
Jerzy Jastrzębowski
Karolina Jastrzębska
Monika Jastrzębska
Anna Jaworska
Dariusz Jaworski
Kazimierz Andrzej Jaworski
Krzysztof Jaworski
Wiktor Jaźniewicz
Jerzy Jedlicki
Georgij Jefremow
Konstanty A. Jeleński
Andrzej Jermonski
Wiktor Jerofiejew
Jewgenij Jefimow
Aleksandr Jesienin-Wolpin
Dymitr Jewtuszenko
Miłada Jędrysik
Agnieszka Jędrzejczak
Swietłana Jędrzejewska
Jerzy Jochimek
Wieniamin Jofe
Grzegorz Józefczuk
Cezary Józefiak
Henryk Józewski
Irina Jureńska
Aleksander Jurewicz
Henrietta Justinska
Wiktor Juszczenko
Jacek Kaczmarek
Aleksander Kaczorowski
Jarosław Kaczyński
Lech Kaczyński
Władimir Kadenko
Włodzimierz Kalicki
Anna Kalinowska
Agata Kalińska
Agnieszka Kalińska
Wojciech Kaliszewski
Dariusz Kałan
Anna Kałuża
Anna Kamieńska
Dina Kaminska
Gabriel Leonard Kamiński
Janusz Kamiński
Łukasz Kamiński

Ryszard Kamiński
Koji Kamoji
Jurij Kanczukow
Anastazja Kandudina
Aleksander Kanewski
Jerzy Kaniewicz
ks. Leon Kantorski
Jakub Kapiszewski
Janusz Kapusta
Ryszard Kapuściński
Robert Karabin
Aleksander Karaczan
Krzysztof Karasek
Marek Karp
Ewelina Karpacz-Oboładze
Marek Karpiński
Wojciech Karpiński
Tymoteusz Karpowicz
Zbigniew Karpus
Jan Karski
Karol Karski
Andrzej Kasperek
Jacek Kasprzycki
Wojciech Kass
Bożena Kastory-Grzędzielska
Alicja Katarzyńska
Olga Katreczko
Janina Katz
Ludmiła Kazakowa
Marcin Kącki
Marek Keller
Jan Krzysztof Kelus
Basil Kerski
Dorota Kędzierzawska
Marcin Kęszycki
Konstantin Kiedrow
Jacek Kiełpiński
Piotr Kieraciński
Leon Kieres
Marianna Kijanowska
Rusudan Kikaleiszwili
Renata Kim
Hanna Kirchner
Stefan Kisielewski
Irina Kisieliowa
Aleksander Kisłowski
Tomasz Kizny

Wiesława Klata
Agnieszka Klawinowska
Marek Klecel
Igor Klech
Jerzy Kleer
Michał Kleiber
Jarosław Klejnocki
Aleksandra Klich
Tadeusz Klimowicz
Adelina Kloch
Agnieszka Kloch
Zbigniew Kloch
Roman Kluska
Agata Kłocińska
Ewa Kłoczowska
ks. Jan Andrzej Kłoczowski
Jerzy Kłoczowski
Paulina Kmieć
Rafał Kmita
Włodzimierz Knap
Justyna Kobus
Jan Kochanowski
Lech Koczywąg
Krzysztof Koehler
Jonasz Kofta
Timur Kogan
Gulzauchar Kokebajewa
Agnieszka Kołakowska
Tamara Kołakowska
Leszek Kołakowski
Grzegorz Kołodko
Dorota Koman
Michał Komar
Jan Komasa
Małgorzata Komorowska
Andrzej Konczałowski
Jarosława Koniewa
Irina Kononenko
Maria Konopka-Wichrowska
Tadeusz Konwicky
Ewa Kopacz
Krzysztof Kopczyński
Lew Kopielew
Krzysztof Kopka
Beata Kopyt
Andrzej Koraszewski
Janusz Korczak

Jerzy Korczak
Mirosława Korczyńska-Piasecka
Wiesława Kordaczuk
Marcin Kornak
Tadeusz Kornaś
Jakub Kornhauser
Julian Kornhauser
Leonid Kornilow
Władimir Kornilow
Galina Kornilowa
Era Korobowa
Marcin Korolec
Aleksiej Korolkow
Dariusz Kortko
Janusz Korwin-Mikke
Łukasz Korycki
Bohdan Korzeniewski
Emilia (Emma) Korzeniowska
Olga Korzeniowska
Robert Korzeniowski
Radosław Korzycki
Rafał Koschany
Tatiana Kosinowa
Agnieszka Kosińska
Bohdana Kostiuł
Anatolij Kostricki
Leszek Kostrzewski
Krzysztof Kościeszka
Wiesław Kot
Joanna Kotowicz
Jan Kott
Marina Kurganska
Paweł Kowal
Andrzej Stanisław Kowalczyk
Joanna Kowalczyk
Aleksandr Kowalenski
Krzysztof Kowalewski
Siergiej Kowaliow
Anka Kowalska
Janusz K. Kowalski
Marcin Kowalski
Ałła Kowriżnych
Paweł Kozacki
Dorota Kozicka
Stanisław Koziej
Agaton Koziński
Hubert Koziół

Urszula Koziół
Artur Kozłowski
Krzysztof Kozłowski
Magdalena Kozmana
Wadim Kozowoj
Katarzyna Kozyra
Adam Kożuchowski
Andrzej Krajewski
Kazimierz Krajewski
Stanisław Krajewski
Hanna Krall
Jurij Krasilnikow
Wiktor Krasin
Janusz Krasiński
Zygmunt Krasiński
Katarzyna Krasoń
Robert Krasowski
Krzysztof Krauze
Marek Krawczyk
Andrzej Kremer
Barbara Krishenblatt-Gimlett
Wiktor Kriwulin
Jerzy Kronhold
Agnieszka Kropielnicka
Aleksander Kropiwnicki
Marcin Król
Marek Król
Monika Król
Zofia Król
Lech Królikowski
Andrzej Kruczinin
Siergiej Krugłow
Erwin Kruk
Hałyna Kruk
Wojciech Krukowski
Piotr Krupiński
Teresa Kruszewska
Ryszard Krynicki
Jewgienij Krynko
Sylwia Krzemianowska
Adam Krzemiński
Agnieszka Krzemińska
Jacek Krzemiński
Józef Krzyk
Waldemar Krzystek
Jan Krzywda
Henryka Krzywonos

Olga Krzyżanowska
Grzegorz Kubicki
Paweł Kubicki
Agnieszka Kubik
Katarzyna Kubisiowska
Andrzej Kublik
Sławój Kucharski
Agnieszka Kuciak
Zofia Kucówna
Wojciech Kuczok
Marina Kuczyńska
Katarzyna Kuczyńska-Koschany
Antoni Kuczyński
Waldemar Kuczyński
Zdzisław Kudelski
Wojciech Kudyba
Dzwenisława Kukuł
Witold Kula
Wiktor Kulerski
Inna Kuliszowa
Walentyna Kułagina-Jarcewa
Tomasz Kułakowski
Janina Kumaniecka
Maria Kuncewiczowa
Tomasz Kupisz
Kamil Kuran
Jan Kurczab
Krystyna Kurczab-Redlich
Marcin Kurek
Juliusz Kurkiewicz
Grażyna Kuroń
Jacek Kuroń
Magdalena Kursa
Jarosław Kurski
Sergo J. Kuruliszwili
Ewa Kuryluk
Mira Kuś
Andrzej Kuśniewicz
Siergiej Kutiejnikow
Nikita Kuzniecowa
Aleksiej Kuzniecowa
Maciej Kuźmich
Angelika Kuźniak
Roman Kuźniar
Aleksander Kwaśniewski
Tomasz Kwaśniewski
Halina Kwiatkowska

Małgorzata Kwiatkowska
Krzysztof Kwiatkowski
Tadeusz Kwiatkowski
Damian Kwiek
Gieorgij Kwirikaszwili
Barbara Labuda
Emil Laine
Krzysztof Lang
Irina Lappo
Krystyna Lars
Eligiusz Lasota
Anna Laszuk
Bogusława Latawiec
Tomasz Lazar
Andrzej de Lazari
Małgorzata Lebda
Jan Lebenstein
Jan Lechoń
Wacław Lednicki
Andrzej B. Legocki
Ryszard Legutko
Aleksandra Leinwand
Paweł Lekszycki
Stanisław Lem
ks. Wojciech Lemański
Albrecht Lempp
Radosław Leniarski
Jacek Leociak
Olena Leonenko
Witalij Leonienko
Łukasz Leonkiewicz
Dmitrij Leonow
Sergiusz Leończyk
Agnieszka Lesiak
Adam Leszczyński
Jurij Lewada
Irena Lewandowska
Janusz Lewandowski
Aleksandra Lewińska
Antoni Libera
Bogusław Liberadzki
Iwona Libucha
Jurij Lewitanski
Patrycja Ligas
Ewa Likowska
Bronisław W. Linke
Aleksandr Lipatow

Piotr Lipiński
Ewa Lipska
Jan Józef Lipski
Leo Lipski
Artur D. Liskowacki
Krzysztof Lisowski
Jerzy Litwiniuk
Walentin Litwinow
Flora Litwinowa
Andrzej Litwornia
Dmitrij Logki
Jerzy Lubach
Tadeusz Lubelski
Andrij Lubka
Bogumił Luft
Krystian Lupa
Natalia Łajszczał
Stanisław Łakomski
Ostap Łapski
Siergiej Łarin
Irena Łasztyn
Paweł Ławriniec
Marek Ławrynowicz
Wienczysław Ławrynowicz
Aleksandr Ławut
Cezary Łazarewicz
Ewa Łętowska
Józef Łobodowski
Olga Łobodzińska
Olga Łogosz
Iraklij Łomuri
Lew Łosiew
Piotr Łossowski
Jurij Łotman
Ida Łotocka-Huelle
Tomasz Łubieński
Jacek Łukasiewicz
Maciej Łukasiewicz
Oleg Łukjanczenko
Sebastian Łupak
Edward Łysiak
Tomasz Machała
Zbigniew Machej
Beata Maciejewska
Janusz Maciejewski
Łukasz Maciejewski
Józef Mackiewicz

Stanisław Cat-Mackiewicz
Artur Madaliński
Jan Madey
Katarzyna Madoń-Mitzner
Bronisław Maj
Jacek Maj
Natalia Maj
Janusz Majcherek
Janusz A. Majcherek
Wojciech Majcherek
Grzegorz Majchrzak
Marek Majewski
Michał Majewski
Tomasz Majewski
Agnieszka Majle
Marek Majle
Konrad Majszyk
Wadim Makarenko
Masza Makarowa
Adam Makowski
Tatiana Maksimowa
Tadeusz Maleszko
Jan Malicki
Maciej Malicki
Michał Malinowski
Karol Maliszewski
Mariola Małecka
Joanna Małecka-Araszkievicz
Monika Małkowska
Andrzej Mandalian
Wojciech Mann
Leonid Martynow
Włodzimierz Marciniak
Paweł Marcinkiewicz
Anatolij Marczenko
Wojciech Marczewski
Bartosz Marczuk
Ostrowski Marek
Ludmiła Mariańska
Henryk Markiewicz
Jarosław Markiewicz
Waldemar Markiewicz
Rafał Marszałek
Mauro Martini
Leonid Martynow
Stanisław Martynowski
Antoni Marylski

Myrosław Marynowycz
Krzysztof Maślak
Dorota Maślowska
Medard Maślowski
Walerij Mastierow
Piotr Maślak
Anna Mateja
Iwan Matkowski
Gabriela Matuszek
Ryszard Matuszewski
Paweł Matwiejew
Michał Matys
Piotr Matywiecki
Gajane Mauradian
Bartłomiej Mayer
Olga Maziarska
Wojciech Maziarski
Tadeusz Mazowiecki
Waldemar Mazur
Robert Mazurek
Anna Mączka
Zuzanna Mączyńska
Jacek Melchior
Ludwig Melhorn
Stefan Meller
Andrzej Mencwel
Marzena Mendza-Drozd
Dorota Mentzel
Michał Merczyński
Krzysztof Meyer
Piotr Miączyński
Bartosz Michalak
Ewa Michalewicz
Kazimierz St. Michalewicz
Urszula Michalska
Zdzisław Michalski
Piotr Michałowski
Stanisław Michałowski
Witold Michałowski
Adam Michnik
Adam Mickiewicz
Aleksandr Miedwiediew
Bogusław Miedziński
Olga Mielnikiewicz
Igor Mielnikow
Juliusz Mieroszewski
Andrzej Mietkowski

Artur Międzyrzecki
Joanna Mikiciuk
Zbigniew Mikiciuk
Marta Mikiel
Jarosław Mikołajewski
Michał Milczarek
Stanisław Milewski
Michaił Miłajew
Krystyna Miłobędzka
Czesław Miłosz
Teresa Mirga
Anna Mirkes-Radziwon
Pradeep Mitra
Marcin Mitzner
Piotr Mitzner
Zbigniew Mitzner
Sławomir Mizerski
Marta Mizuro
Andrzej Mleczek
Wiktoria Moczałowa
Łukasz Modelski
Karol Modzelewski
Edmund Mokszycki
Tomasz Molga
Nina Moliewa-Bielutina
Tamara Monko-Ejgenberg
Zofia Morawska
Piotr Mordel
Siergiej Moreino
Zbigniew Moszumański
Grzegorz Motyka
Krzysztof Mroziewicz
Sławomir Mrozek
Piotr Mucharski
Joanna Mueller
Piotr Müldner-Nieckowski
Rolf-Dieter Müller
Jarosław Murawski
Grzegorz Musiał
Łukasz Musiał
Swietłana Musijenko
Bartosz Muszyński
Zygmunt Mycielski
Wiesław Myśliwski
Miroslaw Nahacz
Piotr Naimski
Anatol Najman

Andrzej Najmrodzki
Piotr Najsztub
Żaneta Nalewajk-Turecka
Maria Narbutt
Anna Nasiłowska
Krystyna Naszkowska
Aleksander Naumow
Beata Nawrocka
Wasył Nazaruk
Igor Newerly
Łukasz Nicpan
Anatolij Niechaj
Bartłomiej Niedziński
Małgorzata Niemczyńska
Maciej Niemiec
Tomasz Niespał
George Nivat
Aleksander W. Nocuń
Małgorzata Nocuń
Cyprian Norwid
Klaudia Notter
Tomas Notter
Dariusz Nowacki
Andrzej Nowak
Maciej Nowak
Włodzimierz Nowak
Jan Nowak-Jeziorański
Agata Nowakowska
Ewa Nowakowska
Klara Nowakowska
Marek Nowakowski
Tadeusz Nowakowski
Zygmunt Nowakowski
Beata Nowicka
Jan Nowicki
Maciej Nowicki
Marek Nowicki
Wojciech Nowicki
Michał Nowikow
Paulina Nowosielska
Jerzy Nowosielski
Iga Nyc
Tadeusz Nyczek
Beata Nykiel
Beata Obertyńska
ks. Stanisław Obirek
Anton Objedkow

Lew Oborin
Irina Obuchowa
Włodzimierz Odojewski
Janusz Odrowąż-Pieniążek
Bułat Okudźawa
Władimir Okuń
Daniel Olbrychski
Zbigniew Olczak
Joanna Olczak-Ronikier
Leszek Olejnik
Bogdan Oleksiuk
Anna Olszewska-Krzysztofiak
Michał Olszewski
Witold Olszewski
Paweł Olwert
Kazimierz Opaliński
o. Stanisław Opiela
Jan Ordyński
Wojciech Orliński
Kazimierz Orłoś
Giennadij Orłow
Jurij Orłow
Oleg Orłow
Raisa Orłowa
Ernest Orłowski
Hubert Orłowski
Witold M. Orłowski
Mariusz Orski
Zyta Oryszyn
Bohdan Osadczuk
Jerzy Osiatyński
Agnieszka Osiecka
Katarzyna Osińska
Zbigniew Osiński
Paulina Osmólska
Lidia Ostałowska
Marek Ostrowski
Patrycja Otto
Jurek Owisak
Violetta Ozminkowski
Pablopavo (Paweł Sołtys)
Arkadiusz Pacholski
Andrzej Paczkowski
Teresa Pakosz
Jacek Pałkiewicz
Aleksiej Pamiatnych
Anna Pamuła

Sonia Panowa
Katarzyna Pańczyk
ks. Henryk Paprocki
Papusza (Bronisława Wajs)
Janina Paradowska
ks. Janusz St. Pasierb
Borys Pasternak
Wojciech Pastuszka
Antoni Pawlak
Beata Pawletko
Maria Pawlikowska-Jasnorzewska
Andrzej Pawluczuk
Roman Pawłowski
Dmytro Pawłyyczko
Andrij Pawłyszyn
Tadeusz Peiper
Katarzyna Pełczyńska-Nałęcz
Elżbieta Penderecka
Krzysztof Penderecki
Dominika Peplowska
Guy Perry
Alina Perth-Grabowska
Maria Peszek
Ela Petruk
Aleksandra Pezda
Miroslaw Pęczak
Waldemar Piasecki
Monika Piątkowska-Talko
Aleksiej Piatkowski
Dionizy Piątkowski
Franciszek Pieczka
Susanna Pieczuro
Jędrzej Piekara
Marek Pielach
Denis Pielichow
Krzysztof Piesiewicz
Maja Pieszkowa
Barbara Pietkiewicz
Tomasz Pietrasiewicz
Zbigniew Pietrasik
Zdzisław Pietrasik
Marija Pietrenko-Podjapolska
Marija Pietrowych
Martina Pietsch
Stanisław Pięta
Krzysztof Pilawski
Jerzy Pilch

Marian Pilot
Józef Piłsudski
Dana Pinczewska
Aleksander Piński
Richard Pipes
Rafał Pisera
Anna Piwkowska
Leonid Pluszcz
Jerzy Płazewski
Bohdan Pociąg
Natalia Pockaja
Leonid Poczywałow
Irina Podczyszczajewa
Marta Podgórnica
Joanna Podgórska
Anna Podhajska
Natalia Podolska
Antoni Podolski
Aleksandr Podrabinek
Antoni Podraza
Anna Podrażka
Jacek Podsiadło
Galina Pogodina
Halina Pogożewa
Krzysztof Pol
Cezary Polak
abp Wojciech Polak
Aleksiej Polanski
Siergiej Polityko
Izabela Polkowska
Jan Polkowski
Martin Pollack
Seweryn Pollak
Anna Polony
Elżbieta Południk
Kirył Pomerancew
Krzysztof Pomian
Jerzy Pomianowski
Adam Pomorski
Janusz Poniewierski
Sławomir Popowski
Myrosław Popowycz
Witalij Portinkow
Antoni Pospieszalski
Tomasz Potkaj
Michał Potocki
Grażyna Preder

Justyna Prus
Maria Prussak
Ksawery Pruszyński
Mieczysław Pruszyński
Grzegorz Przebinda
Michał Przedlacki
Piotr Przesmycki
Jeremi Przybora
Julian Przyboś
Mariusz Przybylski
Ryszard Przybylski
Dominika Pszczółkowska
Wojciech Pszoniak
Iza Pur Rahnama
Anna Pustyncewa
Konstanty Puzyna
Agata Pyzik
Marek Rabij
Renata Radłowska
Łukasz Radwan
Agnieszka Radwańska
Anna Radziukiewicz
Wacław Radziwinowicz
Marek Radziwon
Arkadij Rajkin
Teresa Rakowska-Harmstone
Egon Rams
Marek Rapacki
Włodimir Raszewski
Helena Raszka
Kazimierz Ratoń
Marek Rau
Krzysztof Rawa
Aleksander Rawicz
Jerzy Redlich
Monika Redzisz
Jerzy Regulski
Girard Renaud
Paweł Piotr Reszka
Marina Rezontowa
Krzysztof Rębała
Madina Richter
Malcolm Rifkind
Magdalena Rigamonti
Krystiana Robb-Narbutt
Krystyna Rodowska
Stefan Rodziewicz

Paweł Rogalski
Borys Roginski
Maria Rogińska
Anatolij Rojzman
Radosław Romaniuk
Leonid Romankow
Dorota Romanowska
Andrzej Romanowski
Zdzisław Romanowski
Zbigniew Romaszewski
Maciej Rosalak
Jacques Rossi
Wojciech Roszkowski
Adam Daniel Rotfeld
Klaudia Rotmanowa
Robert Roźdiestwienski
Tomasz Rożek
Janosz Rózas
Jan Rózdzyński
Rafał Różewicz
Tadeusz Różewicz
Tomasz Różycki
Adolf Rudnicki
Janusz Rudnicki
Marek Rudnicki
Paweł Rudniew
Konstantin Rusanow
Natalia Rusiecka
Joanna Ruszczyk
Teresa Rutkowska
Agnieszka Rybak
Marek Rybarczyk
Jeremi Ryfkin
Eustachy Rylski
Jarosław Marek Rymkiewicz
Andriej Sacharow
Jerzy Sadecki
Andrzej Sadowski
Grzegorz Sadowski
Jakub Sadowski
Jeremi Sadowski
Marek Safjan
o. Jacek Salij
Stanisław Maria Saliński
Agnieszka Sambor
Maciej Samcik
Dawid Samojłow

Irina Samsonowa
Henryk Samsonowicz
Jerzy Sandecki
Anna Sańczuk
Michel Sard
Petro Sardaczuk
Piotr Sarzyński
metropolita Sawa
Elżbieta Sawicka
Paula Sawicka
Aleksander Schenker
Anna Schiller
Michael Schudrich
Władysław Sebyła
Wanda Seliwanowska
Jarosław Sellin
Ilja Selwinski
Dorota Semeryt
Marcin Sendecki
Janusz Sepioł
Mariusz Sepioło
Zurab Sepiszwili
Julia Sereda
Ewa Siedlecka
Siergiej Siekirinski
Fanna Siekłowa
Anna Sielanko
Mariusz Sielski
Andrzej Siemaszko
Wojciech Siemion
Grzegorz Siemionczyk
Henryk Sienkiewicz
Stanisław Sienkiewicz
Jacek Sieradzki
Judyta Sierakowska
Sławomir Sierakowski
Artur Sierant
Wacław Sieroszewski
Andrzej Sierzpowski
Wiera Siewierianowa
Sławomir S. Sikora
Wojciech Sikora
Radosław Sikorski
Marina Silwanska
Natalia Sinajewa-Pankowska
Władimir Sirotinin
Krzysztof Siwczyk

Ewangelina Skalińska
Ernest Skalski
Bogdan Skaradziński
Barbara Skarga
Krystyna Skarżyńska
Rozalia Skiba
Felicjan Sławoj-Składkowski
Aleksandr Skobow
Teresa Skoczyńska
Jan Skórzyński
Wojciech Skuza
Marek Skwarnicki
Igor Sławicz
Ewa Sławińska-Dahlig
Stanisław Sławiński
Tadeusz Słobodzianek
Antoni Słonimski
Żanna Słoniowska
Edward Słoński
Juliusz Słowacki
Borys Słucki
Władimir Smirnow
Jekaterina Smirnowa
Renata Smirnowa
Tamara Smirnowa
Wawrzyniec Smoczyński
Aleksander Smolar
Paweł Smoleński
Iwona Smolka
Michał Smolorz
Elżbieta Smułkowa
Aleksander Smykalin
Elżbieta Smykowska
Timothy Snyder
Anna Sobieska
Katarzyna Sobijanek
Eugeniusz Sobol
Justyna Sobolewska
Tadeusz Sobolewski
Ludmiła Sofronowa
Nikita Sokołow
Jekatierina Sokołowa
Javier Solana
Kaja Solecka
Joanna Solska
Wacław Solski
Mark Sołonin

Piotr Sommer
Danuta Sosnowska
Jerzy Sosnowski
Dariusz Sośnicki
Włodimir Spieranski
Orest Spiwak
Filip Springer
Grzegorz Sroczyński
Stanisław Stabro
Edward Stachura
Marian Stala
Paweł Stangret
Filip Stanisławski
Jan Stanisławski
Wojciech Stanisławski
Andrzej Stankiewicz
Tomasz Stańczyk
Stefan Starczewski
Ksenia Starosielska
Sokrat Starynkiewicz
Andrzej Starzycki
Jerzy Starzyński
Piotr Stasiak
Dariusz Stasik
Maciej Stasiński
Agnieszka Stasiuk
Andrzej Stasiuk
Zuzanna Staszewska
Stanisław Staszewski
Wojciech Staszewski
Nina Stawrogina
Jolanta Steciuk
Antoni Stefanowicz
Tadeusz Stefańczyk
Jolanta Stefko
Anna Stefopoulos
Hugo Steinhaus
Andrzej Stelmachowski
Jerzy Stempowski
Marzena Stępień
Jerzy Sthur
Piotr Stiechin
Aleksiej Stiepanow
Polina Stiepanowa
Janusz Stokłosa
Tadeusz Stolarzewski
Krystyna Stołęcka

Ludwik Stomma
Siergiej Stratanowski
Jacek Strękowski
Jan Strękowski
Maksym Stricha
Michaił Strielec
Zdzisław Stroiński
Henryk Stroński
Borys Strugacki
Julian Strykowski
Jan Strzałka
Jadwiga Strzelecka
Marta Strzelecka
Anna Stypułkowska
Donata Subbotko
Henryk Suchar
Tadeusz Sucharski
Nata Suczkowa
Radosław Adam Suławka
Jerzy Supady
Jerzy Surdykowski
Wojciech Surmacz
Katarzyna Surmiak-Domańska
Swiatosław Swiacki
Stanisław Swidorow
Feliks Swietow
Łada Syrowatko
Wiktor Szankau
Michaił Szapowałow
Anita Szarlik
Leszek Szaruga (Aleksander Wirpsza)
Tadeusz Szawiel
Ryszard Szawłowski
Andrzej Szczeklik
Krzysztof Szczepaniak
Edward Szczepanik
Marek Szczepanik
Anna M. Szczepan-Wojnarska
Jan Józef Szczepański
Joanna Szczepkowska
Jurij Szerbak
Władimir Szczetinski
Joanna Szczęsna
Wasilij Szczukin
Mariusz Szczygieł
Andrzej Szczypiorski
Irina Szejko-Iwankiw

Wiktor Szejnis
Wiktor Szelygin
Lucjan Szenwald
Piotr Szewc
Lilia Szewcowa
Siergiej Szewczenko
Dmitrij Szewionkow-Kisielew
Marta Szilajtis-Obiegło
Maciej Szklarczyk
Władysław Szlengel
Borys Szmielow
Siergiej Szorgin
Violetta Szostak
Bolesław Szostakowicz
Małgorzata Szpakowska
Iwona Szpala
Andrzej Szpilman
Władysław Szpilman
Paweł Sztarbowski
Władimir Sztokman
Przemysław Szubartowicz
Janusz Szuber
Aleksander Szubin
Walerij Szubinski
Małgorzata Szumowska
Jelena Szwarc
Dorota Szwarcman
Joanna Szwedowska
Miroslawa Szychowiak
Tomasz Szydlowski
Jadwiga Szymak-Reiferowa
Kamila Szymańczyk
Adriana Szymańska
Helena Szymańska
Adam Szymański
Konrad Szymański
Wisława Szymborska
Lilia Szyszko
Jacek Ślaski
Wiktoria Śliwowska
René Śliwowski
Tomasz Śmigielski
Lucjan Śniadower (Michał Sosnowicz)
Jan Śpiewak
Paweł Śpiewak
Mateusz Środoń
Hanna Świda-Ziemba

Bronisław Świdorski
Marcin Świetlicki
Janusz Świeży
Małgorzata Święchowicz
Marcin Święcicki
Anna Świrszczyńska
Marek Tabin
Ryszard Tadeusiewicz
Katarzyna Taras
Leon Tarasewicz
Kordian Tarasiewicz
Borys Tarasiuk
Waldemar Tarczyński
Kazimierz Targosz
Karol Tarnowski
Paweł Tarnowski
Anna Tatar
Nina Taylor-Terlecka
Janusz Tazbir
Władysław Lech Terlecki
Róża Thun
Andriej Tichomirow
Jerzy Timoszewicz
ks. Józef Tischner
Ilona Tisznik
Andrzej Titkow
Eugeniusz Tkaczyszyn-Dycki
Hanna Tobolska
Olga Tokarczuk
Joanna Tokarska-Bakir
Giovanna Tomasucci
Bogdan Tomaszewski
Beata Tomasziewicz
Paweł Tomczyk
Jan Tomkowski
Stella Tonkonogowa
Teresa Torańska
Barbara Toruńczyk
Bogdan Tosza
Kazimierz Tracewicz
Dmitrij Trenin
Stefan Treugutt
Leonid Trus
Nina Truszkowska
Larysa Trybus
Andrzej Trzebiński
Bronisław Tumiłowicz

Adrian Turecki
Jerzy Turowicz
Łukasz Turski
Donald Tusk
Agata Tuszyńska
Julian Tuwim
Bogdan Twardochleb
ks. Jan Twardowski
Jelena Twierdiłowa
Petro Tyma
Roman Tymieńczyk
Julia Tymoszenko
Władimir Ufland
Dominik Uhlig
Magda Umer
Leopold Unger
Jerzy Urban
Mariusz Urbanek
Tomasz Urzykowski
Borys Uspienski
Agnieszka Uścińska
Krzysztof Varga
Juber Vedrin
Tomas Venclova
Andrzej Vincenz
Stanisław Vincenz
Debora Vogel
Andrzej Wajda
Adam Wajrak
Jacek Wakar
Katarzyna Wal
Joanna Walaszek
Robert Walenciak
Danuta Walewska
Natalia Waloch
Danuta Wałęsa
Lech Wałęsa
Danuta Waniek
Henryk Waniek
Kacper Wańczyk
Dawid Warszawski (Konstanty Gebert)
Marek Wasilewski
Wiera Wasiliewa
Bernadeta Waszkiewicz
Aleksander Wat
Maria Watutina
Emil Wąsacz

Leszek Wątróbski
Szewach Weiss
Anastasija Wekszyna
Justyna Wencel
Walerij Werbicki
Myrosław Werbowyj
Igor Werestiuk
Andrzej Werner
Ewa Wesołowska
Jadwiga Wesołowska
Aleksandra Weyna
Jerzy Węgierski
Bartosz Węglarczyk
Miłosz Węglewski
Rafał Węgrzyniak
Aleksander Wheels
Sławomir Wiatr
Jan Widacki
Paweł Wieczorkiewicz
Adam Wiedemann
Dmitrij Wiedieniapin
Ewa Wiegandt
Dominika Wielowieyska
Andrzej Wielowieyski
Antoni Wieniawski
ks. Alfred Marek Wierzbicki
Piotr Wierzbicki
Tomasz Wierzbicki
Zbigniew Wierzbicki
Kazimierz Wierzyński
Dariusz Wilczak
Jagienka Wilczak
Mieczysław Wilczek
Wacław Wilczyński
Bronisław Wildstein
Ewa Wilk
Mariusz Wilk
Paulina Wilk
Wanda Wiłkomirska
Jan Winiecki
Ewa Winnicka
Anna Winogradowa
Witold Wirpsza
Katarzyna Wiśniewska
Stanisław Ignacy Witkiewicz
Anna Witkowska
Maria Witt

Krzysztof Wittels
Józef Wittlin
Gieorgij Władimow
Wiesław Władyka
Dmitrij Włoczek
Artur Włodarski
Ludwika Włodek
Katarzyna Włodkowska
Miłosz Piotr Wnuk
Zofia Wnuk
Dorota Wodecka
Ewa Beata Wodecka
Rafał Wojaczek
Marcin Wojciechowski
Piotr Wojciechowski
Karol Wojtyła
Maciej Wojtyszek
Dariusz Wolak
Jan Woleński
Anna Wolff-Powęska
Agnieszka Wolny-Hamkało
Eliza Wolska
Tatiana Woltska
Tomasz Wołek
Aleksiej Wołkow
Leszek Wołosz
Julian Wołoszynowski
Piotr Womela
Andrzej Worobjow
Galina Woropajewa
Natalia Woroszyńska
Wiktor Woroszyński
Jerzy Woszczyński
Aleksiej Wowk
Piotr Grzegorz Woźniak
Tomasz Woźniak
Henryk Woźniakowski
Jacek Woźniakowski
Władysław Woźniewicz
Ewa Wójciak
Monika Wójciak
Aneta Wójciszyn
Bernadetta Wójtowicz
Grzegorz Wójtowicz
Irena Wóycicka
Kazimierz Wóycicki
Kamila Wronowska

Jurij Wroński
Paweł Wroński
Janusz Wróblewski
Henryk Wujec
Kuba Wygnański
Katarzyna Wypustek-Zuchowicz
Iwan Wyrpajew
Alicja Wysocka
Katarzyna Wysocka
Stanisław Wyspiański
Jerzy Wyszomirski
Tadeusz Wyszomirski
Tomasz Zaboklicki
Dariusz Zaborek
Marcin Zaborowski
Nikolaj Zachmatow
Bohdan Zadura
Adam Zadworny
Adam Zagajewski
Marek Zagańczyk
Bożena Zagórska
Sławomir Zagórski
Marek Zając
Elżbieta Zajączkowska
Hanna Zajączkowska-Miązek
Larysa Zajączkowska-Mitznerowa (Barbara Gordon)
Oleg Zakirow
Stanisław Zakroczyński
Andrzej Zakrzewski
Marta Zambrzycka
Krzysztof Zanussi
Luba Zarembińska
Małgorzata Zaręba
Dariusz Zarzecki
Paweł Zarzeczny
Ewa Zarzycka-Bérard
Anna Zatorska
Adam Zauer
Andrzej Zawada
Filip Zawada
Inessa Zawadzka
Wacław Zawadzki
Włodzimierz Zawadzki
Zbigniew Zawadzki
Artur Zawisza
Irena Zawisza
Bogdan Zdrojewski

Marian Zdziechowski
Katarzyna Zegadło
Agnieszka Zegier
Natalia Zelenko
Gustaw Zemła
Zygmunt Ziątek
ks. Jan Zieja
Marek Zieleniewski
Tadeusz Zielichowski-Woyniłowicz
Jan Zieliński
Jarosław Zieliński
Marek Zieliński
Michał Zieliński
Tadeusz Zieliński
Paulina Zielona
Jurij Ziman
Ewa Ziółkowska
Andrzej Zoll
Aleksiej Zotow
Marta de Zuniga
Zbigniew Żakiewicz
Jacek Żakowski
Oleś Żałkowski
Władimir Żarawin
Wasilij Żarkow
Giennadij Żaworonkow
Manuk Żažojan
Markijan Żelak
Zbigniew Żbikowski
Anna Żebrowska
Aleksander Żeleznow
Agata Żmudzińska-Judicka
Tomasz Żółciak
Michał Żórawski
Robert Żurek
abp Józef Życiński
Agata Żylińska
Marcin Żyła
Bogusław Żyłko

Благодарность

С момента основания «Новой Польши» в 1999 году до февраля 2018 года печатью и распространением нашего журнала на территории России занималось издательство «МИК». По многим причинам эта работа была нелегкой. Мы сердечно благодарим издательство «МИК» и в особенности Елену Владимировну Паршкову за сотрудничество и дружбу.

Редакция «Новой Польши»